

**ИСТОРИЯ
УТРАЧЕННОЙ
РУКОПИСИ**

**ЭХЕЦУ АННА
СТРАНА УДЭХЕ**

Проект реализуется победителем
грантового конкурса 2017 года
благотворительной программы
«Меняющийся музей
в меняющемся мире»
Благотворительного фонда
В. Потанина.

Приморский государственный
объединенный музей
имени В. К. Арсеньева

ПРИМОРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
- ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

ВЛАДИВОСТОК
2018

***В память о двух прекрасных людях
и талантливых авторах —
Иване Егорчеве, который
стоял у истоков проекта,
и Александре Лобычеве,
который знал ответы на все вопросы.***

СТРАНА УДЭХЕ

ИСТОРИЯ УТРАЧЕННОЙ РУКОПИСИ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ КОЛЛЕКЦИИ

У каждой страны — свои герои. Те, кто защищал территории, и те, кто их осваивал — строил, прокладывая дороги, кто нёс в новые земли цивилизацию и культуру. И здесь в особом почёте первопроходцы — путешественники, исследователи — люди особых личных качеств. Пассионарии, обладающие, с одной стороны, отвагой для встречи с неведомым, а с другой — особой творческой дисциплиной, чтобы, вернувшись из экспедиции, облечь приобретённые знания в отчёты, карты, статьи, книги.

В регионах, которые стремительно вошли в состав России в середине XIX века, люди таких компетенций были в большой цене. Страна приросла колоссальными территориями, освоить которые можно было, только опираясь на практические знания о флоре, фауне, климате, особенностях рек и горных массивов. А на территории Восточной Сибири вновь присоединённые земли были сопряжены с границей — протяжённой, географически сложной и к концу XIX века все ещё довольно прозрачной. В связи с этим первых путешественников, которые исследовали территории новых русских владений на востоке Сибири, рекрутировали из сферы военных. М. Венюков, Н. Пржевальский, а позднее и В. Арсеньев отправились в свои первые экспедиции, имея за плечами хорошее военное образование. Людей подобного опыта современная наука выделяет в отдельную группу, называет их «военными востоковедами» и определяет как офицеров, изучавших русский приграничный Восток. Русское военное востоковедение стало уникальным явлением XIX–XX вв., ибо подобной институции не было ни в одной из цивилизованных стран того времени. Зародившись в военной среде, оно со временем оформилось в систему теоретических и прикладных знаний в области географии и культуры русского Востока. По-разному складывались судьбы военных востоковедов: одни оставались в армии, другие уходили в науку. Арсеньев — из тех, кто сделал выбор в пользу академического знания. Пытливый ум, тяга к путешествиям и стремление к открытиям всегда вели его за собой.

Владимир Арсеньев родился в Санкт-Петербурге в 1872 году, там же в 1896 году окончил пехотно-юнкерское училище. Проникнувшись любовью к дальним странствиям из лекций своего преподавателя — знаменитого русского путешественника М. Е. Грум-Гржимайло, — юноша стал грезить Восточной Сибирью. Подав прошение о переводе, он вскоре получил назначение во Владивосток. В. К. Арсеньев прибыл к месту службы в 1900 году и провёл в Восточной Сибири всю оставшуюся жизнь — жизнь исследователя, которую можно назвать одной экспедицией длиной в тридцать лет.

Он полюбил этот край, исходив его вдоль и поперёк и накрыв сеть своих экспедиционных маршрутов. Собрал богатые коллекции по ботанике, геологии, зоологии, этнографии, археологии. По материалам своих путевых дневников он опубликовал более шестидесяти научных работ и около двух десятков литературных сочинений, снискавших ему писательскую славу: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» и др. Он был энциклопедистом: обладал обширными познаниями в разных отраслях, к тому же накапливал опыт практических исследований, и всё это имело выход в виде докладных записок, научных статей, лекций, учебных пособий, художественных произведений...

Внезапная смерть Арсеньева в 1930 году помешала увидеть свет многим его трудам. Об этом можно судить по сохранившейся переписке исследователя с большим числом адресатов. Особенно прочно Владимир Клавдиевич поддерживал связь с одним из первых своих биографов — Фёдором Аристовым. Письмо, адресованное Аристову, стало последним письмом Арсеньева из известных нам на сегодняшний день. Оно датировано 27 июня 1930 года. Из текста письма понятно, что Аристов предлагал исследователю отметить приближающийся юбилей — тридцатилетие его «дальневосточной Одиссеи». Однако Арсеньев, судя по всему, был настроен пессимистично. В письме он признаётся: «Я всё больше и больше чувствую своё одиночество». И хотя семья остаётся для Владимира Клавдиевича раем и местом, где он отдыхает душой, окружающая действительность вызывает у него всё большее отторжение: «Я стал уставать от людей и многого не понимаю, чего они хотят и почему так озлоблены друг на друга». Давали о себе знать нападки на исследователей старой школы со стороны представителей «пролетар-

ской науки», которые Арсеньев в конце 1920-х гг. испытал на себе в полной мере. Сетую на то, что время и силы уходят, Владимир Клавдиевич указывает в этом письме на три важных труда, в издании которых он был очень заинтересован. Это «Страна Удэхе», «Теория и практика путешестввенника» и «Древности Уссурийского края».

«Страна Удэхе» открывает перечень работ, и не случайно: Арсеньев считал эту книгу делом всей своей жизни. Он много лет собирал материалы об удэгейцах, выделяя этот народ в отдельную этническую общность. Изучал их язык, занятия, обряды и верования... Упоминания о книге, готовой или почти готовой к публикации, неоднократно встречаются в письмах Арсеньева разных лет. В 1926 году он выпустил небольшую работу «Лесные люди удэгейцы», в которой частично систематизировал накопленный к тому времени материал. В предисловии к этому изданию автор пишет: «Настоящая брошюра является кратким и популярным изложением большого труда «Страна Удэ(хе)», над которым автор работает уже 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем».

Из переписки Арсеньева с коллегами-учёными известно, что редактировать рукопись и стать её рецензентом согласился профессор МАЭ Л. Я. Штернберг, с которым Владимир Клавдиевич встречался в Ленинграде в 1924 году. В октябре 1925 года Арсеньев написал Штернбергу письмо, в котором упомянул о своём намерении освободиться от лишней нагрузки и закончить труд «Страна Удэхе», а в 1926 году обратился с просьбой стать редактором книги. Однако внезапная смерть Штернберга в 1928 году отодвинула издание монографии на неопределённый срок. Неизвестно, искал ли Арсеньев другого рецензента и редактора. В сентябре 1930 года Владимир Клавдиевич скоропостижно умер, и рукопись так и осталась неизданной. Какова её судьба, сегодня не ясно. Вполне вероятно, что рукопись была изъята при обыске во время ареста супруги Арсеньева — Маргариты Николаевны, обвинённой в контрреволюционной и шпионской деятельности и расстрелянной в 1938 году. Соседка Арсеньевых позднее утверждала, что сотрудники НКВД вывезли из квартиры девятнадцать мешков с документами. Скорее всего, и рукопись была там...

Однако существует ещё одна версия развития событий. Она опирается на обстоятельства последних дней жизни Арсеньева. Известно, что незадолго до смерти его навещал близкий друг — врач Владивостокского морского госпиталя Фёдор Альбертович Дербек (Фридрих Альберт Дербек, если точно, поскольку он — обрусевший немец). В начале 1930-х он эмигрировал в Германию, где и прожил оставшиеся годы и умер, предположительно, в 1945 году. А в 1956-м в городе Дармштадте небольшим тиражом вышла книга «Лесные люди

Удэхе. Исследовательские путешествия в районах Амура и Усури». Автором книги значился некто Фридрих Альберт. Понятно, что за этим именем скрывался Ф. Дербек. Но поскольку автор (или издатель) поставил на титульный лист книги только полное имя, а фамилию скрыл, появился предположение: смертельно больной Арсеньев мог передать рукопись Дербеку, и тот опубликовал её как свою, причём под псевдонимом. Так ли это — сложно было сказать, не ознакомившись с текстом книги. Удалось получить копию с единственного в России экземпляра, который хранится в Библиотеке Академии наук. Филолог-германист Людмила Корнилова перевела текст на русский язык, в процессе работы обращаясь к книге Арсеньева «Лесные люди удэгейцы». Да и сам автор не только упоминает Владимира Клавдиевича как своего друга и одного из крупнейших исследователей в области этнографии начала XX в., но и открыто признаёт первенство Арсеньева в изучении удэгейцев. В предисловии к книге он пишет: «Я посещал этих аборигенов очень редко и лишь на короткое время и интересуюсь ими благодаря В. К. Арсеньеву». Дербек утверждает, что взялся за написание книги под влиянием немецких антропологов, которые были обеспокоены пробелом в научных исследованиях об удэгейцах и отсутствием описания этого народа в современной этнографии. Автор пишет о том, что публикация этой книги преследовала высокую цель: «...никто другой не сделал такие обширные наблюдения, как Арсеньев, и я воспринял это как завещание — собрать воедино устные и письменные сведения друга, который умер у меня на руках, и дать им возможность увидеть свет». Эти слова Дербека звучат благородно, но никак не помогают подтвердить или опровергнуть его авторство. С одной стороны, он не скрывает пробелов в своих познаниях об удэгейцах и открыто обращается к опыту Арсеньева. И тогда стоит признать, что эта книга — не плагиат, а результат обобщения автором итогов многолетних исследований с привлечением сведений, собранных Арсеньевым в ходе таёжных экспедиций. Но тут встаёт главный вопрос: имел ли Дербек опыт этнографических исследований, достаточный для написания столь обширного труда? Книга В. К. Арсеньева «Лесные люди удэгейцы», которую сам автор называл брошюрой, — это скромная публикация в сорок страниц с небольшим, а монография Ф. Дербека, опубликованная в Германии, — это солидный труд, в котором около трёхсот страниц. Перечисление названий разделов книги подразумевает глубокое знание излагаемого материала: историческое прошлое региона, этническая история народа, флора, фауна и климат, внешний вид удэгейцев, традиционная одежда и украшения, жилище, шаманизм и т. д. Ф. Дербек, действительно, имел большой исследовательский опыт, но скорее в области биологии, чем в этнографии. Он был корабельным врачом, служил во Владивостокском морском госпитале. С 1909 года, участвуя в работе Гидрографической экспедиции Восточного океана, путешествовал на транспорте «Охотск» вдоль морского побережья и использовал каждую высадку на берег для изучения морской и прибрежной флоры и фауны. Однако в предисловии к своему труду он сам признаётся, что довольно редко посещал удэгейцев в местах их традиционного проживания. Как собиратель коллекций Дербек неоднократно упоминается в отчётах Общества изучения Амурского края

(ОИАК) за 1909–1915 гг. В период с 1902 по 1914 год он был директором музея ОИАК, где занимался обработкой и систематизацией музейного собрания. За всё это время он написал множество статей по биологии, однако всего одну — по археологии (о Макрушинской пещере) и одну по этнографии (о медведем празднике у гилаков). При всем уважении к исследовательскому опыту Дербек и его вкладу в развитие медицины на Дальнем Востоке следует признать отсутствие у него каких-либо материалов, а следовательно, и публикаций, пусть даже совсем незначительных, посвящённых удэгейцам. В таком случае возникает вопрос: как автор, находясь в Германии, географически оторванный от русского Дальнего Востока и не имеющий на руках никаких серьёзных данных, кроме брошюры Арсеньева, и к тому же не обладающий опытом исследователя-этнографа, мог создать столь обширный труд? К сожалению, неизвестно, чем Фридрих Альбертович занимался в Германии после эмиграции. Наверняка несколько лет ушло на обустройство, привыкание к новой реальности. А потом — война, и в это время не было условий для плодотворной научной работы. К тому же стоит учесть, что в Германию Дербек приехал уже в солидном возрасте, и вряд ли мог извлечь из памяти такие подробности в описании быта и культуры удэгейцев, которыми изобилует книга. Отсюда и возникает уверенность в том, что у него на руках были материалы чьих-то полевых исследований, а может быть, и готовая к публикации рукопись. Последнее дело — обвинять, не имея доказательств. Поэтому сегодня есть возможность только предполагать: мог ли Арсеньев доверить рукопись Дербеку? Наверное, мог. Они были дружны. Арсеньев с уважением относился к исследовательскому и музейному опыту Дербек, и для него было важно — узнать мнение друга и коллеги о написанной книге. Рукопись создана в середине 1920-х гг., когда материалы уже печатались на машинке, да и копия была в ходу. Так что могло существовать несколько экземпляров арсеньевского текста, и Владимир Клавдиевич наверняка предлагал рукопись для чтения тем, кому доверял и чьим мнением дорожил. Другое дело — почему только Дербек указан в качестве автора, если опубликованный им текст — действительно «Страна Удэхе»?

Книга вышла через одиннадцать лет после смерти Фридриха Альбертовича. Его родственники, друзья, издатели могли принять такое решение по каким-то своим мотивам. Хорошо бы связаться с потомками Дербек, поработать в немецких архивах с материалами издательства, которого сейчас, увы, уже не существует. Может быть — в истории науки всякое случалось — там бы обнаружился один из экземпляров рукописи Арсеньева... Но если в основе книги Дербек не лежит рукопись Арсеньева, то где же тогда может храниться труд, который Арсеньев считал для себя итоговим? Если экземпляров было несколько, то наверняка один из них оставался в домашнем архиве автора, и Маргарита Николаевна подразумевала как задачу для себя его обработку и последующее издание. Рукопись могла пропасть в одном из подвалов НКВД, могла сгореть — иногда рукописи все-таки горят! Тем более если учесть обстоятельства того времени — настоящую травлю краеведов и кампанию по уничтожению краеведческой литературы, которая развернулась в стране

в 1930-е гг. В 1932 году в журнале «Советское краеведение» появилась статья некоего В. Г. «За большевистскую бдительность в краеведении», в которой краеведы открыто названы контрреволюционерами. Упомянут в статье и Арсеньев: «Шовинистический душок имелся и у покойного исследователя Никольско-Уссурийского края В. К. Арсеньева...» В конце публикации анонимный автор обозначает одну из важнейших задач, стоящих перед краеведческими ячейками на местах, а именно: «...организовать ряд бригад с целью критического просмотра всей краеведческой литературы, как выпущенной в последние годы, так и выпускаемой. Особенно обратить внимание на местную краеведческую литературу (Ивановская, Ленинградская, Московская области, Дальний Восток и другие)». При таком положении дел вряд ли у арсеньевского текста были шансы уцелеть.

В обширном архиве В. К. Арсеньева, который хранится в собрании ОИАК и составляет фонд из четырёхсот с лишним единиц, имеются многочисленные наброски плана работ по вопросу об удэгейцах, несколько листов бумаги разного размера с названиями разделов предполагаемой книги: обычаи, сказки, быт и нравы, промыслы, одежда, шаманство и т.д. Часть листов пронумерована, что даёт повод предполагать существование рукописи большого объёма.

Поиски продолжаются и иногда приводят к открытиям. Так, разбирая вместе с краеведом и писателем, действительным членом Географического общества, Иваном Егорчевым, фотоархив В. К. Арсеньева в ОИАК, мы обнаружили неописанные негативы и несколько десятков отпечатанных с них фотографий. Каждый негатив помещён в отдельный конверт. На обратной стороне большинства фотоснимков рукой Арсеньева написаны названия предметов, в основном — атрибутов шаманского культа — на русском и удэгейском языках. И самое главное — тут же указаны номера страниц, для которых предназначались снимки: 1179, 1183 и т. д. Обозначена и дата: 1930 год.

Значит, рукопись была уже подготовлена к печати? Вот оно, вещественное доказательство существования «Страны Удэхе». Совсем чуть-чуть не хватило времени нашему герою на то, чтобы реализовать свой проект. Не хватило жизни...

А нам предстоит дальнейшие поиски рукописи, теперь уже не только в России, но и в Германии.

*АНЖЕЛИКА ПЕТРУК, заместитель
директора ПГОМ имени В. К. Арсеньева
по научной работе, руководитель проекта*

ДЕРЕВЯННАЯ КУЛЬТОВАЯ СКУЛЬПТУРА

Из коллекции негативов,
выявленных в архиве Общества
изучения Амурского края
в 2017 году

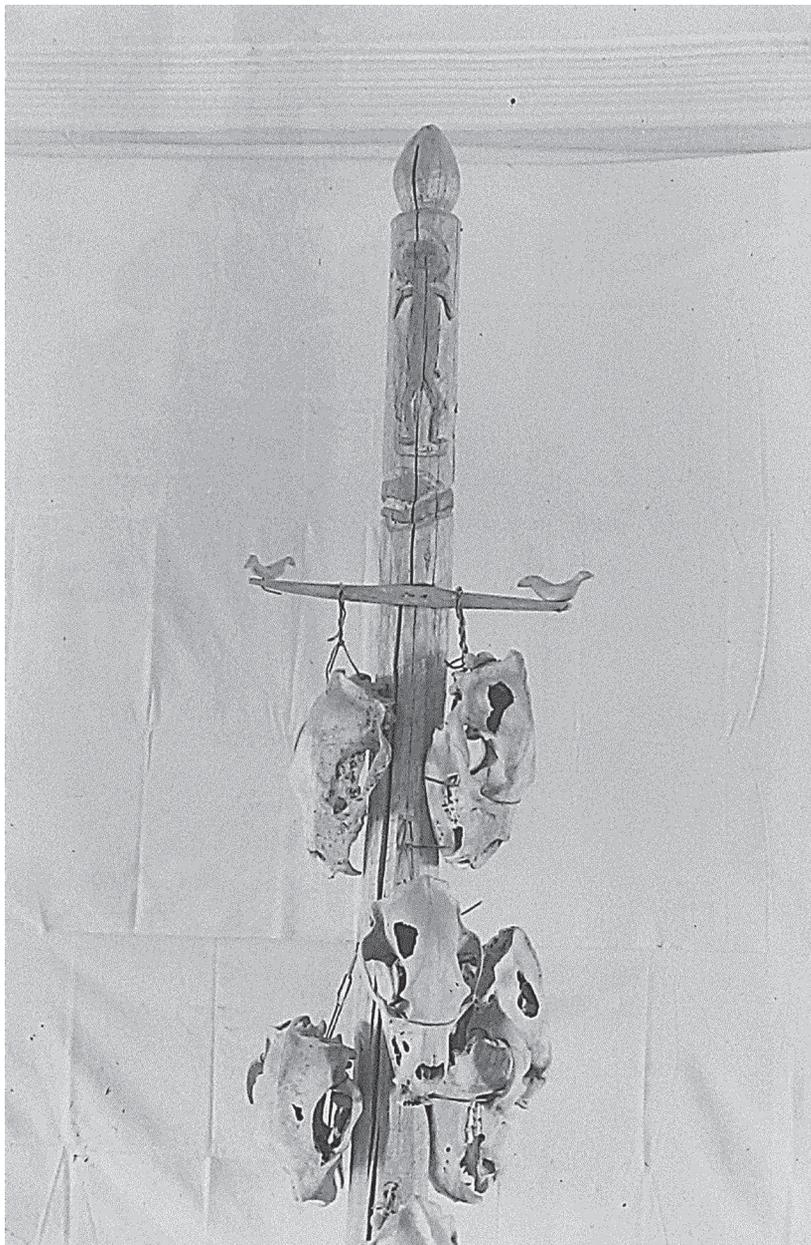
Шаман — это глубоко верующий, убеждённый человек, это предсказатель, врач духовный и телесный. Быть шаманом — это бремя, которое он должен нести до самой своей смерти. У каждого шамана есть свой дух (Сэвон). Шаман служит этому духу, а дух помогает шаману... В состоянии транса шаман видит духа, видит зверей, птиц, людей, разных чудовищ и, очнувшись, старается скомбинировать свои сны и изобразить их реально. Изображение духа называется «Севохи». Вот почему севохи бывают то с крыльями, то с медвежьей головой, то одноногие, то в виде птицы, человека, тигра и т. д. Чёрт, в свою очередь, тоже превращается в какое-нибудь

живое существо, входит в человека и мучает его. Такое изображение чёрта называется «Фуданку» и делается из соломы. Надо изгнать чёрта из дома больногo пляской, страшным видом, неистовым шумом и криками. Для этого шаман одевает маску, увешивает себя стружками, бьёт в бубен и потрясает позвонками. В полночь, во время камлания, при затушенном костре, при сильных криках фуданку выносятся из юрты наружу, разрывается на части и разбрасывается по ветру. Считается, что этим злой дух изгнан и больной освобождён от чёрта.

В. К. Арсеньев
«Орочи-Удэһе»,
стр. 31

ТХУН

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО *фрагмент*

Чёрт Окзо в виде страшной птицы с быстротою молнии летает по земле. Шаман по требованию этого злого духа делает ему пристанище — дерево «Тхун». Если шаман не исполнит приказаний Окзо, то злой дух поселится в его жилище, и тогда шаман погиб безвозвратно. На дерево навешено семь медвежьих черепов.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэге»,
стр. 38

Самый ужасный злой дух — Окзо. В виде страшной птицы с железными крыльями, с железным клювом и с железными зубами, он, с быстротой молнии, летает по всему свету. У него нет пристанища. И вот Окзо является шаману и велит ему сделать фигурное дерево «Тхун» (буквально Х и Н с носовым звуком произносится чуть слышно). Окзо точно указывает, где и какое дерево надо поставить и какие должны быть на нем изображения птиц, людей и животных. Шаман должен исполнить требование Окзо, иначе чёрт найдёт пристанище в его доме, и тогда шаман погиб безвозвратно. Вот почему все удэгейцы боятся места, где стоят такие Тхун, никогда не ходят туда ночью и даже днём стараются обойти их стороной.

В. К. Арсеньев
«Лесные люди удэгейцы»,
стр. 34

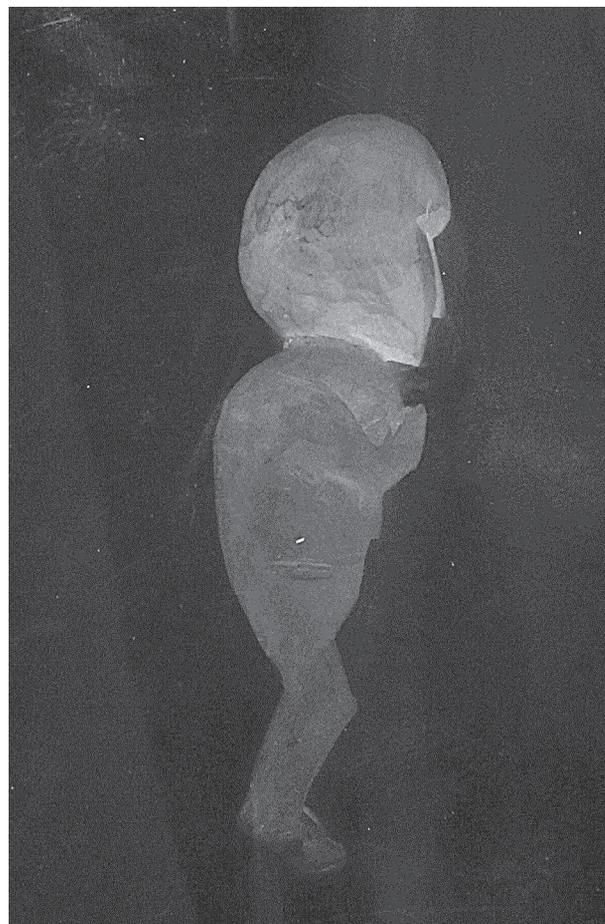
СЕВОХИ ГАХАМ

●
Севохи Гахам. Сделан для шамана по его указанию. Человек, летящий на птице Гаһа, — посланец шамана. Одежда человека сделана из шкурки бурундука.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе»,
стр. 37

СЕВОХИ НИ НА ОДНОЙ НОГЕ

●
Севохи Ни. Сделан по указанию шамана для больного, страдающего пороком сердца. Внутри Севохи подвешена пуля, изображающая сердце. Севохи держит на груди руки, прикрывая ими область сердца. Во время камлания Севохи на палочке втыкают в поле около костра.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 37

СЕВОХИ ТАБДЭЭНИ НА ТИГРЕ ЯГА

Севохи Табдээни. Сделан для шамана. Это изображение духа, которому служит шаман и который помогает шаману. Человек на тигре Яга. Голова его окружена двумя змеями, пояс — тоже змея двухголовая; длинная змея протянулась вдоль спины. Каждое из этих пресмыкающихся в руках Севохи превращается в грозное оружие — стрелу, бьющую без промаха. Надо, чтобы это оружие во всякую минуту было под рукой, вот почему и тигр Яга, и человек испещрены резными ящерицами и змеями.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 37–38

СЕВОХИ КУСАЛЯНКУ С ТИГРАМИ

Севохи Кусалянку. Сделан по указанию шамана для удачной охоты на соболей. Чёрт станет ослеплять глаза, для этого у Севохи есть козырёк и два тигра — вместо собаки, чтобы они чуяли врага и заблаговременно дали бы знать о приближении злого духа. У Севохи — железные когти.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэхе»,
стр. 37

СЕВОХИ КОКЕЛАМ

●
Севохи с человеческим телом и с медвежьей головой, горбатый, одноногий. Ороческое название «Кокелам севохи». Во время камлания вешается на палочку и втыкается около костра в юрте. У Севохи есть «Дёгдоху», т. е. тазик, на котором сжигается багульник.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 36

СЕВОХИ ЧЕНОМНИ

Севохи Ченомни считается самым сильным. Сделан для шамана и по указанию шамана. На голове вместо ножа семь ядовитых змей (одна сломана). Внутри его находится множество других севохи — его помощников, что и даёт ему такую силу. Такой дух (Севон) может делать великие дела. Редкий шаман имеет такого духа.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 38

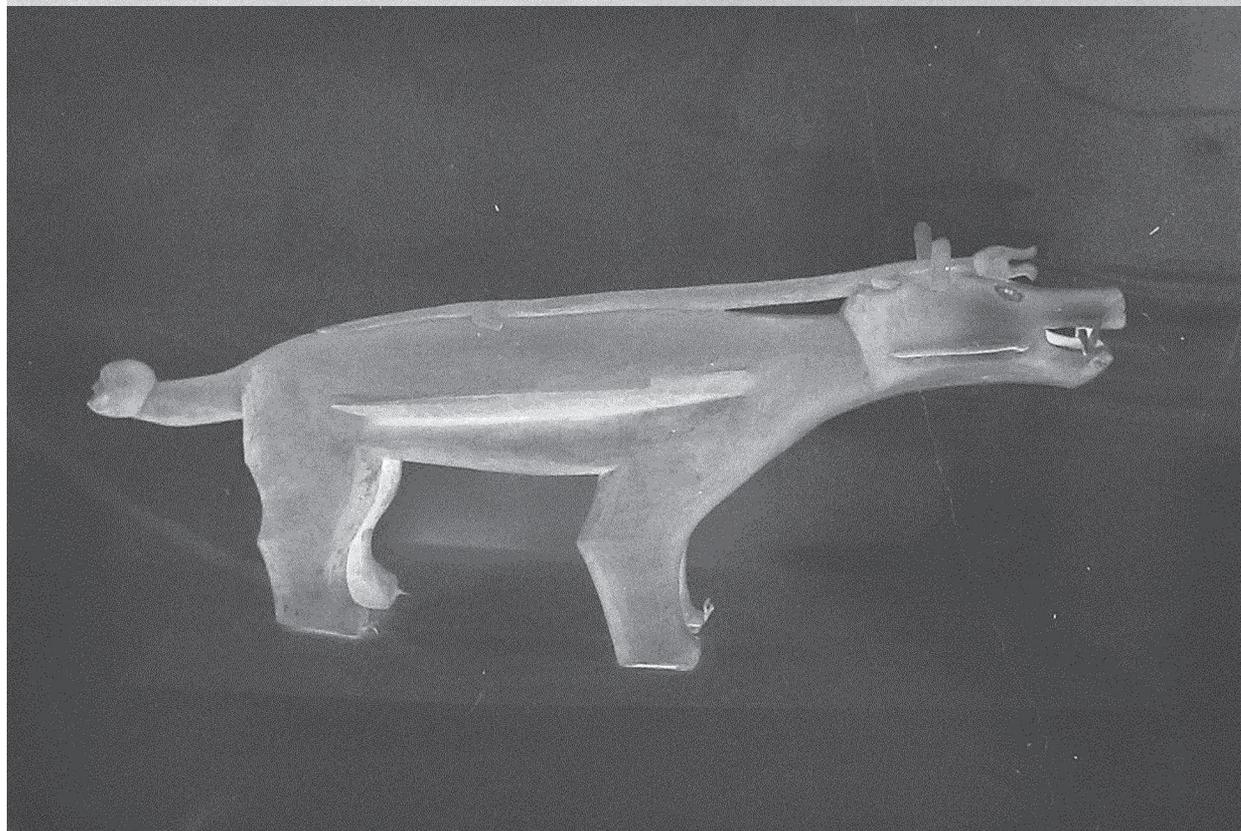
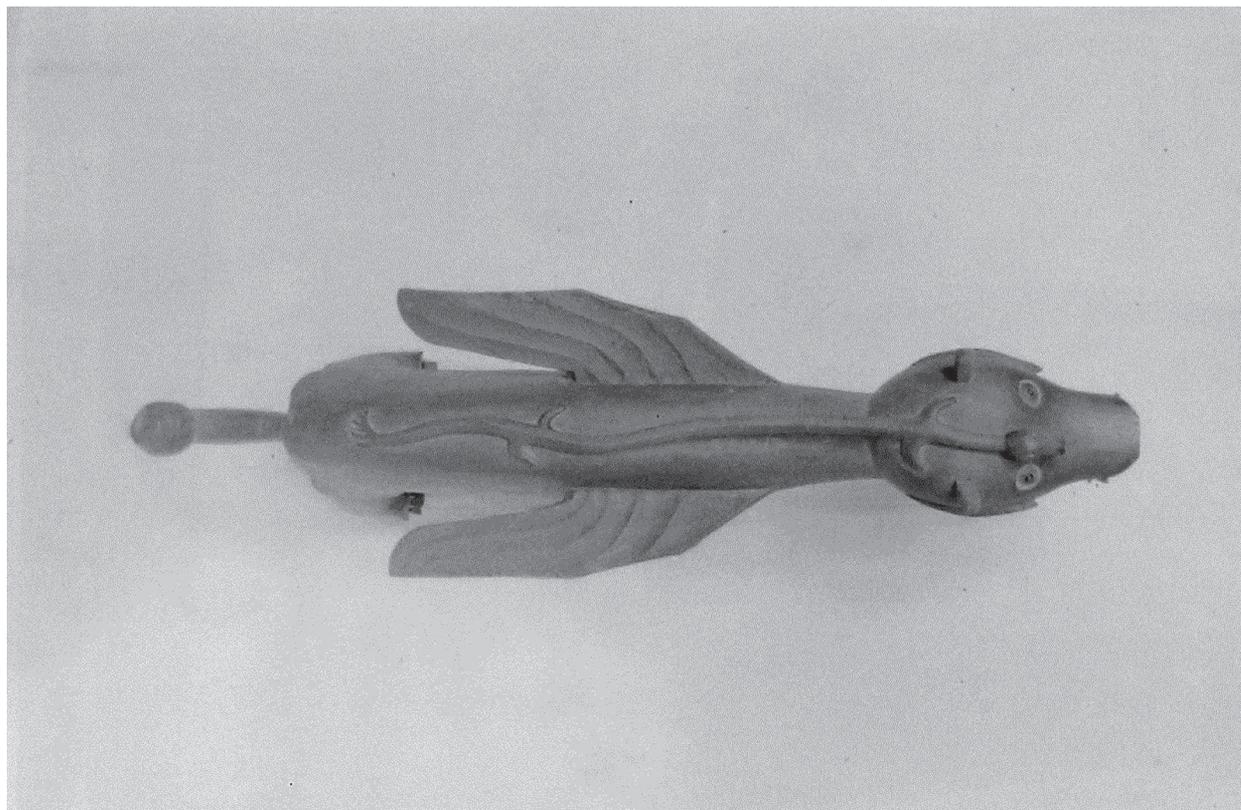

СЕВОХИ ДЫМ ЯГО ТЫЭНКУ

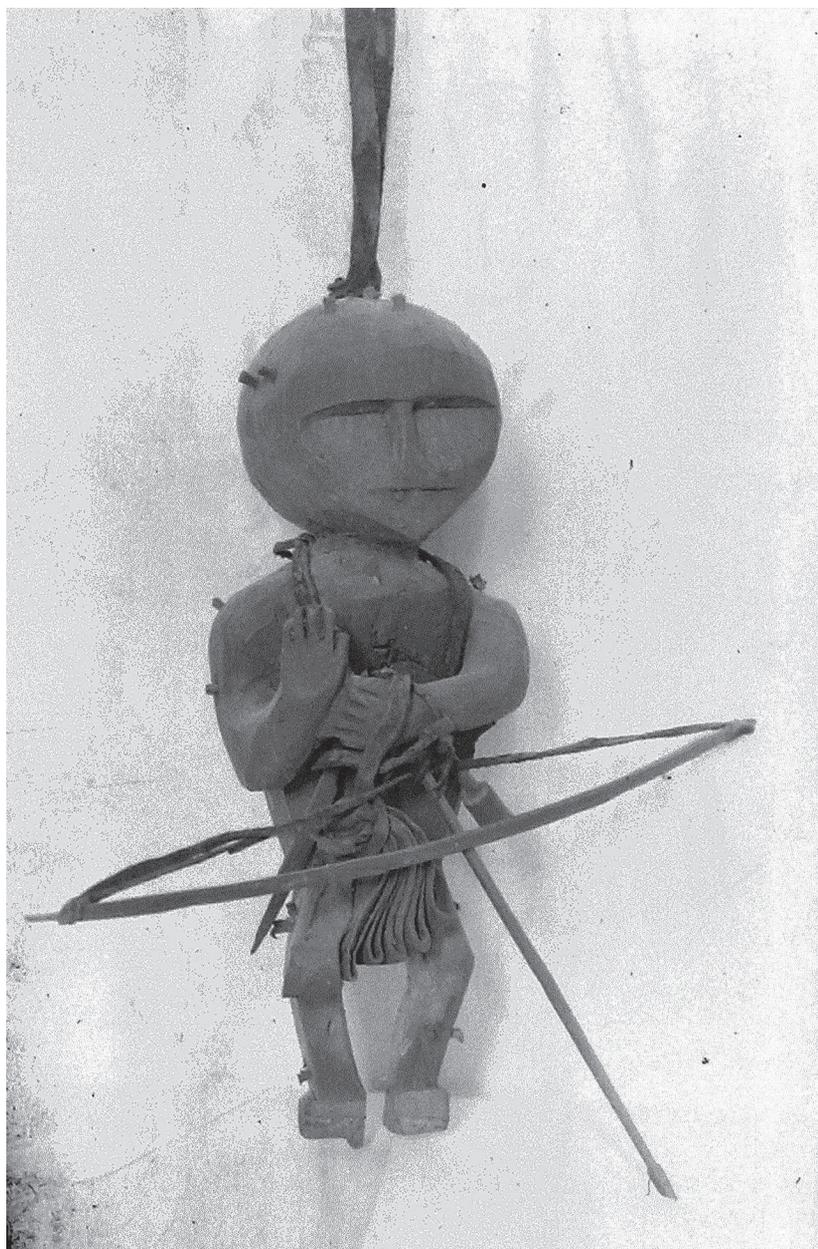

Сделан для шамана по его указаниям. Это изображение духа, который вселяется в шамана при камлании. На спине тигра модули (бог моря). Тигр может летать, как птица, и плавать, как рыба. Две змеи на щеках его увеличивают силу челюстей, снабжённых большими клыками. Под крыльями около передних лап есть круги — «толи». Хвост тигра оканчивается человеческой головой. Это Яга — самый страшный тигр, единственный на небе и земле.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 37

СЕВОХИ КУСАЛЯНКУ С ЛУКОМ

Севохи Кусалянку сделан по указанию шамана для успешной охоты. Он имеет одежду из звериных шкур, стрелу для стрельбы по зверю, ремень для переноски дичи, колотушку для добивания зверя, нож для свежевания дичи и для снятия шкур. Зубы Севохи и наконечник его стрелы мажутся кровью того животного, которое удаётся первый раз после камлания убить охотнику.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 36

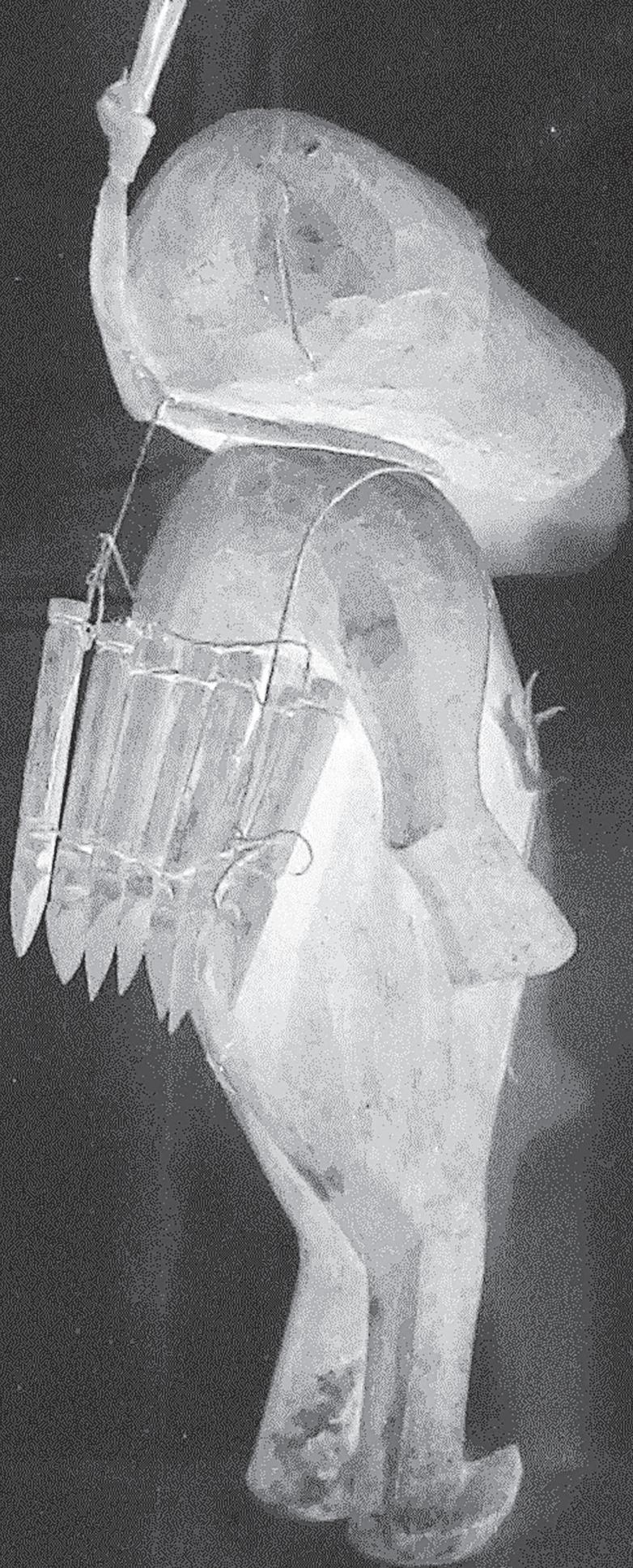
СЕВОХИ НИ

Севохи Ни (т. е. человек). Изображает человека с двумя ногами и с двумя руками. Помогает от всех болезней. Делается всегда одинаковым без одежды по указанию шамана и на основании обычая отцов и дедов.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 37

СЕВОХИ НИЭНКУ

Севохи Ниэнку изображает человека с медвежьей головой. Две ящерицы на его груди — это его собаки, они защищают грудь Севохи. На спине семь цайгда, т. е. семь человеческих голов, лица которых мажутся кровью убитого зверя. Сделан по указанию шамана орочу, который не имел удачи на охоте вследствие козней чёрта.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 36

СЕВОХИ СОЛЭ-КОЙ

Севохи Солэ-Кой изображает орла. На нём четыре малых севохи (Ды-ни). Это помощники Солэ-Кой. Раньше птица делалась из железа. Она изображает севохи — черта (Окзо) и потому всегда укрепляется на священном дереве (Тхун) и ставится головой к востоку. Севохи этот сделан для шамана.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 36

СЕВОХИ НИ ПУСТОТЕЛЫЙ

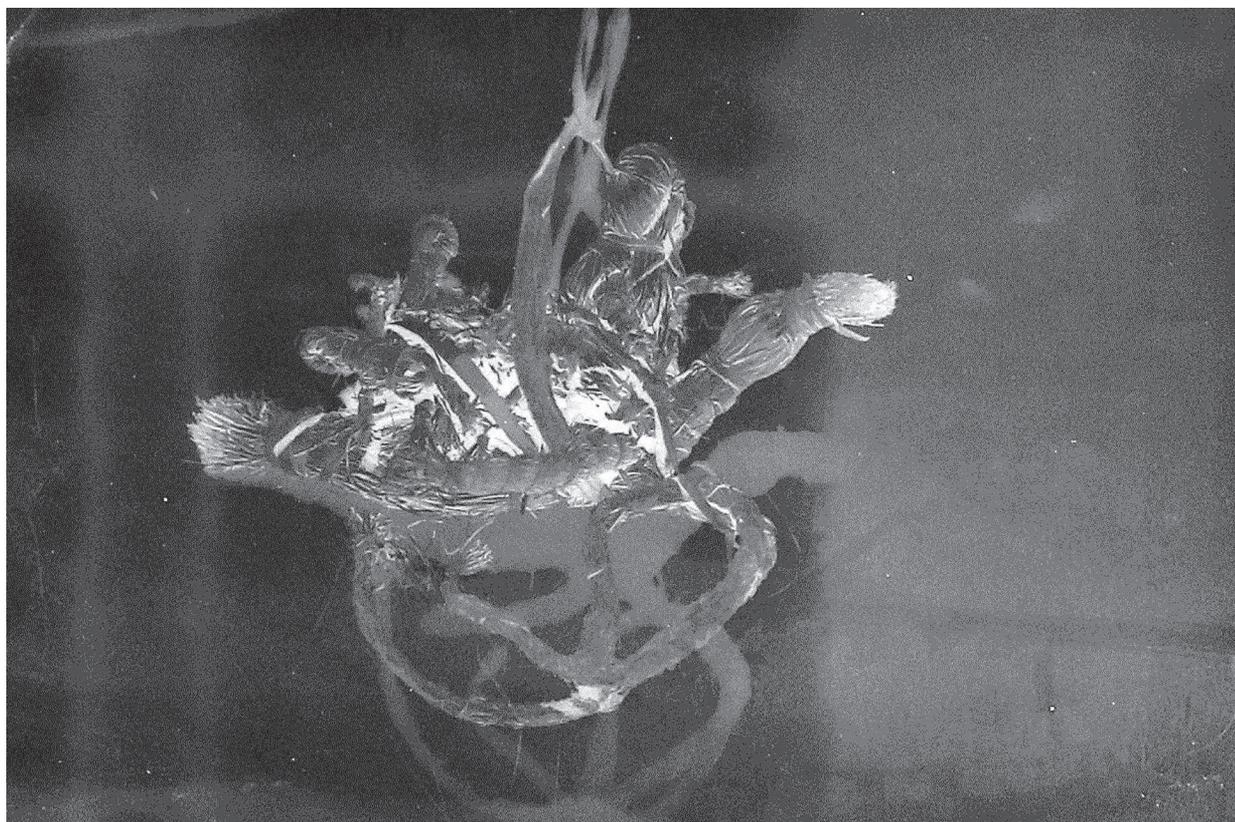

Севохи Ни, т. е. человек. Сделан на том же основании и для той же цели, как и предыдущий Севохи Ни. Этот Севохи пустотелый, с поднятыми вверх руками, имеет глаза из бус.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 37

ФУДАНКУ НИЭНКУ

●
Фуданку Ниэнку сделан по указанию шамана для успешной охоты на соболя. Этот сложный Фуданку состоит из птицы (Окзо), на ней летит человек «Амба-ни» (чёрт). Севоху обвивает змея — это Севоху птицы Окзо. У человека есть собака — она лает, когда чует близко врага. Четыре маленьких человека — это помощники Амба-ни. Этот Севоху держится в юрте и только при неудачной охоте ночью после камлания выносится наружу.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе»,
стр. 36

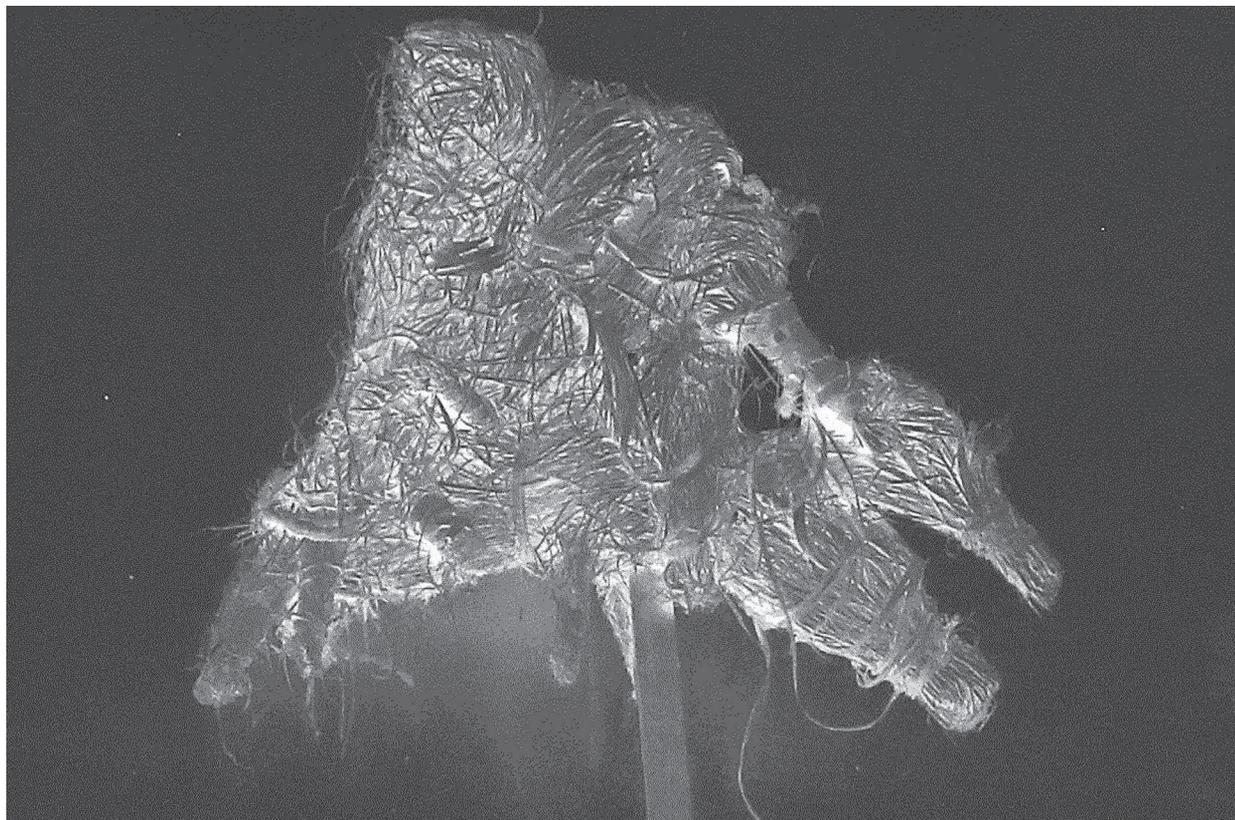
ФУДАНКУ ГАХАДИ ТЭМНЯХУ

●
Фуданку Гаһади Тэмняху изображает птицу и на ней летящих помощников злого духа. Этот Фуданку — есть севохи чёрта. Стружки изображают волосы. Изгнать этого духа из дома больного шаману стоит больших трудов.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе»,
стр. 38

ФУДАНКУ БУИНДИ ТЭМНЯХУ

●
Фуданку Буинди Тэмняху. Севохи чёрта едут на двуголовом животном (Буи).
Значение этого Фуданку то же, что и Фуданку Гахади Тэмняху.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 38

ФУДАНКУ НИ

Фуданку Ни сделан шаманом для изгнания чёрта из больной женщины. Имеет плащ, в узелке которого завязаны волосы больной. Перед фуданку сжигают листья багульника. Покрывало служит для того, чтобы дым шёл прямо ему в лицо. Во время камлания вешается на палочку, втыкаемую около притухшего костра. После камлания выносится наружу.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 36

ГЛАВНЫЙ СЕВОХИ МАНГНИ

Севохи «Мангни», изображающий человека... На боках и на груди шаманские зерцала («толи»). Имея «толи», Севохи будет неуязвим. Он охраняет дом шамана от вторжения в него чёрта. Шаман во сне видел «севона» с пустым животом, а вместо сердца у него была птица. На голове Севохи шапка (Ауни) с прикрепляемым на ней ножом (Ло). Со страшной силой Севохи бьет чёрта головой и поражает его. Лягушка (Яга) и ящерица (Епеля) символизируют жизнь Севохи. Без этих изображений он будет мёртв, будет просто кусок дерева. В правой руке — копьё (гида), в левой — меч. Руки его для прочности обвиты змеями. На спине тоже змея. Это для того, чтобы члены его не были хрупкими и ломкими. Левая рука шестипалая для того, чтобы Севохи крепче держал в ней меч.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 35

СЕВОХИ НИ КОМПЛЕКСА МАНГНИ

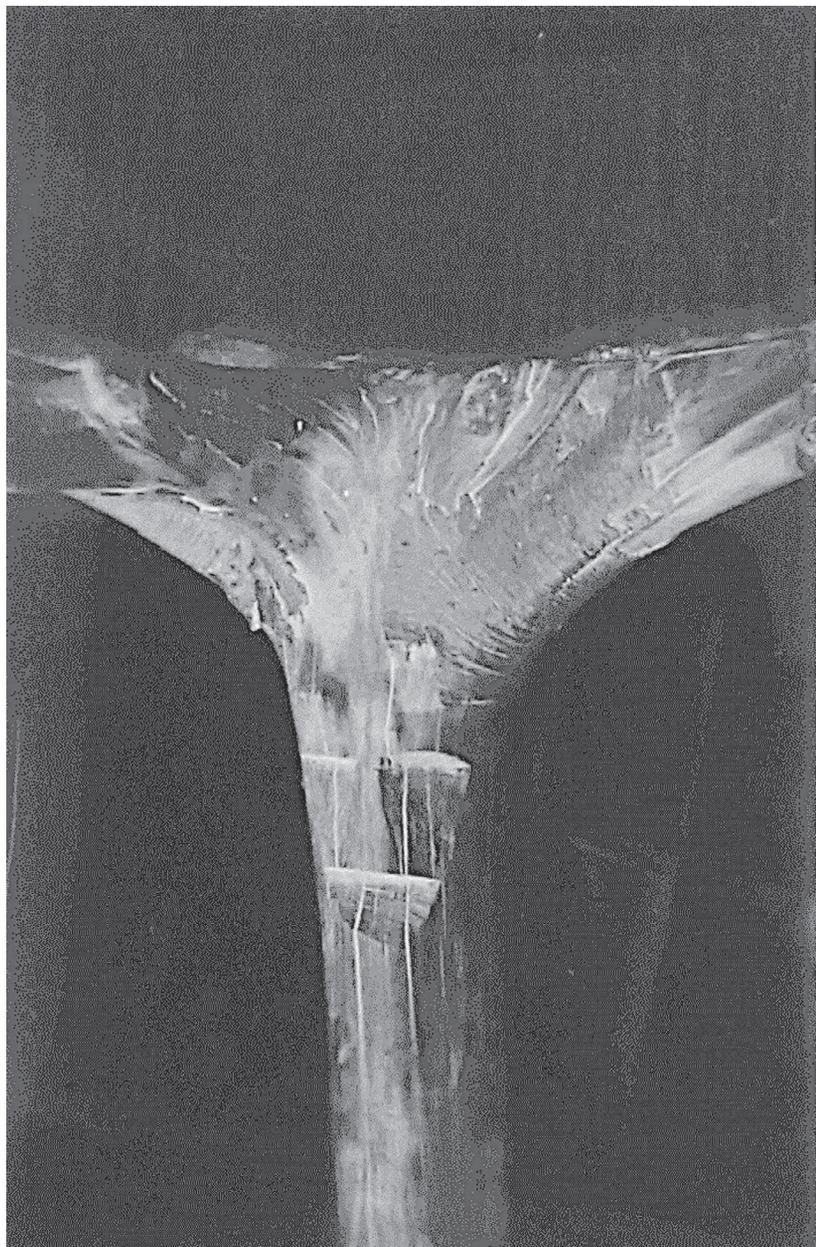
Позади и несколько по сторонам от главного Севохи (Мангни) стоят два одноногие Севохи Ни. Это его помощники. Они и днём и ночью смотрят вперёд, не идет ли чёрт. На головах у них прикреплены такие же ножи. Этими ножами они поражают чертей, когда вступают с ними в борьбу.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 35

НАГАСЭ

ЖЕРТВЕННЫЕ ПНИ КОМПЛЕКСА МАНГНИ

Жертвенные пни («Нагасэ») с человеческими лицами. Корни изображают волосы. Ставятся эти пни около главного Севохи несколько по сторонам его и впереди. Поверхность пней сглажена. На пни кладётся пища для Севохи. Когда севохи едят, то Нагасэ охраняют дом шамана.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 35

ГАХА-КУА

ПТИЦА КОМПЛЕКСА МАНГНИ

● Птица Гаһа-Куа. Ставится на палке перед главным Севохи. На ней шаман посылает духа в борьбу с чёртом, на ней и сам шаман совершает перелёты. Эта птица служит и жертвенником для сжигания сухой листвы багульника перед началом камлания.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе»,
стр. 35

ЖЕРТВЕННЫЙ СОСУД В ВИДЕ ПТИЦЫ

ДЕБРИ КАПИТАНА ЧЖАНГЕ, ИЛИ ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ, ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Когда поручик Владимир Арсеньев в 1900 году добился перевода из Польши на Дальний Восток, здесь уже стояли города, строился Транссиб, были прочитаны гончаровский «Фрегат «Паллада» и чеховский «Остров Сахалин»... И всё-таки именно Арсеньев по-настоящему открыл эту часть России для самой России и мира. Стал для Дальнего Востока «нашим всем», смыслообразующей фигурой.

Станным образом эта почти культовая на Дальнем Востоке личность остаётся в тени, несмотря на её далеко не локальное значение. Наследие Арсеньева до сих пор напоминает айсберг.

Есть Арсеньев хорошо известный — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Есть малоизвестный — «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края», «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», «Китайцы в Уссурийском крае». Есть совсем неизвестный: письма, дневники, многие из которых не то что не публиковались — не разбирались. Только в XXI веке владивостокским издательством «Рубеж» начат выпуск первого полного академического собрания сочинений Арсеньева (пока вышло три тома из шести).

Но даже хрестоматийный Арсеньев — на самом деле тоже неизвестный. Он недопрочитан, недоосмыслен, загнан в тесную резервацию «краеведов». Виною тому — не только наши леность и нелюбопытность, но и его леонардовско-ломоносовская необъятность. Арсеньев, объединившего в себе, по слову Горького, Брема и Купера, нельзя числить по какому-то одному ведомству — военному, литературному, таёжному или научному. Разведчик, географ, археолог, эколог, командир отряда по борьбе с хунхузами и браконьерами, лирик, мистик, этнограф, прозаик, музейщик, лингвист, железнодорожный изыскатель, защитник коренных малочисленных народов... — перечислять ипостаси Арсеньева можно долго.

Спросим прямо: а зачем нам сегодня Арсеньев? По картам его никто уже не ходит — есть GPS, наука продвинулась вперёд. Может быть, практическая ценность трудов Арсеньева осталась в прошлом? Не осталась. Целый ряд его мыслей и работ не потеряли в актуальности ни грамма.

Важен и сам тип личности Арсеньева — интеллектуала и пассионария. Жизнь Арсеньева — нечастый в России пример самореализации путём не покорения, а, напротив, оставления столицы. Уроженец Петербурга, Арсеньев — один из тех дальневосточников, которых следует отнести к национальным героям России.

Его стремление на Дальний Восток понятно. Именно здесь оставались последние белые пятна, а регион уже стал одним из полюсов глобального интереса. Не только Россия шла на восток — здесь же окапывались англичане, французы, португальцы... Далёкая окраина, провинция, глушь — но в то же время и передовая. Земли, присоединённые к Российской империи считанные десятилетия назад, были безумно интересны: океан, удивительная (Сибирь плюс субтропики) природа, загадочные аборигены, японо-корейско-китайское соседство... Молодой офицер прибыл на Дальний Восток с конкретными военными задачами, которые сразу же стал расширять, превращаясь в исследователя широкого профиля. Его решение оказалось снайперски точным. Ведь, продолжи он службу в Европе, он не стал бы тем, кем стал, дослужись хоть до генерала.

Книги его — не самое лёгкое чтение. После конфликта 1969 года с Китаем на Даманском с карты Приморья исчезли почти все нерусские названия, которыми изобилуют тексты Арсеньева. Они к тому же переполнены специальными сведениями: минералогия, биология, этнография, ботаника... С другой стороны, педантизм автора создаёт атмосферу особой достоверности.

Вместе с тем Арсеньев отнюдь не бесстрастен. При внешней невозмутимости он эмоционален; не сухой наблюдатель, а лирик. Но он — автор дисциплинированный, ничего лиш-

него. Мысль его организована чётко, язык — ясен, лаконичен. Он пишет на стыке нон-фикшна и фикшна, науки и литературы. В этом и сила его, и слабость. Были прозаики мощнее, были сильнее учёные, но уникальность Арсеньева — в синтезе изящной словесности, документа и опыта.

Арсеньев глубоко интересовался не только освоением Дальнего Востока русскими, но и прошлым края. В «Материалах по изучению древнейшей истории Уссурийского края» он напоминает Шлимана, искавшего Трою по гомеровским текстам, и Льва Гумилёва, на свой страх и вкус реконструируя загадочные средневековые события (есть у Арсеньева сходство и со старшим Гумилёвым — путешественником, поэтом, офицером; и в обоих — что-то киплингское). В Приморье остались древние укрепления, дороги, насыпи, плотины, отводы рек... Пользуясь скудными доступными источниками, рассказами местных жителей и своими наблюдениями, Арсеньев строит хронологию истории Приморья. Вот возникает царство Бохай, вот его сокрушают кидани, вот Золотую империю чжурчжэней разоряет Чингисхан... Что это за земля, в которой исчезали целые царства; сможет ли Россия закрепиться здесь надолго? Только что прошла война с Японией, неудачная для России, и ожидалась следующая. Интерес Арсеньева был не только историческим, но и личным, военным, политическим. Россия пришла сюда всего полвека назад, и надо было понять, что её ждёт. Очарованный странник расшифровывал сигналы тревоги, мерцавшие из прошлого.

Коренных приморцев — нанайцев, удэгейцев, орочей... — Арсеньев называл, как было принято в его время, «туземцами» или «кинородцами». Были ещё «тазы» — окитаенные инородцы. Местных китайцев называли «манзами». Наиболее полное высказывание Арсеньева по китайскому и вообще национальному вопросу — «Китайцы в Уссурийском крае» (1914). Это ещё не «худлит», но уже не сухой отчёт. Здесь мы видим сплав документальной точности и лиричности, замешенных на личном опыте, — характерная черта арсеньевского стиля, который выкристаллизуется позже.

Китайцев Арсеньев не жаловал. И потому, что они поработали инородцев, и из-за хищнического отношения к природе, и по геополитическим мотивам. Уссурийский край для государственника и офицера Арсеньева — будущий театр военных действий (подразумевается неизбежный конфликт с Японией) и «буфер, выдерживающий натиски жёлтой расы». Вот один из основных посылов «Китайцев...»: «Вопреки весьма распространённому, но ни на чём не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно». Тезис не утратил важности, потому что некоторые китайцы и теперь нередко доказывают себе и другим, что Приморье

раньше якобы было китайским (а иные русские им в этом по-прежнему). Арсеньев доказывает, что Приморье и тем более Приморье долго находилось вне китайского внимания. Только появление на Амуре русских заставило Китай посмотреть в эту сторону. «Исторические факты с непостижимой ясностью свидетельствуют нам, что, когда китайцы пришли на Амур, там были уже русские», — резюмирует Арсеньев и предлагает новую точку отсчёта: «Начало российского владычества в Приамурском крае надо считать не с 1859 года — года административного присоединения края, а с начала XVII столетия, то есть со времени фактического владычества русских на Амуре». Арсеньев выступает как последовательный имперец, доказывая, что Россия имеет куда больше исторических прав на обладание Дальним Востоком, нежели Китай. Тем более странным выглядит недостаточное внимание потомков к этой части арсеньевского наследия. «Разрешение жёлтого вопроса в Приамурском крае много зависит от того, насколько вообще наша политика на Дальнем Востоке будет устойчивой. К сожалению, до сего времени она была очень неустойчивой», — эти арсеньевские слова ничуть не устарели. Если к китайцам и японцам Арсеньев относился с недоверием и опаской, то его отношение к инородцам было трепетным и сочувственным. С каждым походом Арсеньев приобретал всё большее уважение коренного населения. Таёжные люди прозвали его «Чжанге», что значит «судья» или «старшина». Капитан Чжанге («капитан» здесь — не воинский чин: приморские аборигены называли так всех российских должностных лиц) даже научился объясняться с инородцами на их языках. Уже в «Отчёте о деятельности Владивостокского общества любителей охоты» (1905) Арсеньев ставил вопрос о хищническом отношении к природе, о необходимости «охотничьего закона» — задолго до всех экологических бумов. В предисловии 1921 года к книге «По Уссурийскому краю» он писал о том, как изменилась тайга за 15 лет после описанной экспедиции: «Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, берёзы и осины. Там, где раньше ревел тигр, — ныне свистит паровоз... Инородцы отошли на север, и количество зверя в тайге сильно уменьшилось».

Не только у Арсеньева, но и у Дерсу мы видим развитое экологическое сознание: «К охране природы, к разумному пользованию её дарами этот дикарь стоял ближе, чем многие европейцы, имеющие претензию на звание людей образованных и культурных».

Когда Арсеньев с Дерсу засыпают брошенную китайцами звероловную яму, последний говорит: «Всё кругом скоро манза совсем кончай. Моя думай, ещё десять лет — олень, соболь, белка пропади есть». Арсеньев соглашается: «У себя на родине китайцы уничтожили всё живое. У них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту.

Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством китайцев». Арсеньев уехал из столицы в провинцию, из города — в тайгу. Уже при первой встрече с Дерсу он сформулировал: «Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация». Потом: «Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Что же такое культура? Не путаем ли мы тут два понятия: материальная культура и культура духовная... Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство... заглохло».

Ещё: «Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибался ли я...». Здесь чётко слышны антигородские и даже антицивилизационные настроения Арсеньева. Иногда кажется: для проговаривания этих заветных мыслей ему и понадобился образ Дерсу с его, по слову Арсеньева, «первобытным коммунизмом». Из «дикаря», человека прошлого арсеньевский Дерсу превращается в идеал, в человека желательного будущего, который живёт не ради извлечения прибыли и пребывает в гармонии с миром.

Исследователь не раз отклонял приглашения переехать в столицу. В письме этнографу Штернбергу объяснял: «Интриг между учёными в Петербурге — хоть отбавляй!.. Этот Вавилон закрутил было и меня, да, слава богу, я вовремя очнулся и убежал к себе в Приамурье». Это был осознанный выбор, продиктованный не только интересами работы, но и этическими воззрениями Арсеньева. Европейцев, прогрессистов, горюжан он откровенно недолюбливает. Стоя у свежей могилы убитого Дерсу, выносит приговор: «Цивилизация родит преступников... Созидай своё благополучие за счёт другого — вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом... идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация?!» Критика современной ему европейской цивилизации — вот содержание книг Арсеньева. Может быть, именно это — его главное послание нам...

У язычника Дерсу всё — «люди», «только рубашка другой»: звери, река, огонь, камень... Даже Солнце: «Его самый главный люди... Его пропади, кругом всё пропади». Если Дерсу — плоть от плоти тайги, то Арсеньев — пришелец, хоть и дружелюбный. Но и он постепенно вращался в тайгу. Интересно то, как Арсеньев относился к воззрениям Дерсу. Последний фактически обратил его в свою веру. Арсеньев, как следует из его текстов, начал всерьёз верить в таёжную чертовщину, хотя мракобесом не был. Дерсу выступает в роли сталкера, ведущего Арсеньева по неизведанной Зоне. Гольд

принимает сигналы самой природы — то «рыба говори, камень стреляй», то дерево падает поперёк тропы... Арсеньев относится к этому с уважением: в таёжном монастыре — свой устав, да и приметы странным образом сбываются. Вот искатели женьшеня устроили в дубе кумирню, а золотоискатели вынесли её и остались ночевать и картёжничать прямо в дереве; молния убила игроков на месте. Или: арсеньевский стрелок на берегу поднял кость кита. Орочи испугались: кости кита трогать нельзя, будет непогода. К вечеру «свежий ветер превратился в жестокий шторм»... «От решения вопросов: где начало творений и где им конец, образованный человек, несмотря на массу знаний, стоит так же далеко, как и первобытный дикарь. И оба суеверны. Разница только в том, что у первого суеверие сложнее, а у второго проще», — пишет Арсеньев. И ещё: «Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и насмешками относились к чертям туземцев... Я неоднократно замечал, что туземцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы».

В книге «В горах Сихотэ-Алиня» Арсеньев описал свою встречу с мифическим летающим человеком на притоке Анюя. Сначала Арсеньев увидел «медвежий след, весьма похожий на человеческий», потом кто-то «стремительно бросился в сторону, ломая кусты». Арсеньев швырнул камень. «Случилось то, чего я вовсе не ожидал. Я услышал хлопанье крыльев. Из тумана выплыла какая-то большая тёмная масса и полетела над рекой».

Туземцы рассказали ему: в этих местах водится летающий человек... После этого уже не удивляет, когда в «Сквозь тайгу» Арсеньев спокойно пишет: проводник Сунцай Геонка «был незаурядный шаман и этот дар наследовал от своего покойного отца». Геонка называет ключья речного тумана, похожие на человека, «Ганиги» — это женщины, живущие в воде и имеющие длинные хвосты. Если они позовут человека по имени, вскоре он утонет. «Меня поразило в описании Ганиги сходство с русалками. Сходство не только общее по смыслу, но даже и в деталях. Может быть, русалки и Ганиги зародились где-нибудь в Средней Азии в древние времена. Отсюда они попали на запад к славянам и на северо-восток к удэгейцам», — совершенно серьёзно пишет Арсеньев. В одном месте он описал старовера, который говорит о Дерсу: «хороший... человек, правдивый», но — «нехристь..., азиат, в Бога не верует... У него и души-то нет, а пар». А Дерсу как раз собирается на охоту — подстрелить косулю, чтобы помочь этому самому староверу с пропитанием для его большой семьи. Арсеньев — явно на стороне «нехристя» Дерсу.

Советскую власть Владимир Клавдиевич принял. Состоя на учёте как бывший царский офицер, ежемесячно отмечался в ОГПУ. В 1924-м был снят с учёта, но в том же году помог группе бывших белых офицеров, в числе которых был поэт Арсений Несмелов, нелегально уйти в Китай — дал им карту и компас. Мог и сам уйти — отказался: «Я русский. Работал

и работаю для своего народа. Незачем мне ехать за границу». Арсеньев служил интересам России до революции — служил и после. Работал на российское государство, как бы оно ни называлось. В 1923 году он едет на Командоры и привозит островитянам газеты, брошюры, Советский кодекс законов о труде. В конце 20-х был членом Владивостокского окрисполкома и горсовета... «Володя уже в 1918 году полностью перешёл на сторону революции», — вспоминала первая жена путешественника Анна Кадашевич. Характерный эпизод: в 1921 году (Приморье — ещё под японской оккупацией) встаёт вопрос об аренде Командорских островов японской фирмой. Арсеньев выступает против, опасаясь, что японцы поднимут свой флаг сначала как арендаторы, а потом — как полноправные хозяева. Природоохранник был в Арсеньеве неотделим от государственника.

С другой стороны, есть серьёзные основания предполагать, что Арсеньев успел вовремя уйти, не попав под репрессии. Цифра 58, так или иначе, стала роковой — если не в виде номера статьи Уголовного кодекса, то в качестве последнего возрастного рубежа. Арсеньев умер в 1930-м, а в 1934-м его вдову Маргариту Николаевну арестуют за принадлежность к шпионской организации, которую якобы возглавлял её покойный муж. Через несколько лет вдову арестуют снова, в 1938 году расстреляют (в 50-е реабилитируют; к тому времени в лагерях успеет побывать и дочь Арсеньевых).

Но книги Арсеньева не изымались, не предавались забвению и даже переиздавались. Уже в 1938 году в главной газете Приморья «Красное знамя» его назвали «известным русским исследователем Дальневосточного края» (а несколькими годами раньше клеймили «великорусским шовинистом»). В 1940 году в Москве переиздается книга «В горах Сихотэ-Алиня», хабаровский журнал «На рубеже» публикует арсеньевские рассказы, в 1944-м переиздается «Дерсу Узала»... В конце 40-х Примиздат издаёт собрание сочинений Арсеньева. В 1945-м по предложению Приморского филиала Географического общества СССР улице Производственную (бывшую Федоровскую) во Владивостоке, где жил и умер Арсеньев, назвали его именем.

Скончался Арсеньев от воспаления лёгких, полученного в походе в низовья Амура. Не всем известно, что он, мягко говоря, не отличался богатырским здоровьем. Уже в 1900 году у 28-летнего офицера, по словам Кадашевич, «заболели лёгкие от приморской сырости». Потом он перенёс сибирскую язву. Из воспоминаний Кадашевич: «Варикоз, радикулит, грыжа (была операция), ослабленное сердце... Испорченный желудок... Он стал проситься на Кавказ на курорт, и врачи сразу дали ему вторую инвалидность. Он уговорил не списывать его в трутни, и тогда дали третью группу». В 1928 году Хабаровское бюро врачебной экспертизы подтвердило

инвалидность, констатировав «стойкую утрату трудоспособности», — «сохранена способность лишь к лёгкой случайной работе». А он работал — железный человек. Труднее понять не смерть Арсеньева в 58 лет, а то, где он находил силы, чтобы вплоть до последнего года ходить в таёжные экспедиции.

27 июня 1930 года, за два с небольшим месяца до смерти, Арсеньев писал профессору Московского университета Фёдору Аристову: «Если я проживу ещё несколько лет и если я закончу три научных труда: 1) Страна Удэхе 2) Древности Уссурийского края и 3) Теория и практика путешественника, я не буду жалеть жизнь, не буду цепляться за неё».

Не успел. Вероятно, написал «Страну Удэхе», но эта рукопись, по предположениям исследователей, могла исчезнуть при аресте вдовы. Арсеньев завещал похоронить его в тайге, однако завещание нашли только в XXI веке. Похоронили его во Владивостоке, на Эгершельдском кладбище, потом перенесли прах на Морское. Аккуратная могила недалеко от входа, крест. Рядом — товарищ по походам Мерзляков.

На фотографиях Арсеньева видно, какой это по-настоящему красивый человек. Не в чертах лица дело — в другом. Честность, цельность, глубина? Обаяние масштаба личности? Профессор Аристов в конце 20-х работал над биографией Арсеньева, которую хотел назвать «В. К. Арсеньев (Уссурийский), его жизнь и труды». Арсеньева смущал «титул», Аристов успокаивал: это облегчит наведение справок... Ничего не вышло — вскоре умерли и Арсеньев, и Аристов. А хорошо бы звучало: Семёнов-Тян-Шанский, Муравьев-Амурский, Арсеньев-Уссурийский.

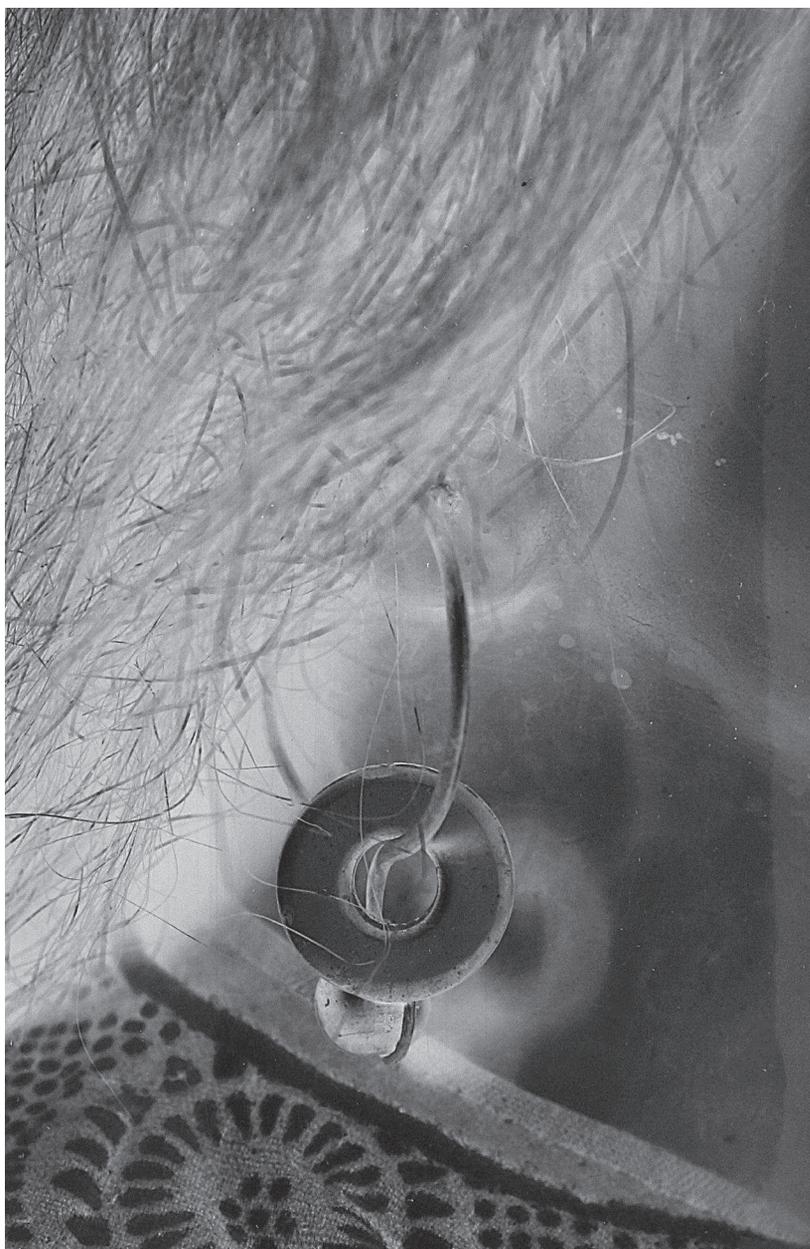
ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО,
писатель, журналист

ОДЕЖДА, УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ БЫТА

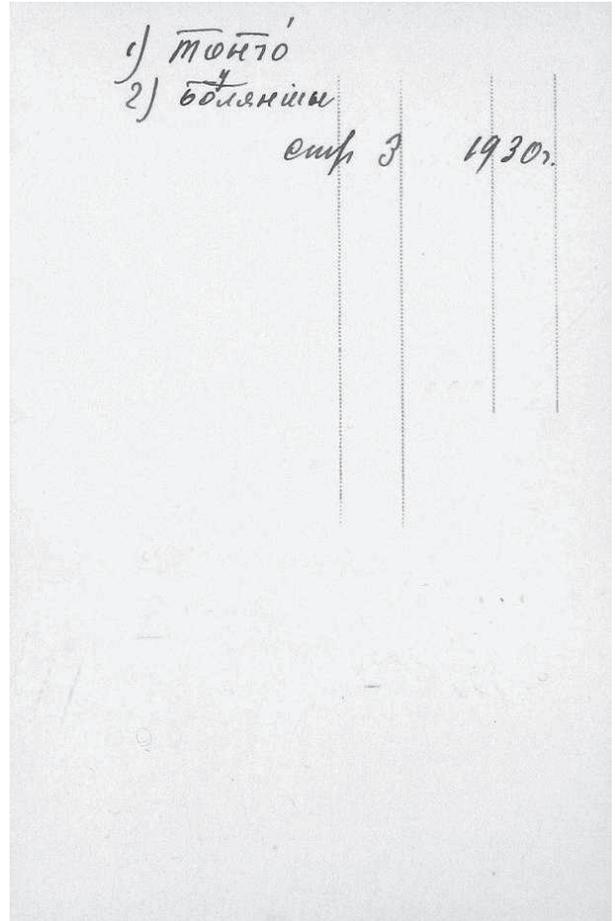
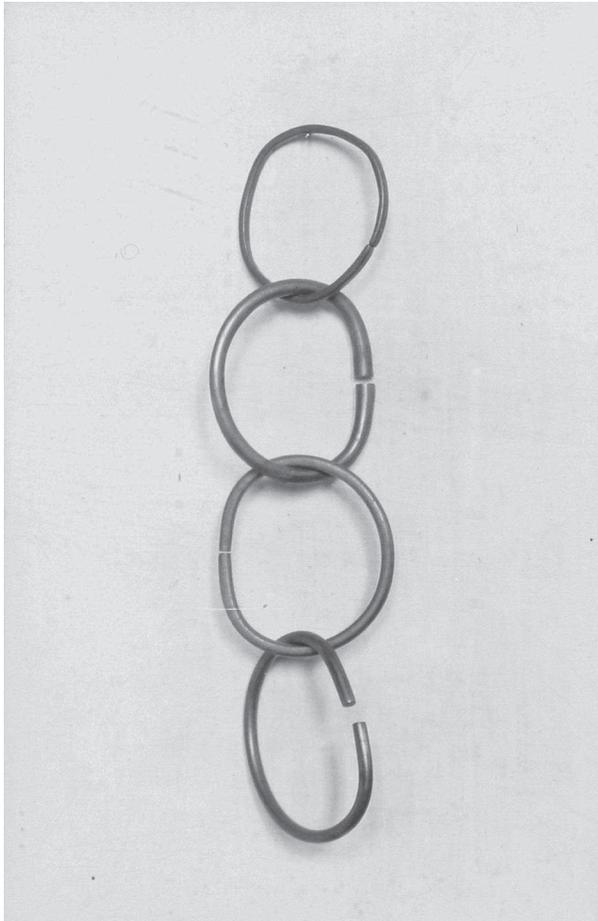
Из коллекции негативов,
выявленных в архиве Общества
изучения Амурского края
в 2017 году

УАЙГА
СЕРЬГА УШНАЯ

ТОНГО

КОЛЬЦА УШНЫЕ МЕДНЫЕ

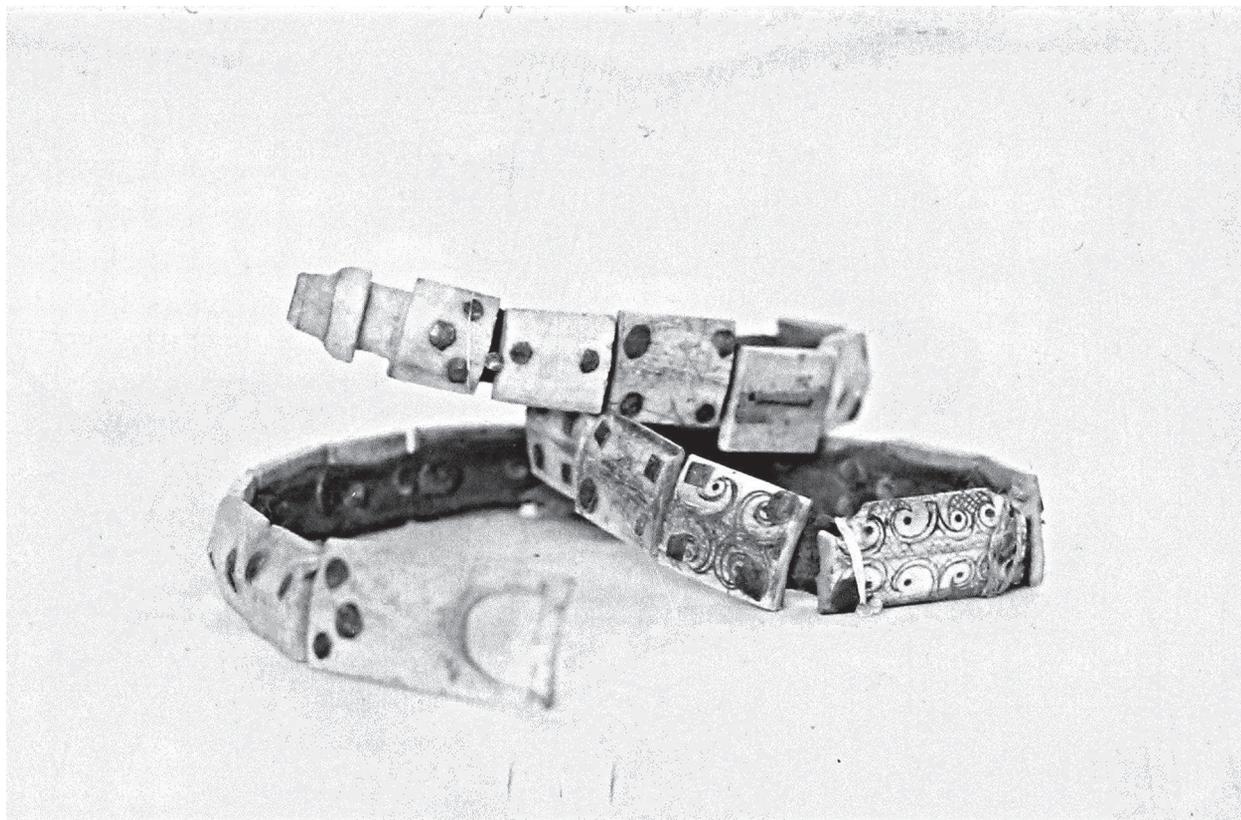

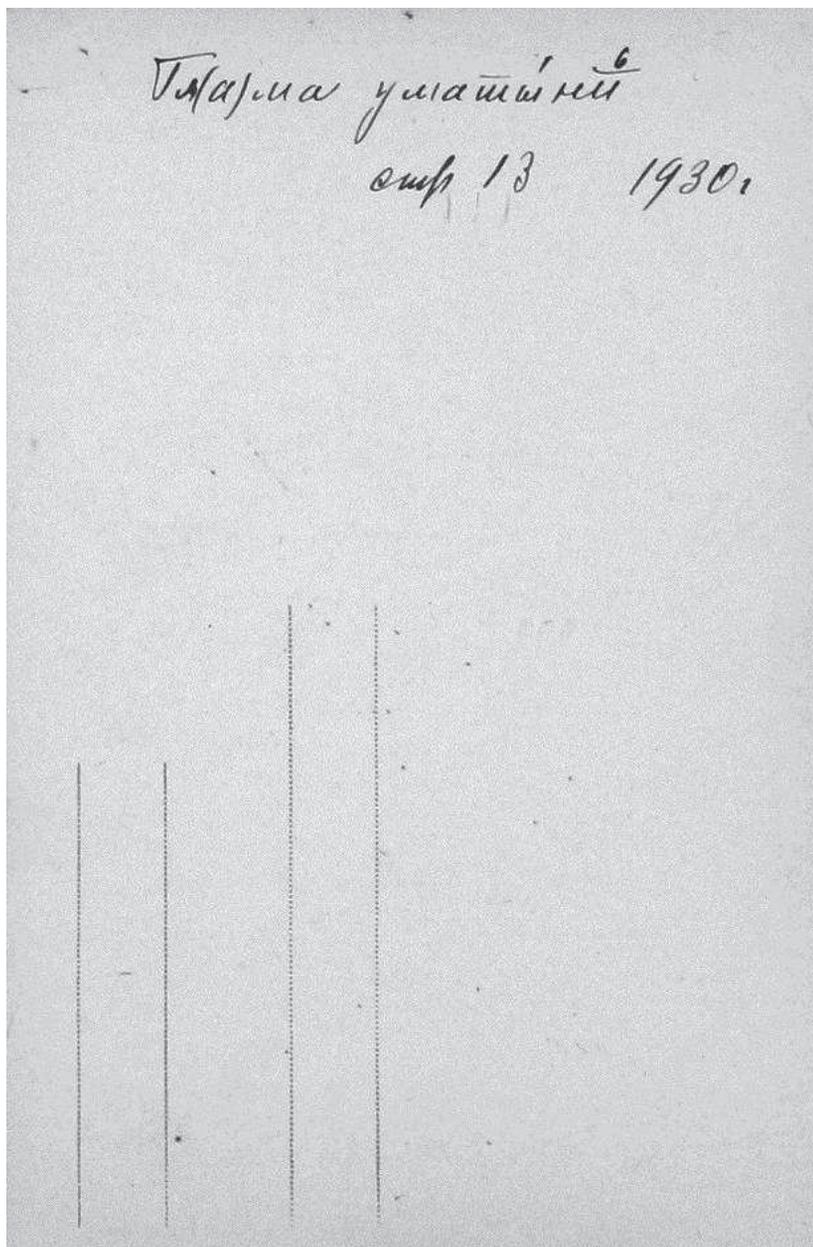
Орочи-удэне чрезвычайно любят украшать себя кольцами, браслетами и серьгами... Раньше серьги носили и мужчины, теперь это вывелось из употребления. Женщины носят серьги по несколько пар, отчего ушная мочка их сильно оттягивается.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне», стр. 23

ТЯ(А)МА УМАТЫНИ

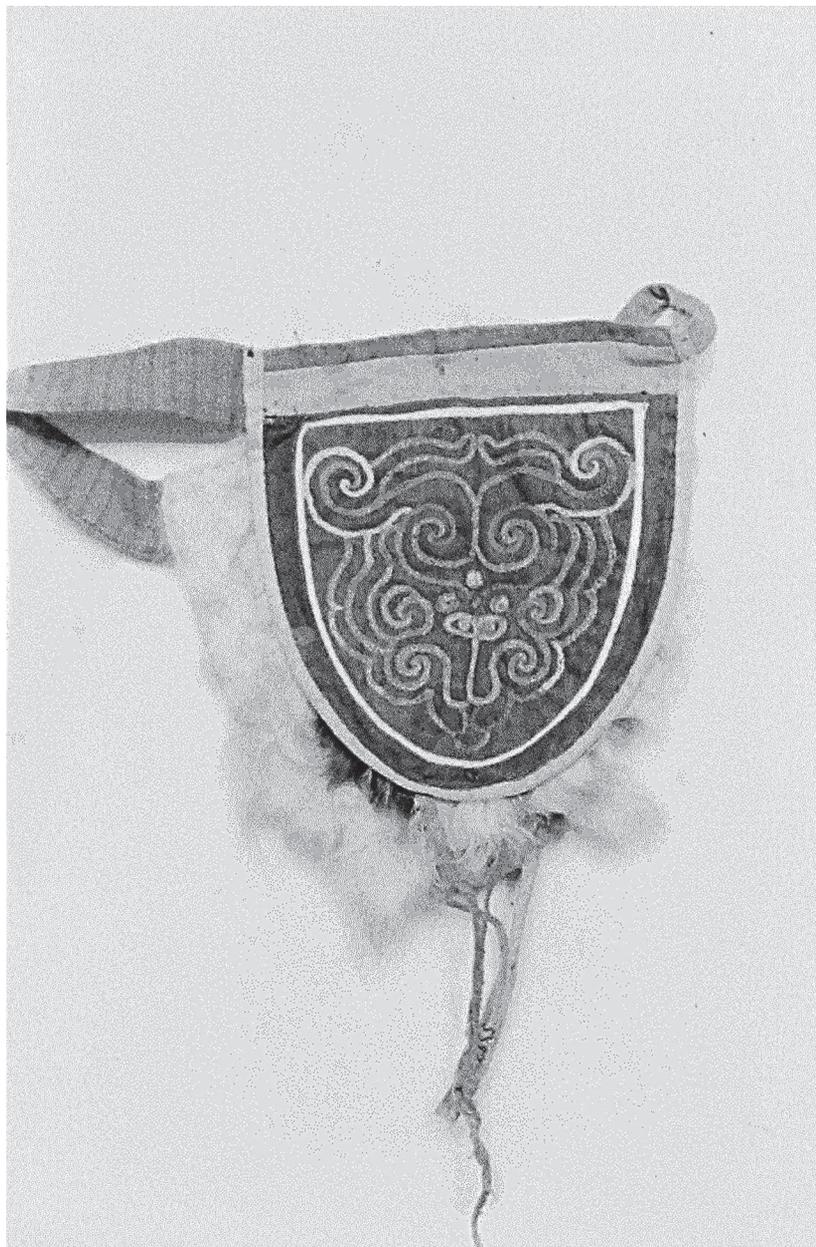
ПОЯС КОСТЯНОЙ

ЦЗАУГА

НАУШНИКИ МЕХОВЫЕ

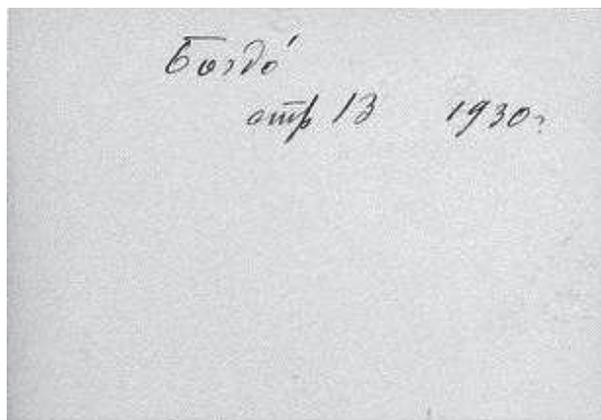

Наушники меховые. Ороческое название «Цзауга». Одеваются прямо на голову под шапочку. Мех берётся чаще всего заячий.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 24

БОГДО

ШАПКА ОХОТНИЧЬЯ ЗИМНЯЯ

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР

ШАПОЧКА ЖЕНСКАЯ

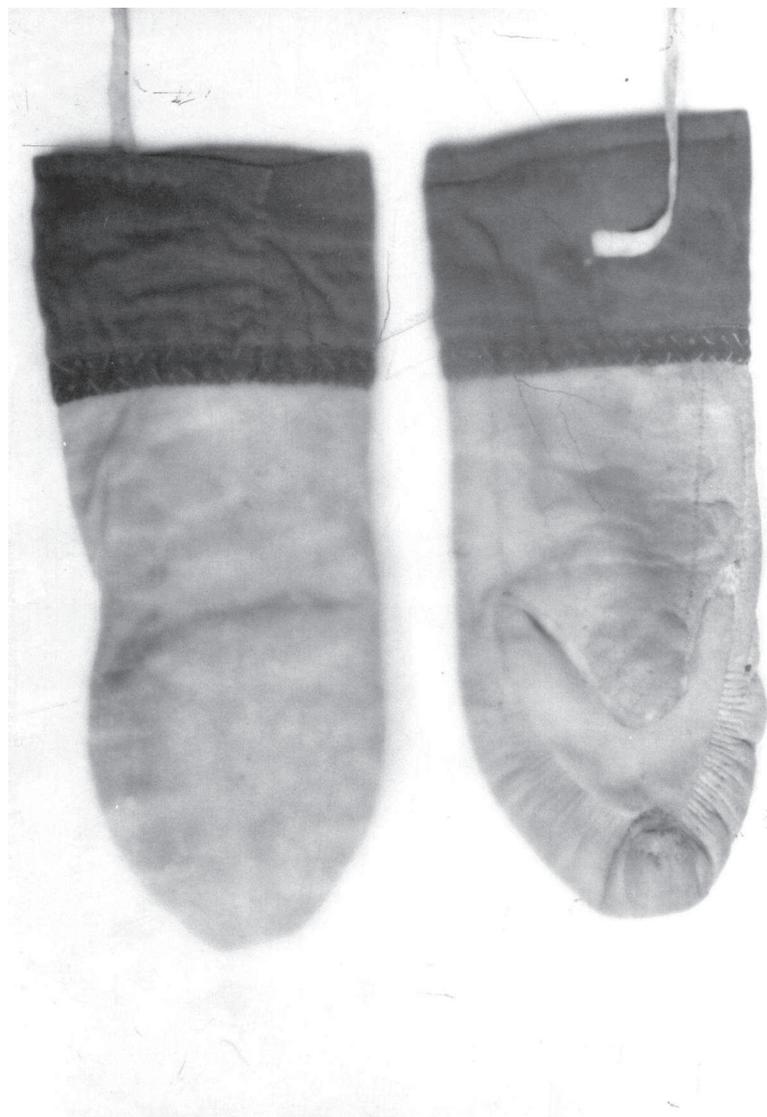
ШАПОЧКА

фрагмент орнамента

КОЛО

РУКАВИЦЫ МЕХОВЫЕ

Орочские меховые рукавицы (название «Коло»). Помещение для большого пальца сделано большое, чтобы его можно было вынуть оттуда и присоединить к остальным пальцам руки, не снимая для этого рукавицы с руки.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 26

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

Женский костюм из кумача, обшитый по подолу медными побрякушками. Наколеники и унты являются также необходимою принадлежностью костюма.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 26

ПОМПУ

ПОКРЫВАЛО НА ГОЛОВУ

*Орнамент задней части
головного покрывала*

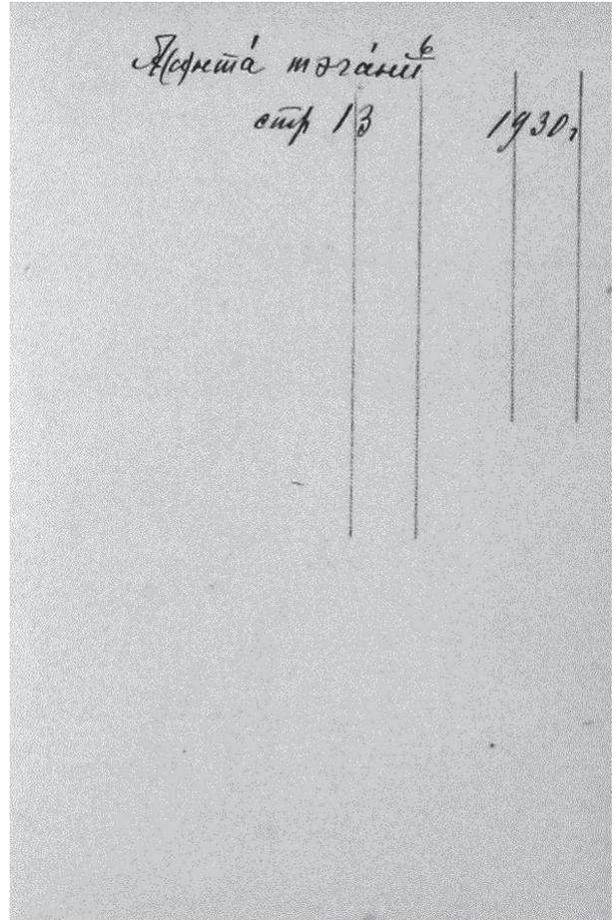
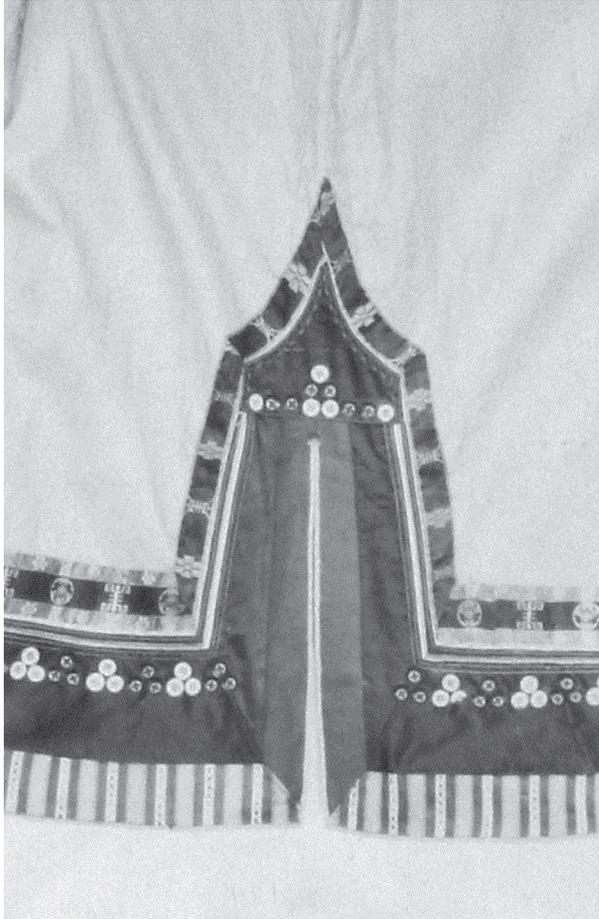
ПОКТО

ХАЛАТ ЖЕНСКИЙ

А(И)НТА ТЭГАНИ

орнамент бокового выреза женского халата

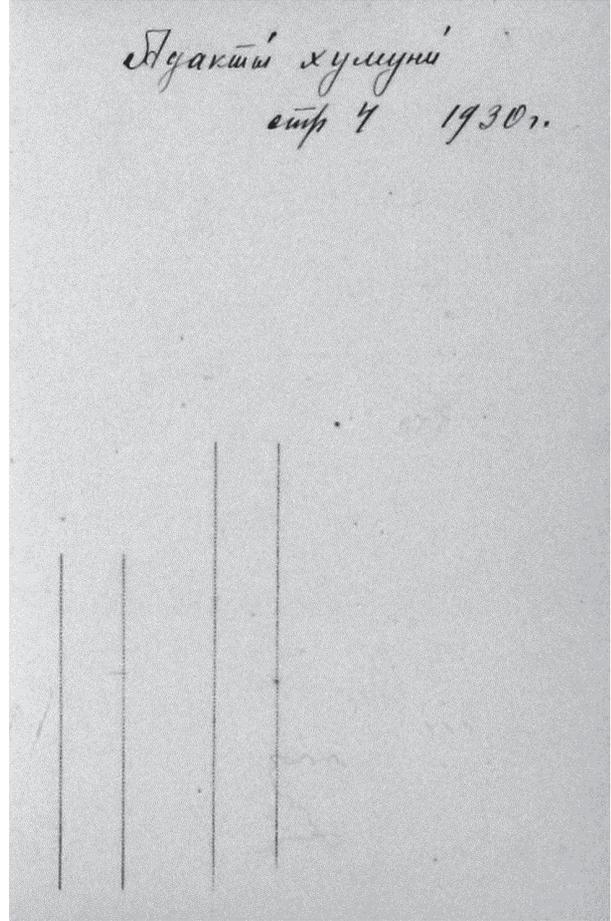
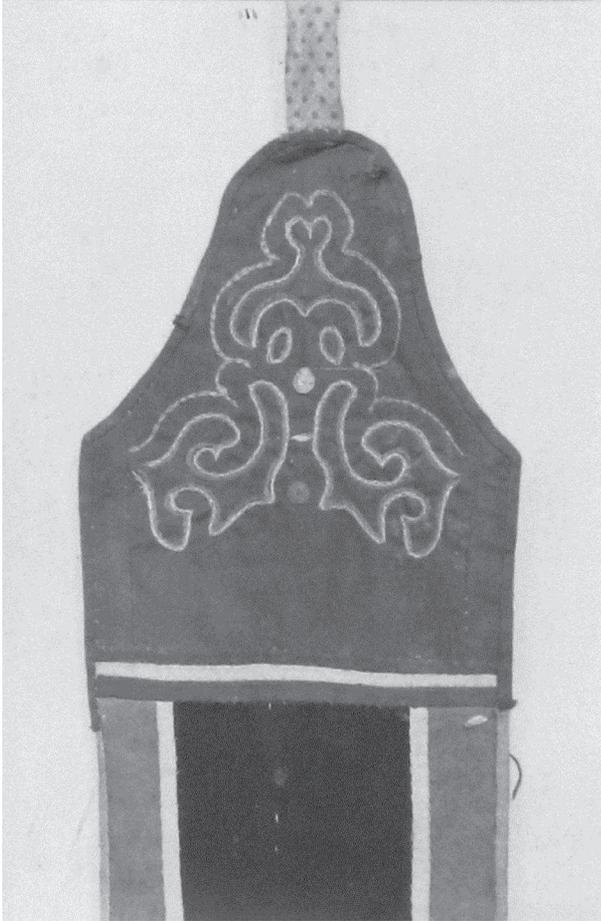

Женская верхняя рубашка. Более поздняя. Сильно заметно китайское влияние. Орнаменты исчезают и заменяются полосами китайских материй фабричного производства.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 26

АДАКТЫ ХУМУНИ

орнамент нарукавника

ТЭГА

ХАЛАТ МУЖСКОЙ

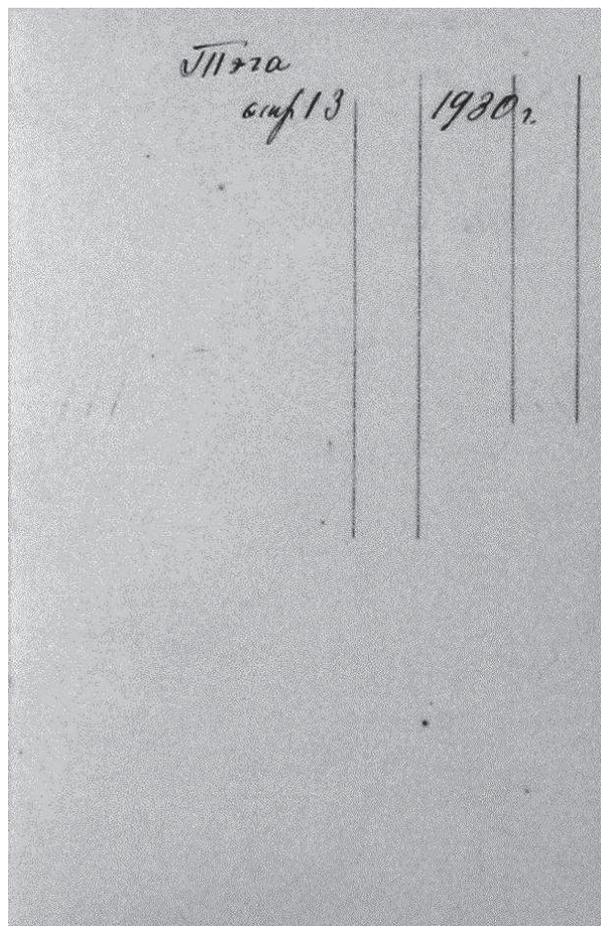
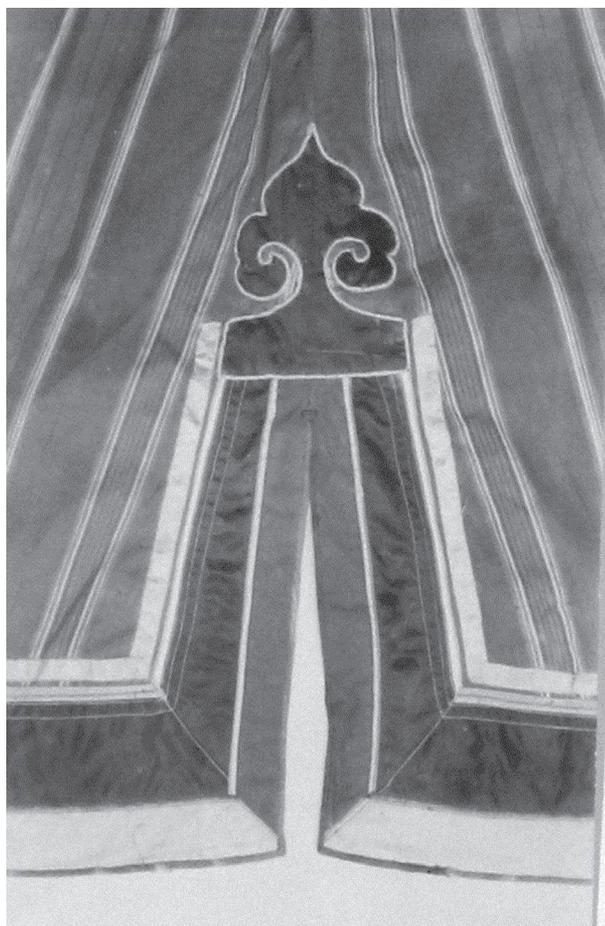

Мужской костюм. Ороchская рубашка-халат. Название туземное — «Игам Тэга». Материал и нитки приобретаются у китайских купцов. Раньше такие рубашки шились из зверовой и рыбьей кожи, вышивки делались жильными нитками, окрашенными растительными и минеральными красками.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 25

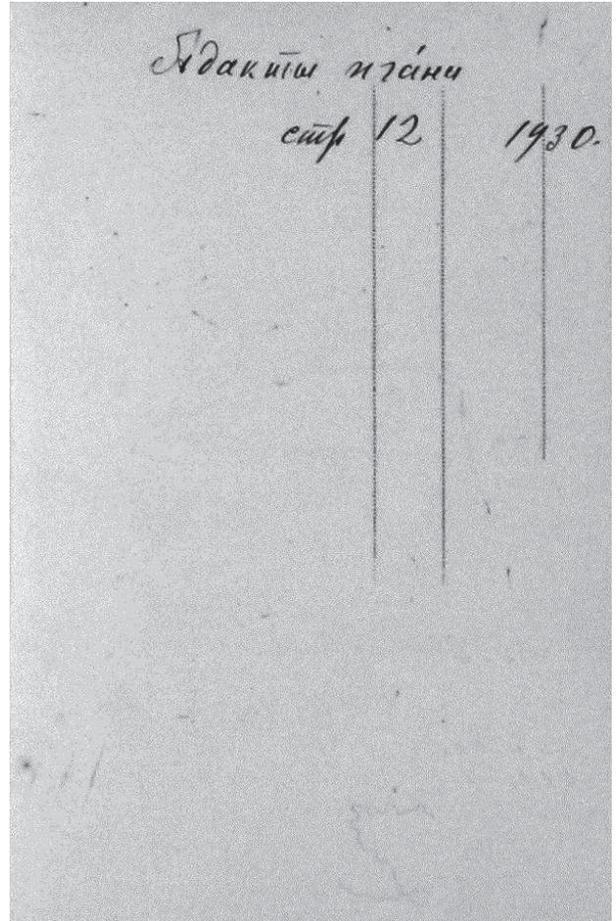

*Орнамент бокового
разреза халата*

АДАКТЫ ИГАНИ

орнамент нарукавника

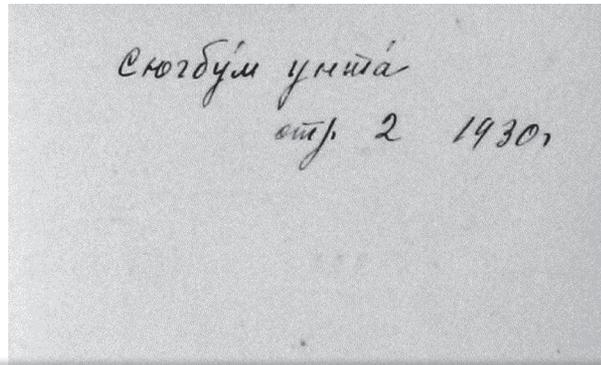

Нарукавники (орочское название «Адакты»), которыми затягиваются рукава около кистей рук: летом — для того, чтобы мошка не залезала в рукава и не кусала бы руки, а зимой — чтобы не задувал холодный ветер. За нарукавниками обыкновенно закладываются листочки табака.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 24

СЮГБУМ УНТА

ОБУВЬ ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ

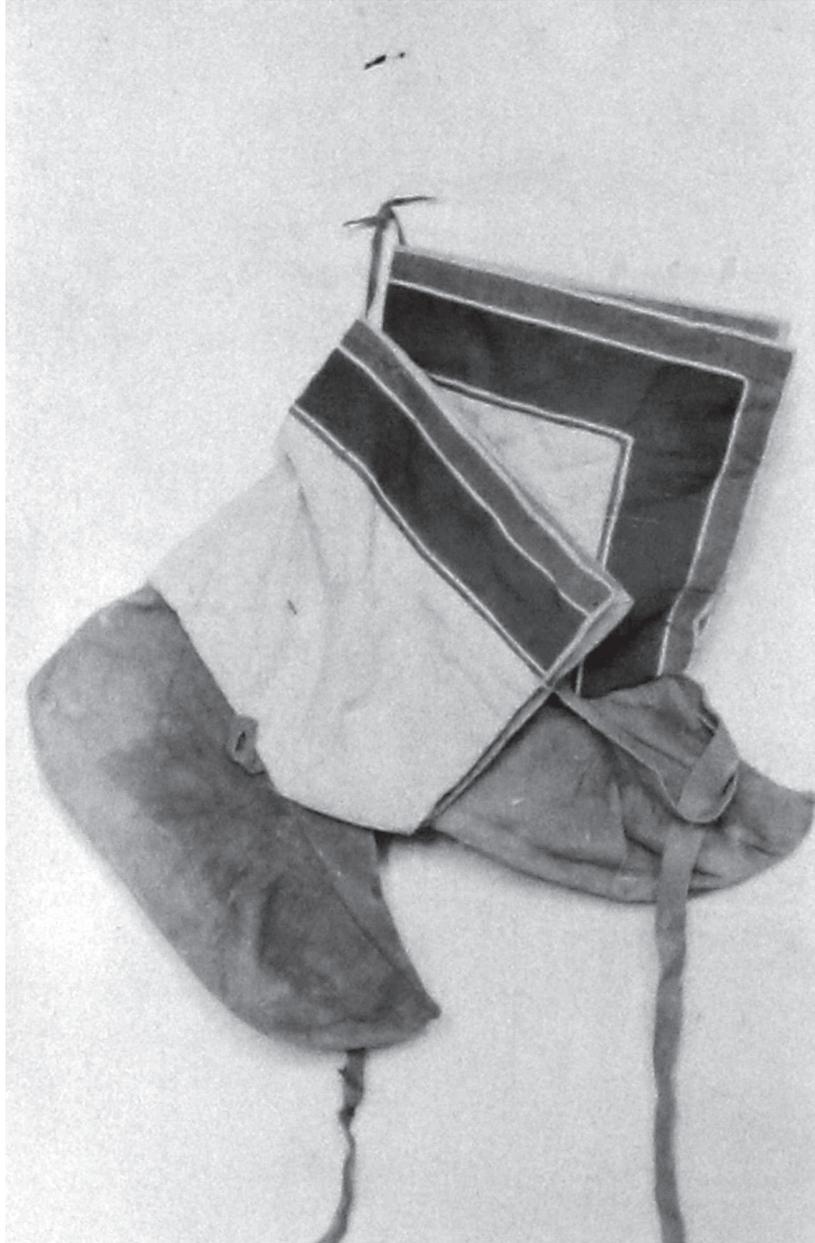

Обувь из рыбьей кожи — не прокопчённая на дыму, отчего она скорее намокает и не так прочна. Ороческое название «Сюгбум-унта». Шьётся жильными нитками.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 25

ТЭГЕМ УНТА

ОБУВЬ ИЗ КОЖИ ИЗЮБРЯ

ТЭГЕМ УНТА

ОБУВЬ ИЗ КОЖИ ИЗЮБРЯ

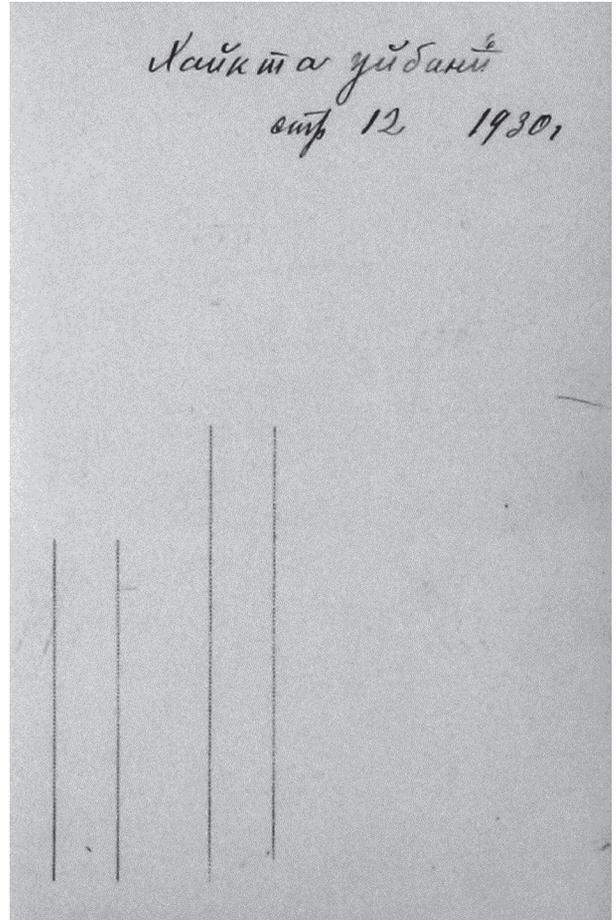

●
Обувь, сшитая из выделанной изюбриной кожи. Ороческое название «Тэгем унта». Приготавливается кожа следующим образом: сперва её мочат, пока не отстанет шерсть, затем скоблят, после этого сушат и мнут, пока она не будет мягкая; готовую кожу вешают над огнём, чтобы она хорошенько прокоптилась.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 25

ХАЙКТА УЙБАНИ

ТРАВА ДЛЯ ОБУВИ

●
Зимняя обувь шьётся из рыбьей кожи. Она непромокаема и является плохим проводником тепла. Набитые мягкой сухой травой (Хайхта), эти унты при ходьбе на лыжах являются положительно незаменимыми.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 23

СУГБУМ ПАДУ

СУМОЧКА ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ

сугбум паду
сир 3 1930г.

Поясная сумочка для спичек, трута, огнива, кремня, иголок, колышков для лыж и т. д. Ороческое название «паду». Носится на поясе сбоку или за пазухой.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 24

СЮГБУМ ПУТА

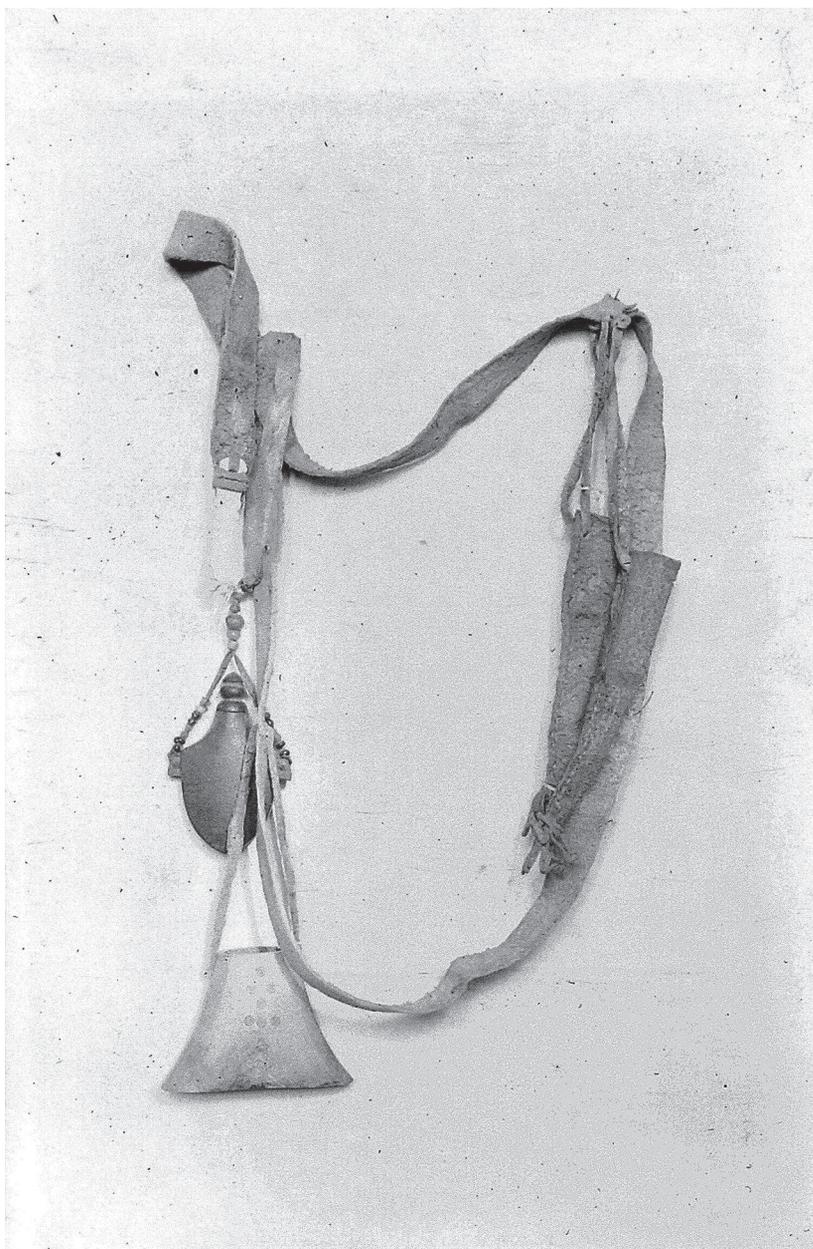
СУМОЧКА ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ

*Сюгбум пута
сепр 14 1930г*

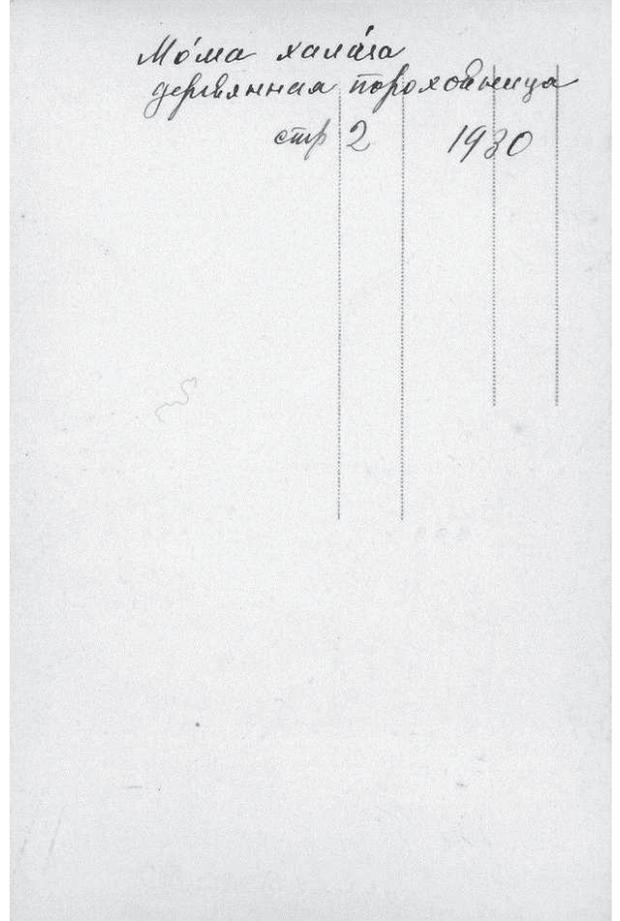

УМУ

ПОЯС ОХОТНИЧИЙ С ЗАСТЁЖКОЙ И ПОРОХОВНИЦЕЙ

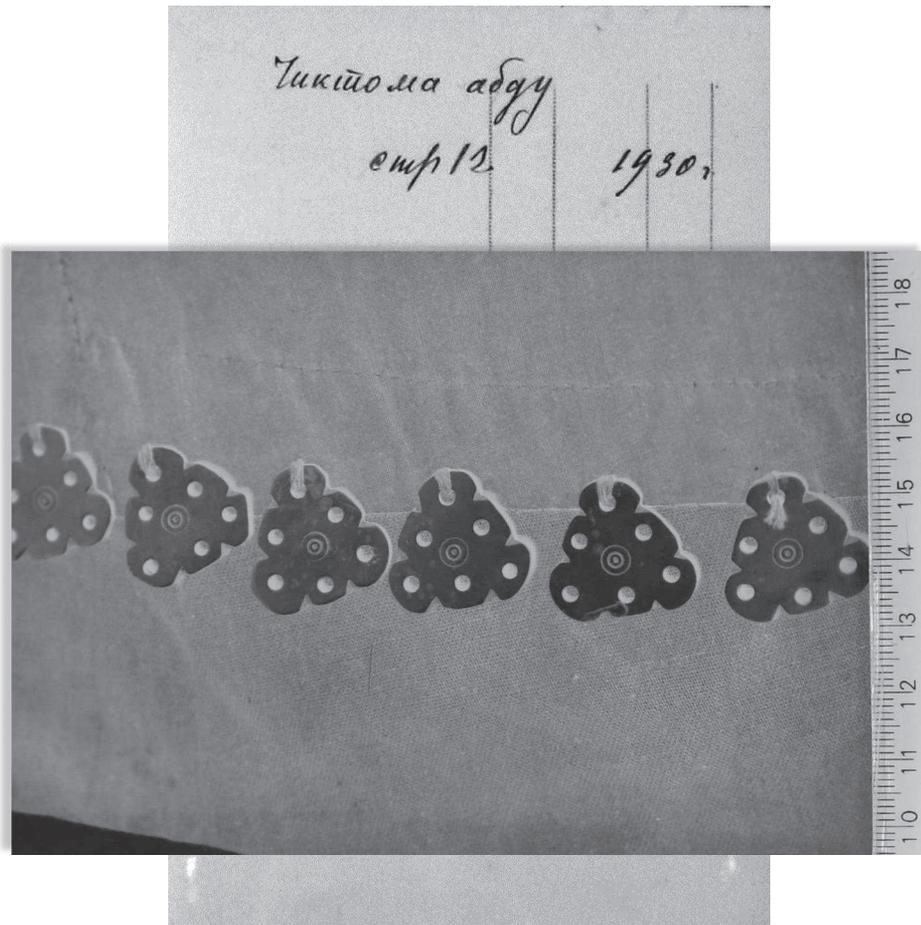

МОМА ХАЛАЗА
ПОРОХОВНИЦА ДЕРЕВЯННАЯ

ЧИКТОМА АБДУ

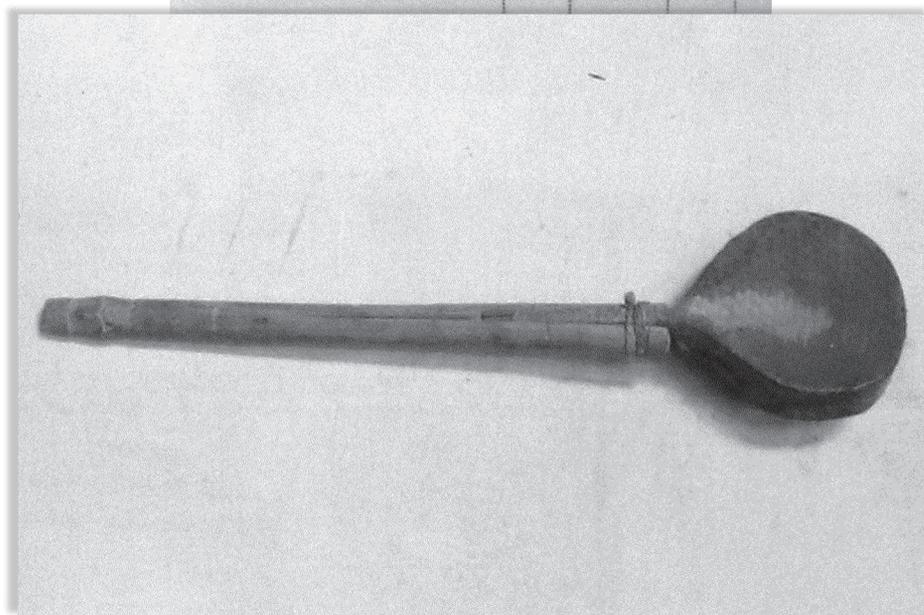
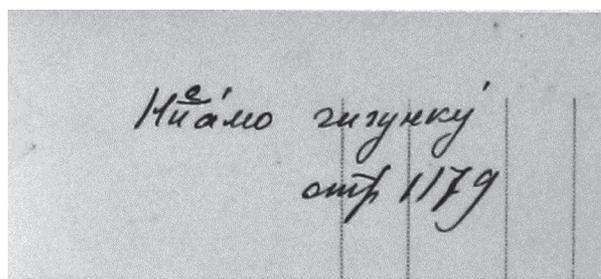
МЕДНЫЕ НАШИВКИ НА ЖЕНСКУЮ ОДЕЖДУ

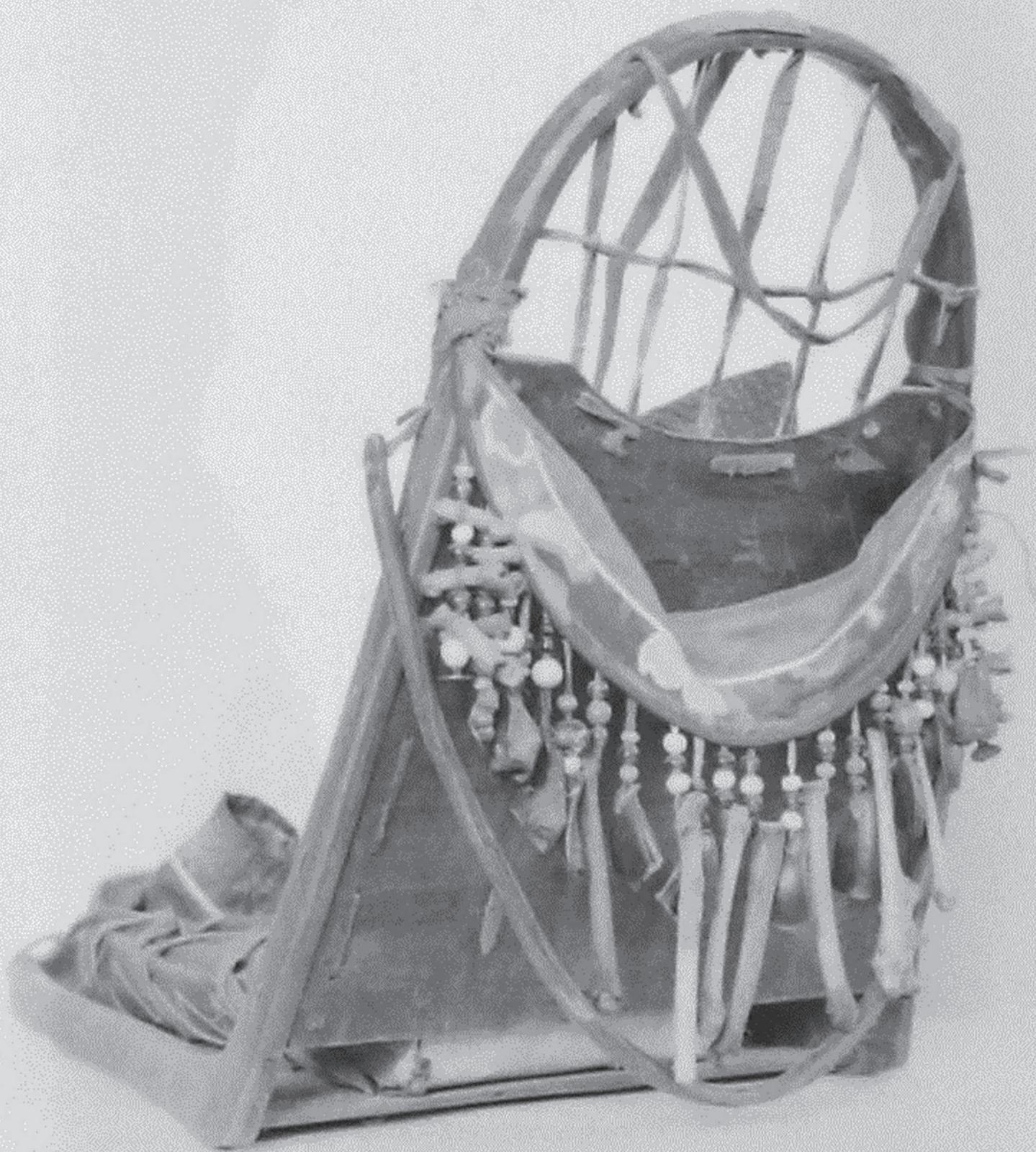

НИ(Е)АМО ГИГУНКУ

ПОГРЕМУШКА

ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ

УМУХУ ЗЫБКА ДЕТСКАЯ

Детская зыбка. Орочское название «Умуху». Ребёнок в ней находится в полусидячем положении. Сзади привешены побрякушки из копытц кабарги и костей рыси. (Название привесок — «ябчуху».) Концы их привязываются к ушам, изображённым по краям зыбки. Ребёнок прикрывается одеялом, украшенным вышивками («Боһу»). Под голову кладётся маленькая подушечка («Ната»). Во время качания люлька ставится на ребро.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе», стр. 22

Берестяная зыбка, вкладываемая в деревянную. Орочское название «Няоли-дуйни». В эту берестяную зыбку кладутся стружки гнилого тальника, на которые и сажается ребёнок.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе», стр. 19

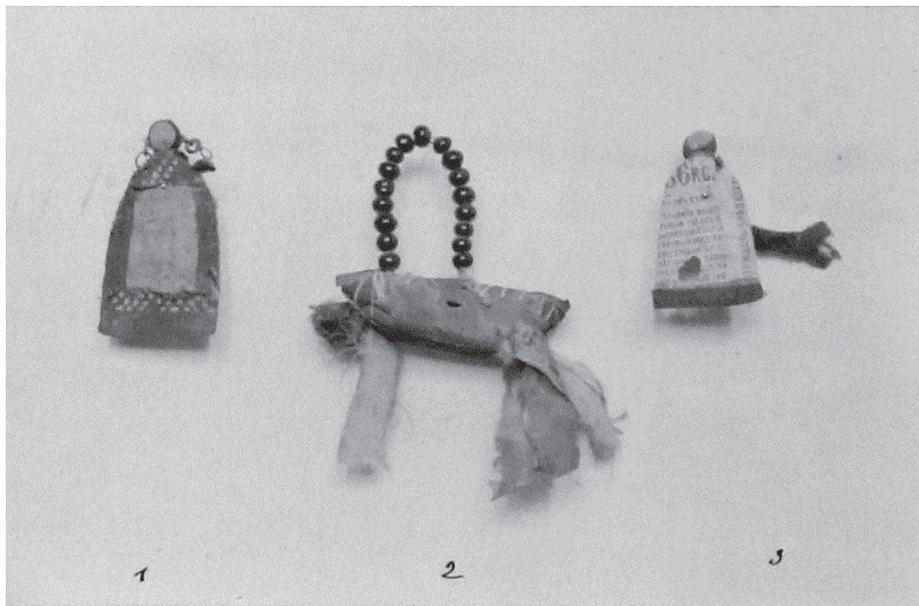
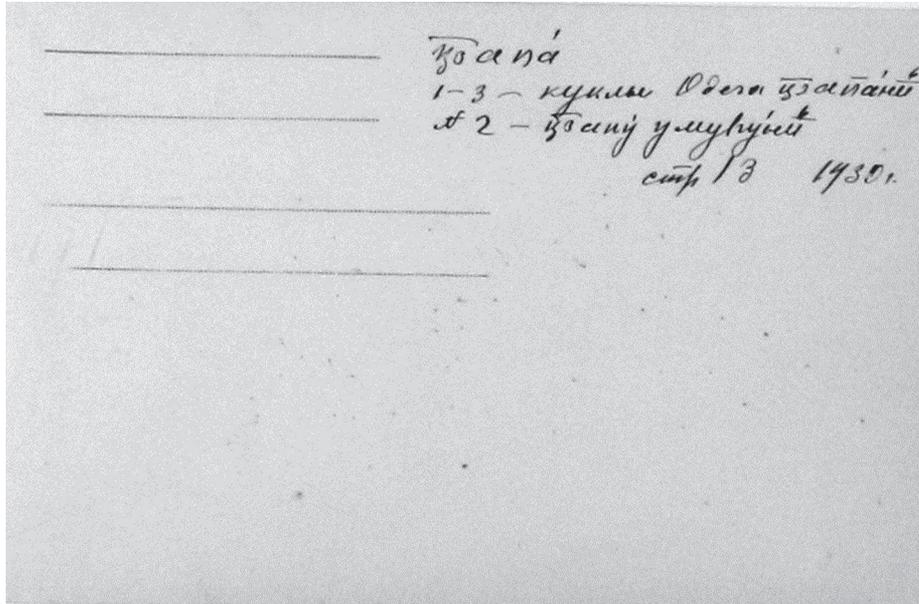
ЯБЧУГУ

ПОДВЕСКИ К ЗЫБКЕ

ЦЗАПА

ИГРУШКИ

КРЫЛО ОРЛА С БЕРЕСТЯНОЙ НАКЛАДКОЙ

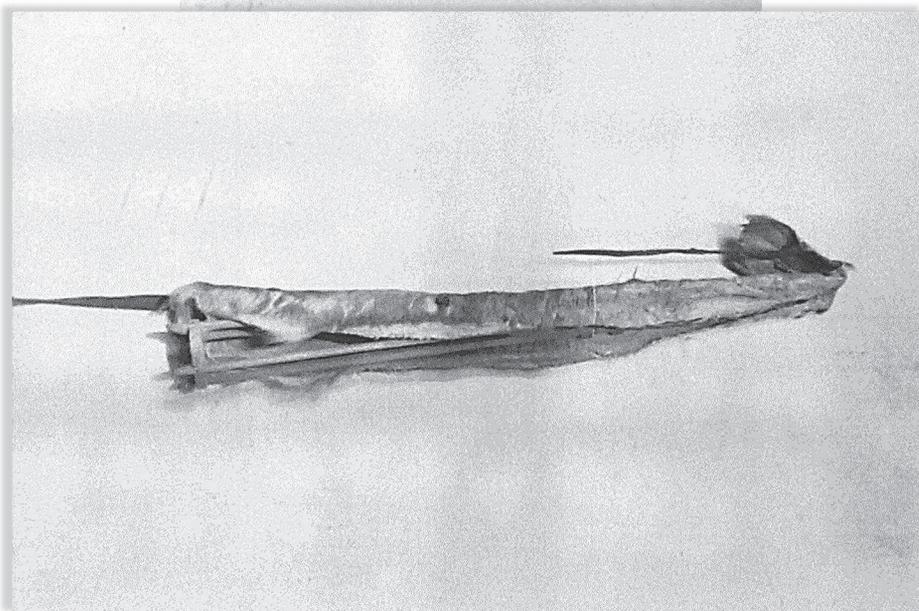

Крыло орла употребляется вместо венника для подметания сора в юрте.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 22

СИНМИ СИНАНИ КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ

синми синани
сиф 12 1930

САПУЛЮХУНИ

БЕРЕСТЯНОЙ СОСУД ДЛЯ ЛОЖЕК И ПАЛОЧЕК

Берестяная коробочка для хранения палочек, употребляемых во время еды. Ороческое название коробочки «Сапулюхуни». Коробочка вешается в углу юрты, около полок с посудой в той стороне, где помещаются женщины.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 28

НЮ(У)КТА

ОБРАЗЕЦ ВОЛОС (антропологический материал)

ЭТНОГРАФАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ...

«Как известно, этнография — наука не хлебная: ботаник имеет лес, зоолог — пушнину и рыбу, геолог — золото и уголь, нефть, а этнограф — научные знания и только».

**В. К. Арсеньев. Машинопись текста
доклада «Памяти Л. Я. Штернберга».
Архив ОИАК, Ф. 14, Оп. 1, Д. 112 Л. 5**

**...За мной останутся только орочи-удэхе.
В эту работу я вложу всю свою душу.**

**Из письма В. К. Арсеньева
Л. Я. Штернбергу от 21.08.1910 г. //
В. К. Арсеньев «Жизнь и приключения
в тайге», М., 1957**

Спектр направлений исследовательской деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева многогранен, как и оставленное им научное наследие в естественно-научном (география, геология, метеорология, ботаника, биология, ихтиология и т.д.) и гуманитарном (социология, экономика, геополитика, история, этнография и археология) знаниях. Это во многом обусловлено временем, которое формировало его как исследователя — эпохой комплексного экспедиционного изучения обширных территорий Российской империи, когда собирались всесторонние данные о природе и населении разных уголков страны. Вклад В. К. Арсеньева в соби́рание самых разноаспектных естественно-исторических сведений о Дальневосточном регионе, изучение и популяризация знаний об Уссурийском крае беспрецедентен. Его часто называют учёным-энциклопедистом. Однако, в первую очередь, Арсеньев был учёным-этнографом. Он сам в 1910 году определил направлением своих научных интересов «музееведение со специализацией в области археологии и этнографии», а итогом научной деятельности мыслит книгу «Страна Удэхе». Но не только это подтверждает приоритет народоведения в спектре наук, которыми занимался Арсеньев, но и реальные результаты двадцати семи лет исследований удэгейской культуры, которые легли в основу монографии и представляют неоценимое наследие, даже в ситуации её утраты.

Путешественником надо родиться, считал Н. М. Пржевальский, вероятно, потому что стремление к пути — особый образ жизни, определяемый изначально темпераментом, а затем — характером. Но этнографами не рождаются. Ими становятся, постигая науку изучения культуры народов через сбор эмпирических знаний, изучение

языка, освоение жизненного пространства этноса и обобщение всего этого в единую картину его жизни. Причём в этой кропотливой и совсем не быстрой работе важно практиковать различные методы и инструменты и наращивать опыт их использования. Хотя, конечно, занятие этнографией — это тоже путешествие. Путешествие в жизнь и культуру народа.

Ретроспектива жизни В. К. Арсеньева, родившегося путешественником, показывает, как судьба вела его по стезе народоведа с самого детства, когда в отцовском доме формировался интерес к иным странам и народам при изучении карт, книг по истории и географии и иллюстрированных журналов, таких как «Вокруг света», «Природа и люди», которые выписывал отец.

Возникновение интереса к этнографии сам исследователь относит к 1888 году, на что повлияло и первое посещение Музея антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого — знаменитой Кунсткамеры. Позднее, во время учёбы в Санкт-Петербургском пехотно-юнкерском училище, он общается с М. Е. Грум-Гржимайло — участником экспедиции на Памир, Тянь-Шань и в Китай, и, как вольнослушатель, посещает лекции антрополога и этнографа Э. Ю. Петри в Санкт-Петербургском университете. В начальный период военной службы в Польше штудировал «Историю русской этнографии» А. Н. Пыпина, статьи Д. И. Шрейдера о юге Уссурийского края, монографию В. Серошевского о якутах и целый ряд иных этнографических источников.

Практически с первых дней пребывания во Владивостоке у него возникает пылкий интерес к коренным жителям края, с которыми он постоянно контактировал во время проведения рекогносцировок 1903–1905 гг., будучи начальником конно-охотничьей команды. Районы края, в которых проходили Сихотэ-Алиньские экспедиции 1906–1910 гг., были заселены орочами и удэгейцами (в то время их считали одним народом — ороченами).

Естественным образом возник интерес исследователя к культуре этих немногочисленных и малоизученных этносов, которая до конца жизни стала основным объектом его научных изысканий. Но приступив к этнологической практике, он ощутил недостаток знаний и умений для качественной полевой работы, несмотря на серьёзное изучение научной литературы и общение с местными учёными-краеведами, членами Общества изучения Амурского края, число которых он пополнил в 1903 году.

Наставники Арсеньева, в первую очередь Н. А. Пальчевский и Н. В. Кирилов, обладая опытом этнографических исследований и определёнными знаниями о народах края, давали ему ценные советы и оказывали поддержку. Предположение же Пальчевского о том, что орочи и удэхе — разные этносы, и результаты инициированной им экспедиции, представленные в работе С. Н. Браиловского «Тазы-удэхе. Опыт этнографического исследования», укрепили в Арсеньеве желание глубже узнать культуру и генезис данной этнической общности. Но тут потребовался более высокий уровень научных знаний, поэтому Владимир Клавдиевич обращается в МАЭ и вступает в переписку с Л. Я. Штернбергом. В лице этого ученого и с его помощью, уже на посту директора хабаровского музея им. Н. И. Гродекова, он обретает наставников из числа представителей академической науки (Б. Ф. Адлер, Д. Н. Анучин, В. В. Богданов и др.). Именно Штернбергу — известнейшему народоведу России и основателю ленинградской школы этнографии — Владимир Клавдиевич отводил ключевую роль в своей научной подготовке. Первоначально их коммуникация осуществлялась только письменно: Штернберг отвечал на вопросы, посылал книги и давал методические советы, а в 1910 году произошла первая личная встреча. Общение с ученым и участие в совместной экспедиции внесли значимый вклад в этнологическое самообразование Арсеньева. Осуществляя фундаментальное руководство научной подготовкой и консультирование в процессе полевых исследований Арсеньева, Штернберг не забывал и о формировании круга его научно-профессионального общения, постоянно направляя к нему российских и зарубежных учёных. Это не только помогало обрести единомышленников в различных регионах страны и мира, но и обогащало практику подготовки Владимира Клавдиевича как этнографа-полевика. В научное сообщество Арсеньева входили также члены созданного им при музее этнографического кружка, из числа

которых проявят себя как исследователи с мировым именем фольклорист М. К. Азадовский и этнограф И. А. Лопатин. Участники этого объединения совместно осваивали теорию этнологической науки, обсуждали современные тенденции её развития и практические аспекты изучения коренного населения края. Важно, что под руководством Л. Я. Штернберга и «своего» учёного сообщества Владимир Клавдиевич практически с самого начала осваивает язык орочей и удэхе и собирает не только предметы материальной и духовной культуры, но и материалы для словаря. Знание языков позволило ему применить метод сравнительного анализа для обоснования того, что орочи и удэхе — разные народы.

Три тома рукописи «Русско-орочский словарь» и материалы к нему, сохранившиеся в архиве ОИАК, были изданы в начале XXI века коллективом учёных Санкт-Петербургского университета, но словарь удэгейского языка, который должен был стать органичной частью утраченной монографии «Страна Удэхе», исчез вместе с книгой. Он состоял из четырёх частей: разговорного языка, шаманского языка, языка поэтического и сказочного, а также сложного технического раздела. Причём при создании словарей был применён разработанный Арсеньевым метод фонетической транскрипции слов удэгейского и ороцкого языков, который получил высокую оценку современных ему лингвистов-этнографов.

Помимо названных словарей в многогранное наследие Арсеньева по культуре ороцкого и удэгейского народов входят многочисленные этнографические коллекции, которыми он пополнял собрания не только Гродековского музея, но и музеев Москвы, Петербурга, Казани, Читы; его вклад в создание дальневосточной части этнографической карты России и консультирование авторов первых этнографических фильмов об удэгейцах. И колоссальная образовательная и просветительская работа по популяризации знаний об этих народах через многочисленные лекции (как публичные, так и учебные), через экспонирование коллекций на различных выставках (в Приамурском крае и в центре страны). Да и практически все труды Арсеньева (и художественные, и научно-публицистические) содержат ценные этнологические сведения. Не говоря уже о том, что целый ряд его работ целиком посвящён генезису, культуре и современному состоянию инородцев. Так же как Штернберг, Владимир Клавдиевич считал, что этнограф не вправе быть только бесстрастным наблюдателем быта народа, а должен живо откликаться на нужды аборигенов и участвовать в решении их жизненных проблем.

Будучи последователем учёных-эмпириков, он уделял очень большое внимание качественному сбору данных о самых разных аспектах жизни коренных этносов. И неоднократно приступал к обобщению собранного материала.

Первоначально, вдохновлённый поддержкой Штернберга и Адлера, он планировал написать монографию об удэгейцах в 1914 году. Но этим планам помешали события Первой мировой войны и последовавшей за ней революции. В 1925 году по согласованию со Штернбергом, согласившимся редактировать будущую книгу, Арсеньев решил даже переехать в Ленинград, чтобы вплотную приступить к завершению работы над ней. Но вновь не получилось. И в 1929 году тоже... А дальше — внезапный уход из жизни и исчезновение книги.

И всё же рукопись, скорее всего, была написана. Обнаруженные в архиве негативы и сделанные с них фотографии, на обороте которых рукой Арсеньева написано не только этническое название изображённого предмета, но и страница книги, для которой оно предназначалось в качестве иллюстрации, подтверждают это. Но эти фотодокументы и сами по себе — важный этнографический источник, который сегодня особенно ценен в свете бурно развивающейся отрасли науки — визуальной антропологии.

Безусловно, визуальные источники всегда были особо значимы для народоведения. Изначально для фиксации этнографических сведений использовали зарисовки, поэтому многие учёные-полевики умели рисовать, а в состав больших экспедиций включали профессиональных художников, способных реалистично и предельно точно запечатлеть на бумаге предметы, отражающие культурные особенности этноса и представляющие интерес для науки. Стоит заметить, что Владимир Клавдиевич тоже неплохо рисовал и оставил после себя целый ряд визуальных свидетельств по культуре изучаемых народов в виде рисунков в экспедиционных дневниках.

Начиная со второй половины XIX в. в этно-антропологических исследованиях начинает использоваться фотография. Она продолжительное время сосуществовала с зарисовками и зачастую рассматривалась только как иллюстрация к научному описанию, хотя сегодня осознаётся то, что этнографическим/антропологическим источником может служить практически любая фотография. Арсеньев был хорошим фотографом и оставил после себя ещё и значительное количество экспедиционных снимков. Но они пока не в полной мере изучены как этнологический источник. Ценность же фотодокументов к книге «Страна Удэхе» можно трактовать в двух аспектах: во-первых, обнаруженные негативы и снимки представляют собой подлинный этнографический документ, сделаны с конкретной научной целью и в определённой мере отражают заложенное в утраченной рукописи содержание. Условно можно скомпоновать эти фотодокументы в следующие группы: одежда и украшения, предметы быта и орудия промысла, предметы шаманского культа и деревянная культовая скульптура. Думается, что обнаруженные в архиве негативы и снимки — это только часть визуального

материала, которым предполагал проиллюстрировать книгу автор. Скорее всего, это рабочие материалы. Причём часть их представлена снимками предметов, вероятно, ранее предназначенных для каталога «Орочи-удэхе», над которым Арсеньев работал ещё в 1913 году. Рабочий машинописный экземпляр этого каталога, изданный Хабаровским краевым музеем им. Н. И. Гродекова, не имел фотоснимков описанных в нём предметов. Но рассматриваемые нами негативы и снимки с приведёнными на них номерами, многие из которых совпадают с номерами каталога (а изображения — с описаниями предметов в каталоге), позволяют предположить, что создание каталога сопровождалось и фотофиксацией предметов, предназначенных для него. Это значительно упростило атрибуцию снимков из обнаруженной коллекции негативов.

В целом для определения изображённых на снимках предметов использовались материалы фонда В. К. Арсеньева в архиве Приморского отделения Русского географического общества (ОИАК), книги В. К. Арсеньева, материалы каталога, созданного им вместе с Домбровским в 1913 году и изданного в 2005 году ХКМ им. Н. И. Гродекова, каталоги этнографических коллекций по орочам и удэгейцам Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова, а также Словарь удэгейско-русского языка А. Х. Гирфановой, Краткий удэйсско-русский словарь Е. Р. Шрейдера и Русско-орочский словарь В. К. Арсеньева. В процессе атрибуции изображений на негативах появилась возможность скорректировать и уточнить описания ряда предметов, запечатлённых на снимках из архивного фонда В. К. Арсеньева, а также пополнить сведения об этнических наименованиях этих предметов. Найденные негативы и фотографии не только приоткрывают нам содержание загадочно исчезнувшей монографии о ныне во многом утраченной культуре удэгейского народа, но и демонстрируют научный уровень Арсеньева как исследователя этой культуры. Можно сказать, что Владимир Клавдиевич, собирая, обрабатывая, систематизируя и обобщая материалы по культуре коренных этносов, не только создавал свой научный труд, но и создавал себя как учёного-этнографа, стремясь составить наиболее полную картину мира изучаемого народа с помощью разнообразных научных методов и инструментов. И в этом ему помогал опыт комплексного исследования территории, которым обогатила его многолетняя экспедиционная практика.

Не только мнения учёных-современников Арсеньева, но и всё арсеньевское наследие по культуре удэгейского этноса, в том числе и рассматриваемые негативы и фотографии, убеждают в уникальности созданной в результате многолетнего исследовательского труда книги, в которой всесторонне представлена уже утраченная культура ещё живущего этноса. Это является прекрасным стимулом к продолжению поисков «Страны Удэхе» и сбора воедино информации о наследии, оставленном нам её автором, до сей поры ещё рассеянной в музейном и архивном пространстве страны и мира.

ВЕРА КАВЕЦКАЯ, заведующая отделом исследований ПГОМ имени В. К. Арсеньева

АТТРИБУТЫ ШАМАНА

Из коллекции негативов,
выявленных в архиве Общества
изучения Амурского края
в 2017 году

ЯМКПА МОХЭНИ

ФУТЛЯР ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ПОЯСА ШАМАНА

Футляр для хранения шаманского пояса с позвонками. Ороческое название «Ямпка мохэни». На футляре изображены все животные, которые помогают шаману и в образе которых являются ему духи. Пояс, хранимый в таком футляре, приобретает особенную силу.

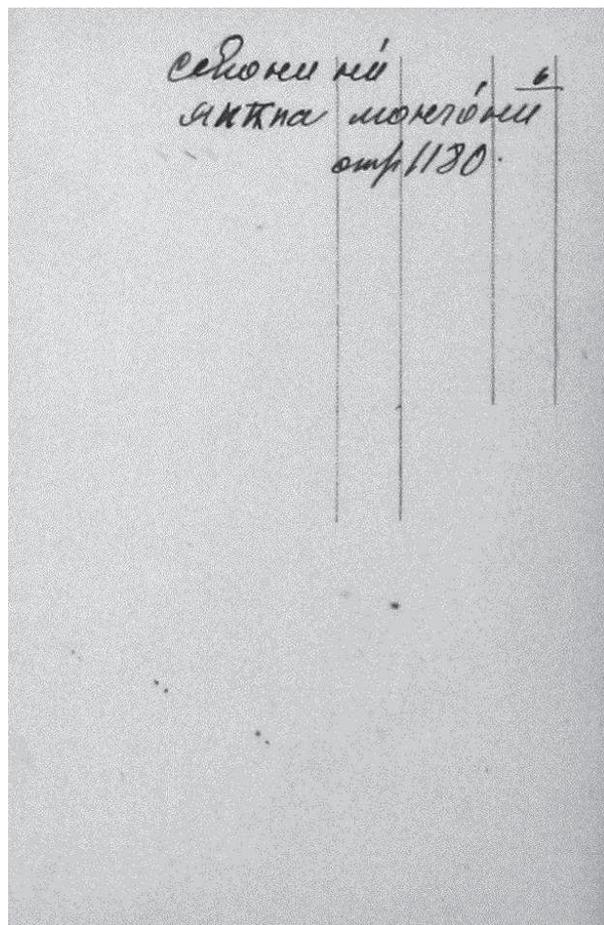
В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 35

Орнамент на футляре
в виде птицы

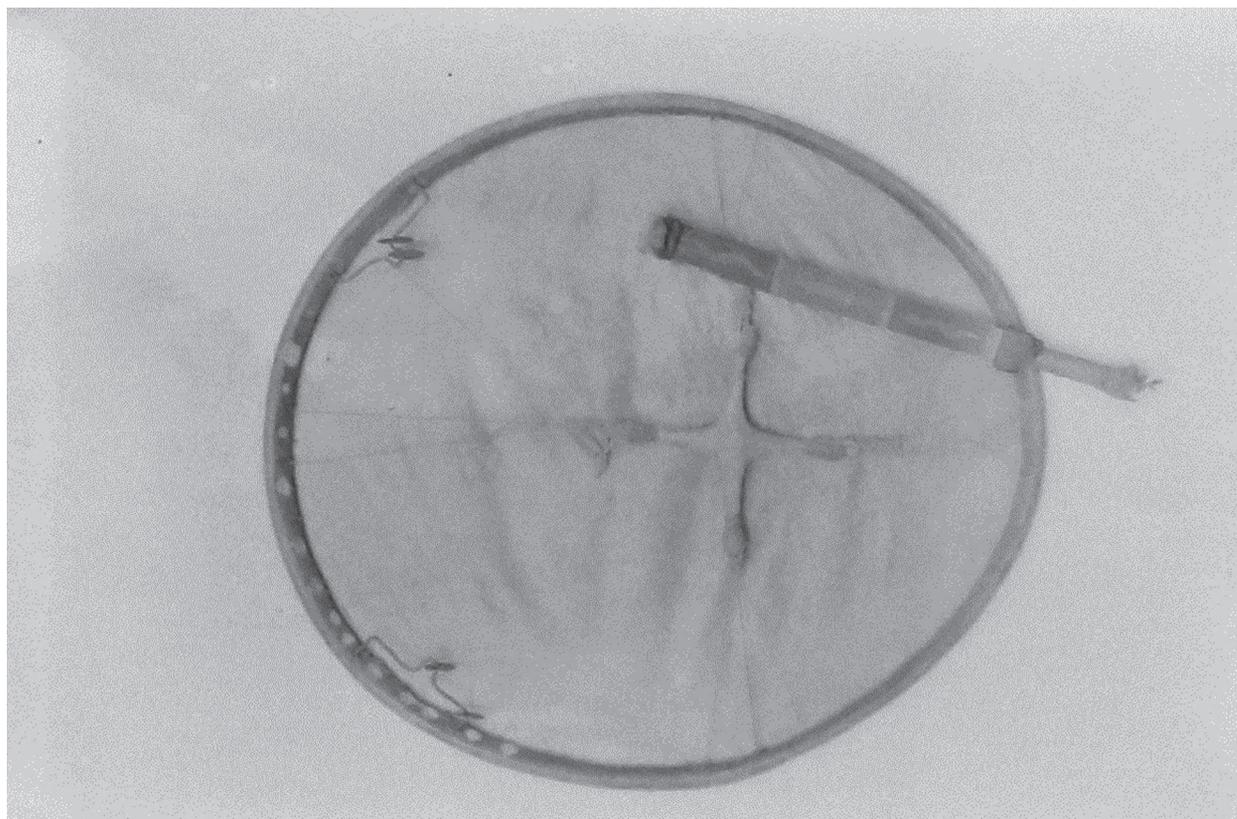
Монгол
снр/182.

Орнамент на футляре
в виде ящерицы

УНКТУ БУБЕН ШАМАНА, КОЛОТУШКА ДЛЯ БУБНА

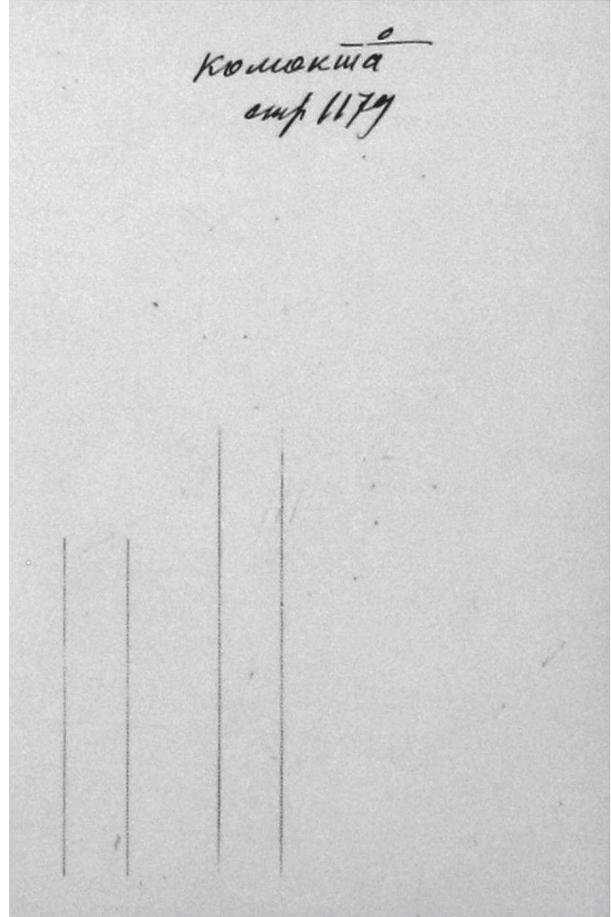
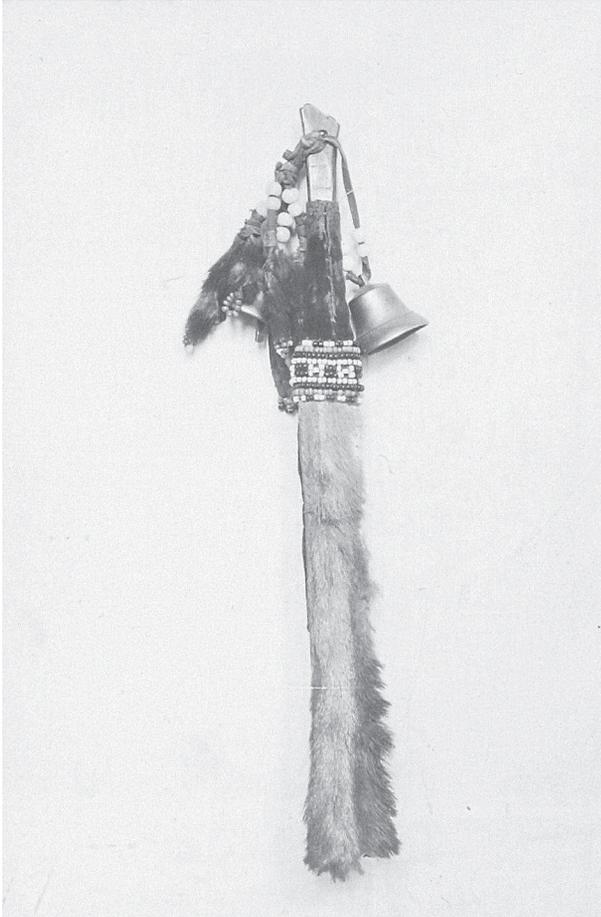
Шаманский бубен. Орочское название «Ункту». Ударами в бубен шаман призывает духа (Севона). Звук бубна изображает также и гром; когда надо, им изгоняют чёрта. В коже бубна всегда содержится сила духа. Во время камлания бубен подогревается над огнём, чтобы кожа сильнее натянулась и звуки были бы громче и чище.

Колотушка для ударов в бубен. Орочское название «Ункту-геуни». На колотушке с наружной стороны её чаще всего изображаются ящерицы (Е(h)ела) — символ быстроты движений. Колотушка должна также проворно бить в бубен, как проворно бегают ящерица. Змеи — олицетворение прочности и грозных опасных движений.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэһе»,
стр. 33

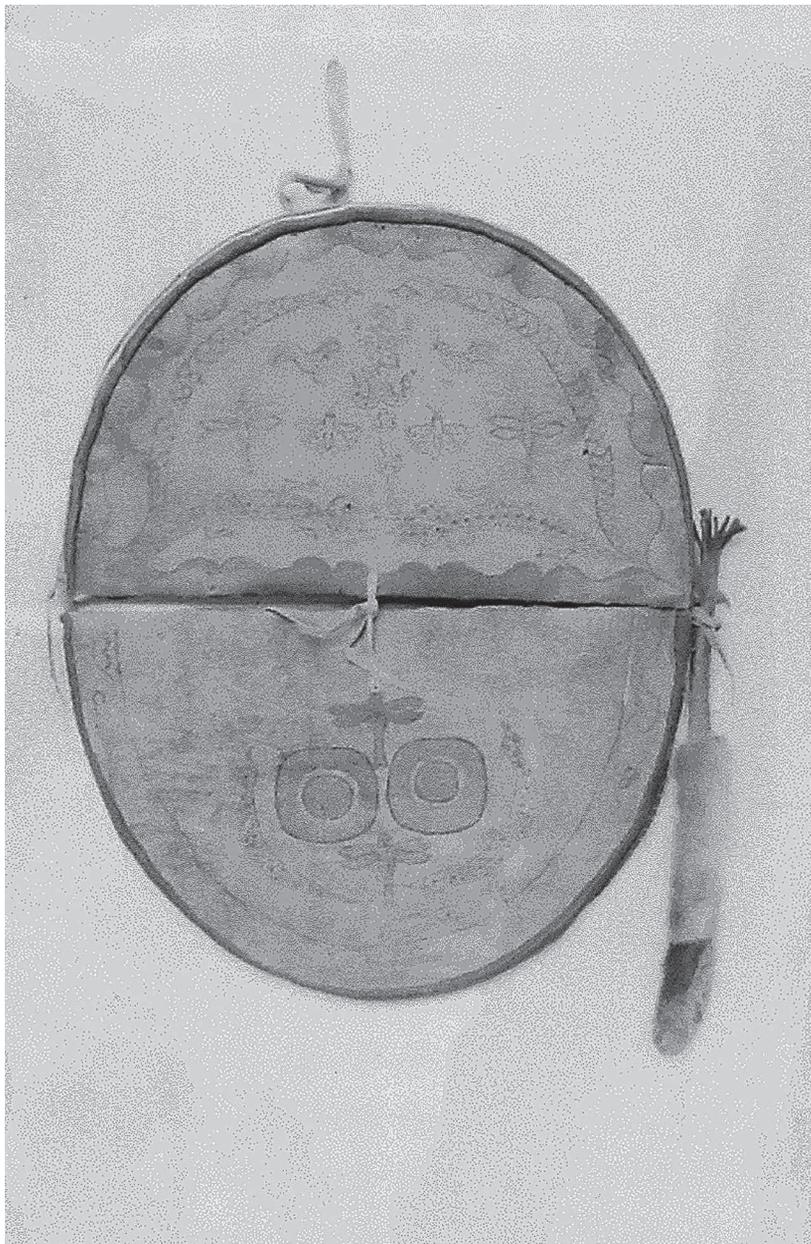
КОМОКТА(О)

КОЛОТУШКА ДЛЯ БУБНА С БУБЕНЦОМ

УНКТУ ТЭКПУНИ

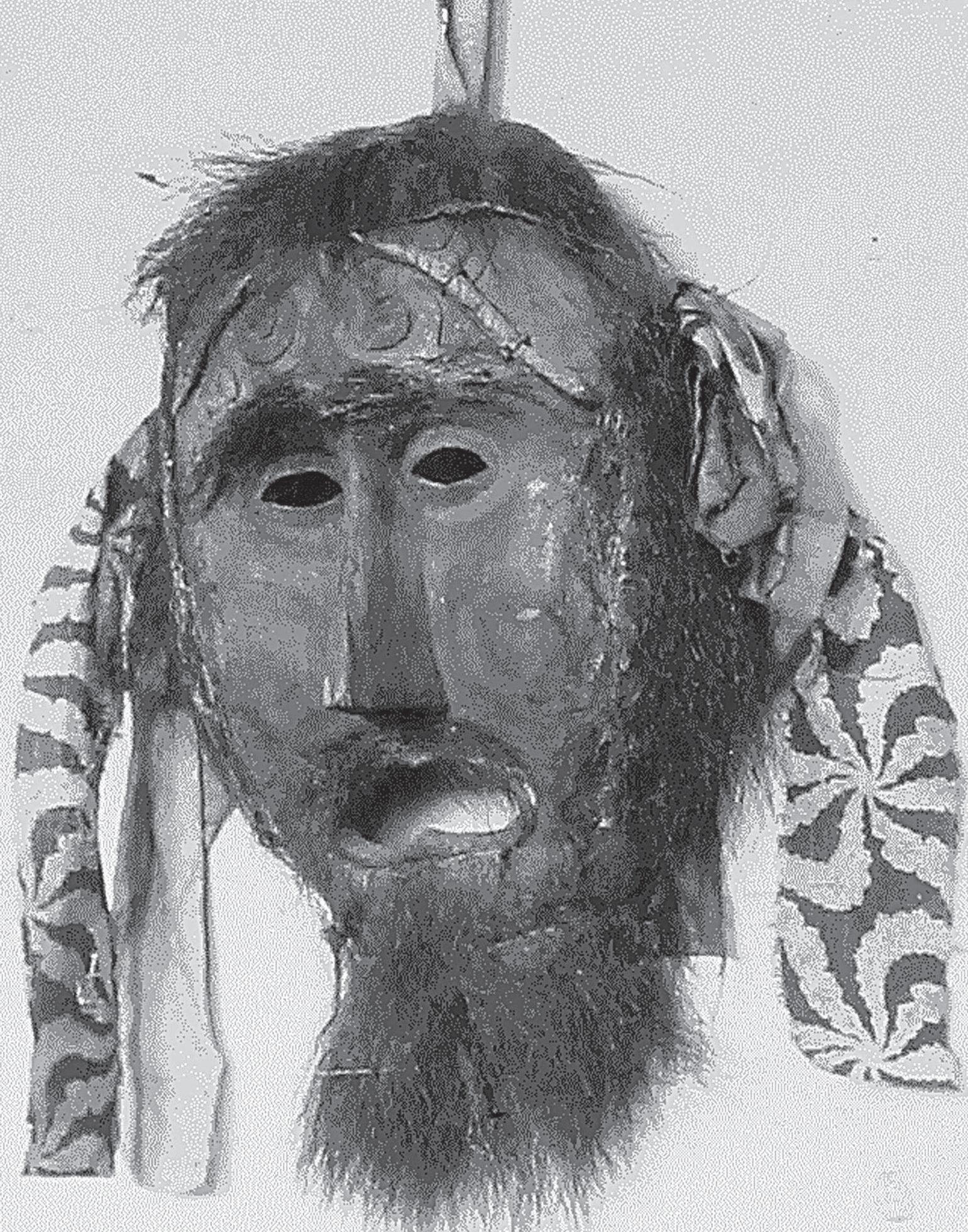
БЕРЕСТЯНОЙ ФУТЛЯР ДЛЯ БУБНА ШАМАНА, КОЛОТУШКА ДЛЯ БУБНА

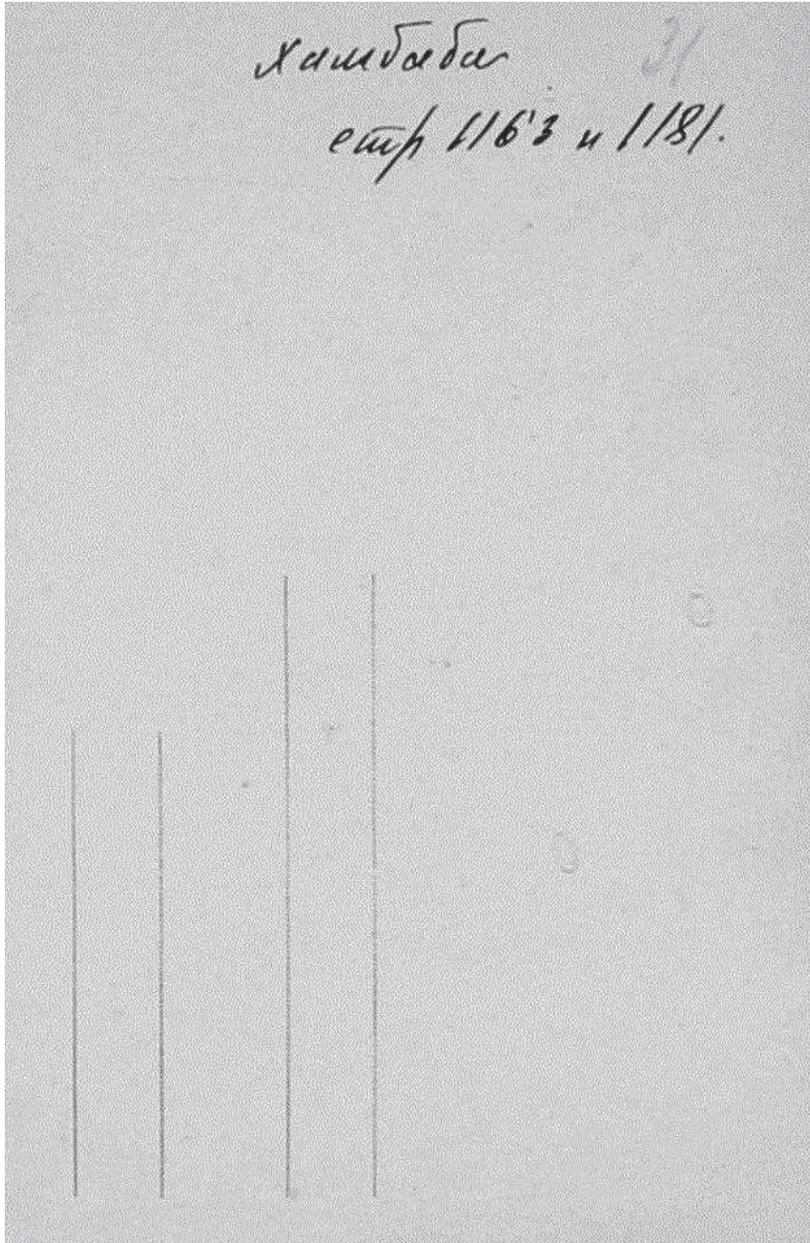
Берестовый футляр для хранения бубна. Ороческое название «Ункту-тэкпуни». На футляре изображены те животные, в образе которых является дух. Шаманский бубен всегда должен храниться в футляре, иначе Севон оставит его, шаманство будет бессильным и бубен ломается.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 33

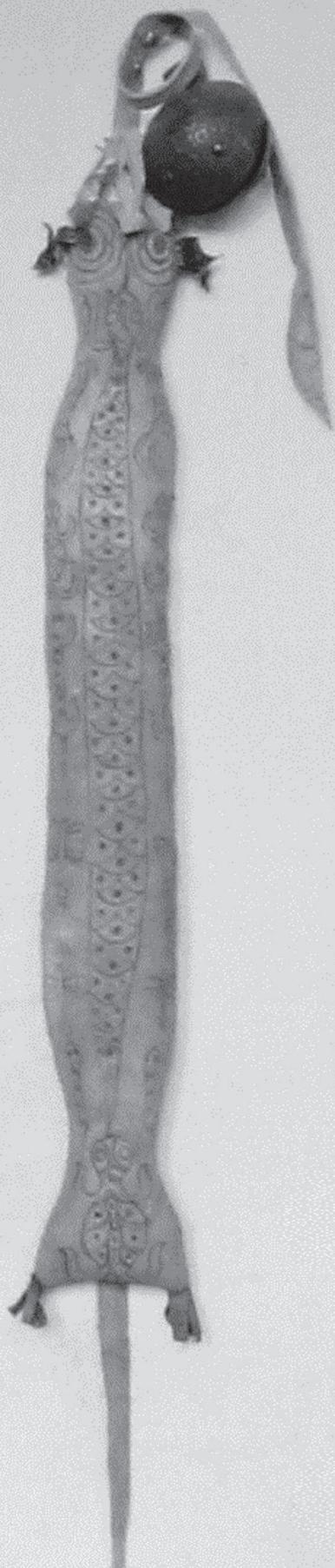
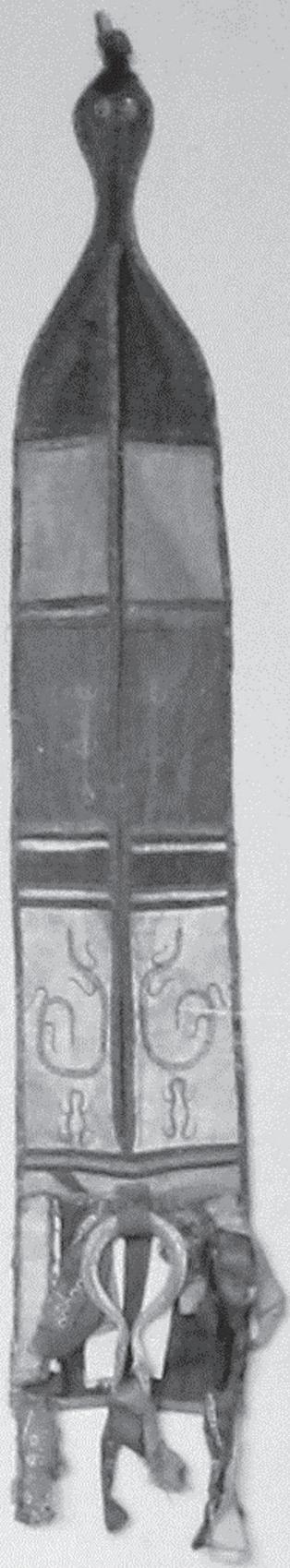
ХАМБАБА МАСКА ШАМАНА

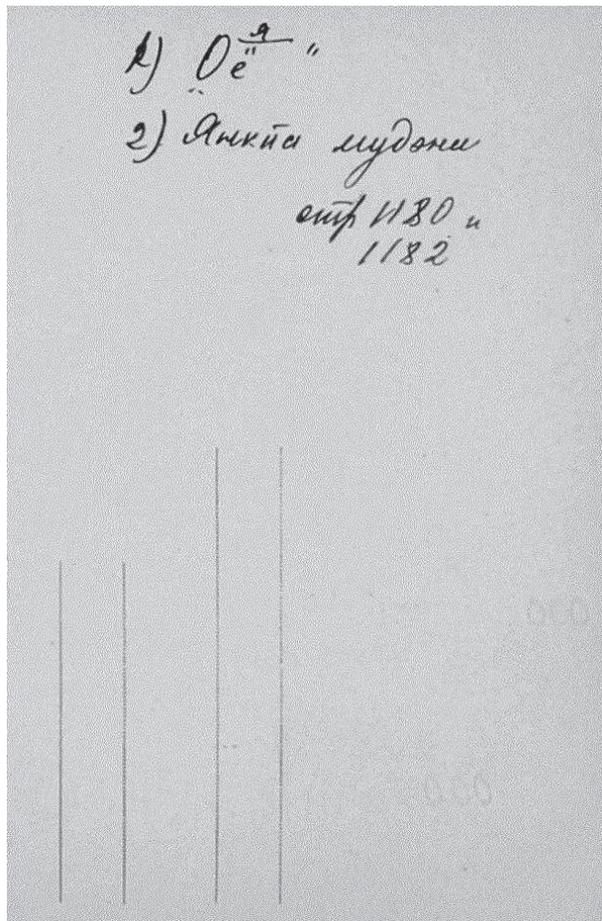
Орочское название — «Хамбаба». Одевается шаманом во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать чёрта и изгнать его из жилища больного. Маска оторочена мехом медведя. Для запугивания чёрта на маске сделана татуировка.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 32

ОЁ(Я) (СЭ-СЮККЕНИ) НАГРУДНИК ШАМАНА ЯНКПА МУДЭНИ пояс шамана в виде касатки ТЭМУ

Орочское название — «Сэ-сюккени». Шаман одевает его на себя для того, чтобы от продолжительного камлания не ослабел его голос. На нагруднике изображена змея (Кулига-сэ). Если нагрудник перерезать ножом, шаман потеряет голос и умрёт. Ящерицы и лягушки — животные, помогающие духу шамана; Модули — бог моря. Внизу двухголовая, кольцевая змея из железа — изображает грудь шамана.

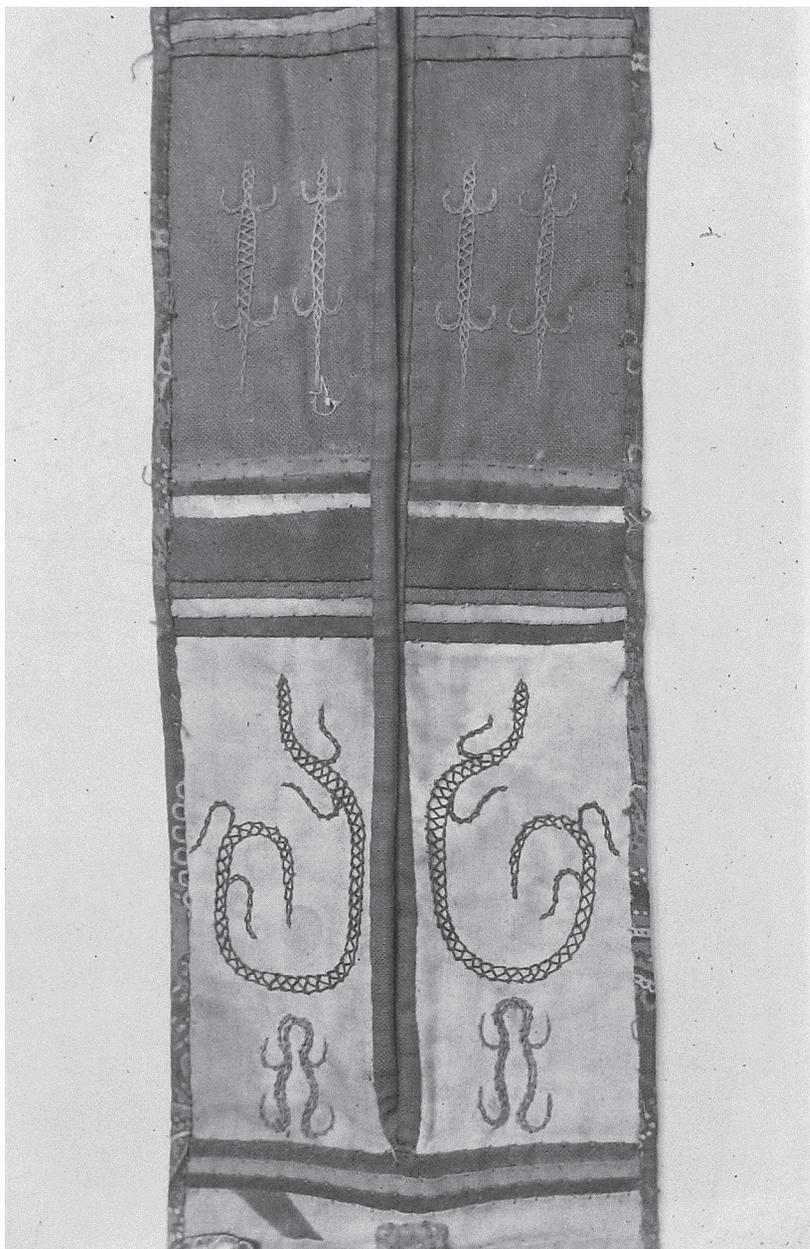
В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 32

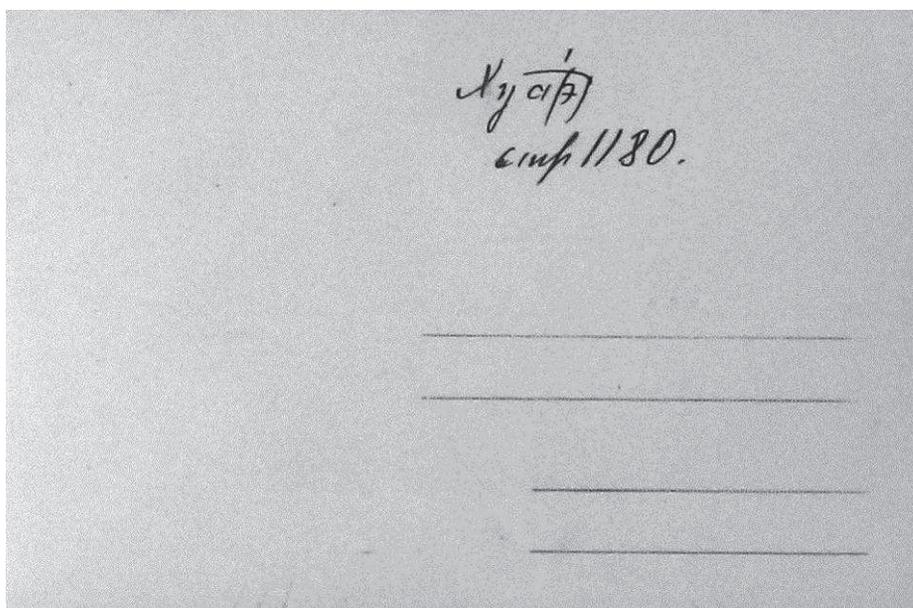
Шаманский пояс, изображающий касатку Тэму. К поясу привешиваются позвонки и побрякушки. Железный бубенчик, навешиваемый на шаманский пояс, изображающий касатку Тэму.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 38

*Орнамент нагрудника
шамана*

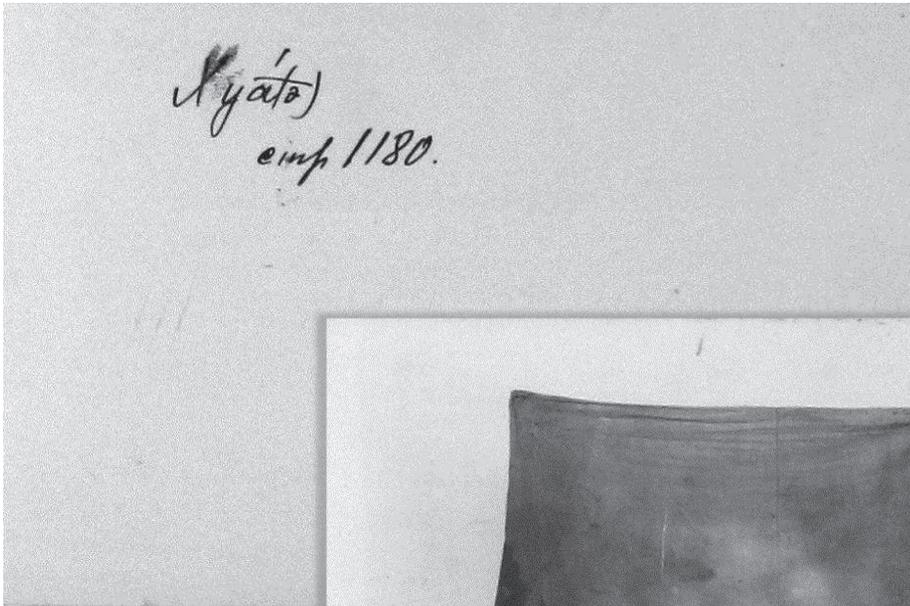

Орнамент пояса
шамана

ХУА(Э) (САМА-ХУАНИ)

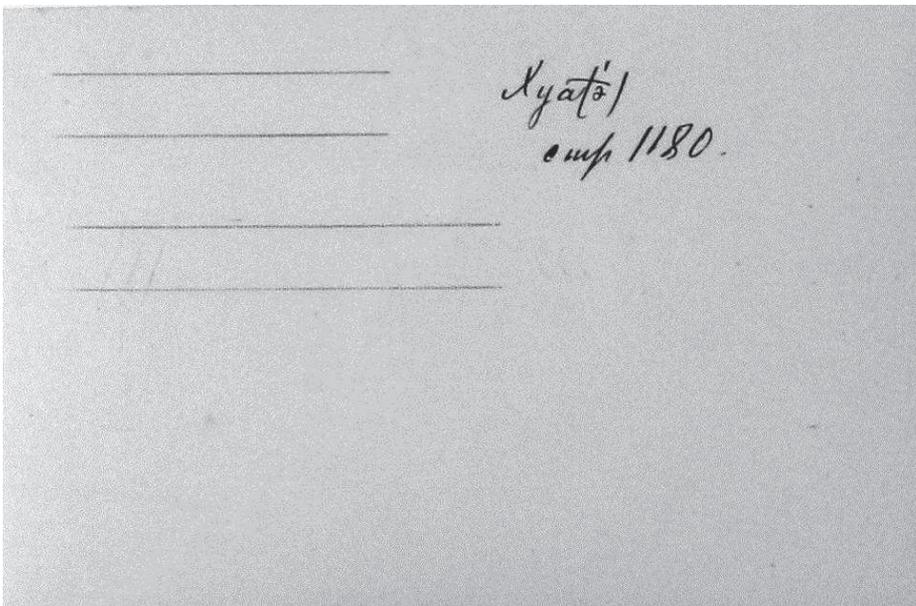
ЮБКА ШАМАНА

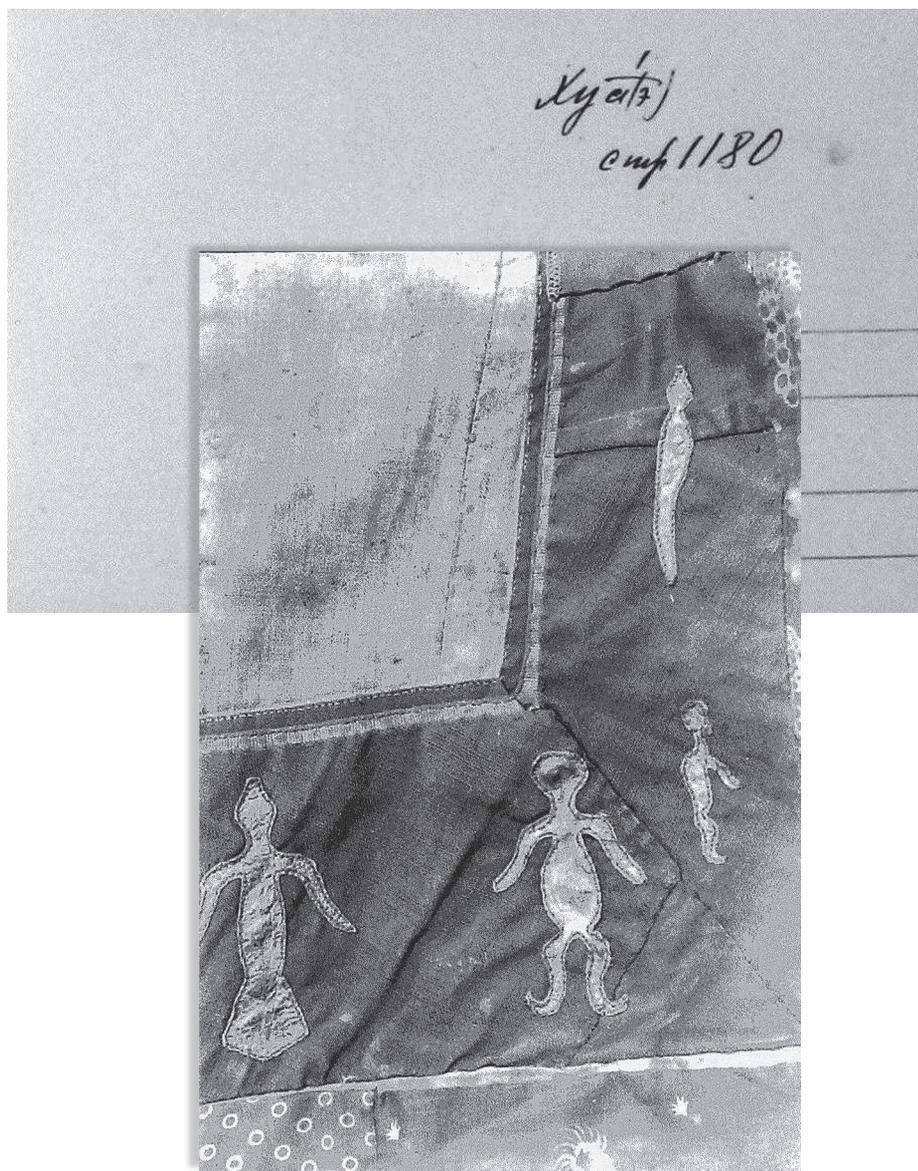
●
Шаманская юбка — единственная одежда, которую шаман одевает на себя перед камланием. Ороческое название «Сама-хуани». На юбке изображены все те живые существа, люди, звери, птицы, гады, насекомые, в образе которых являются шаману духи. Имея на себе юбку, шаман во время камлания беспрепятственно проходит через моря и реки, и одежда его остается сухой.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне», стр. 32

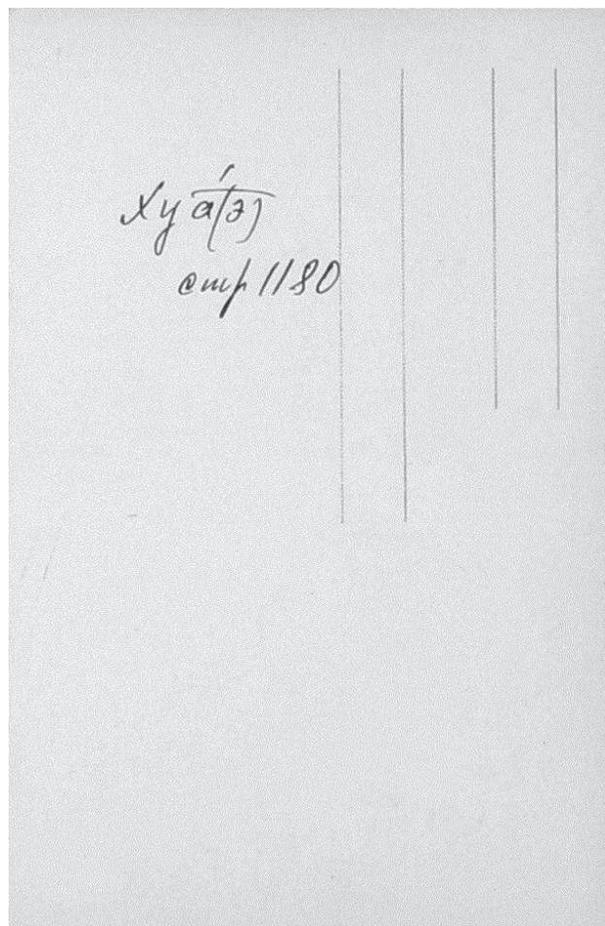
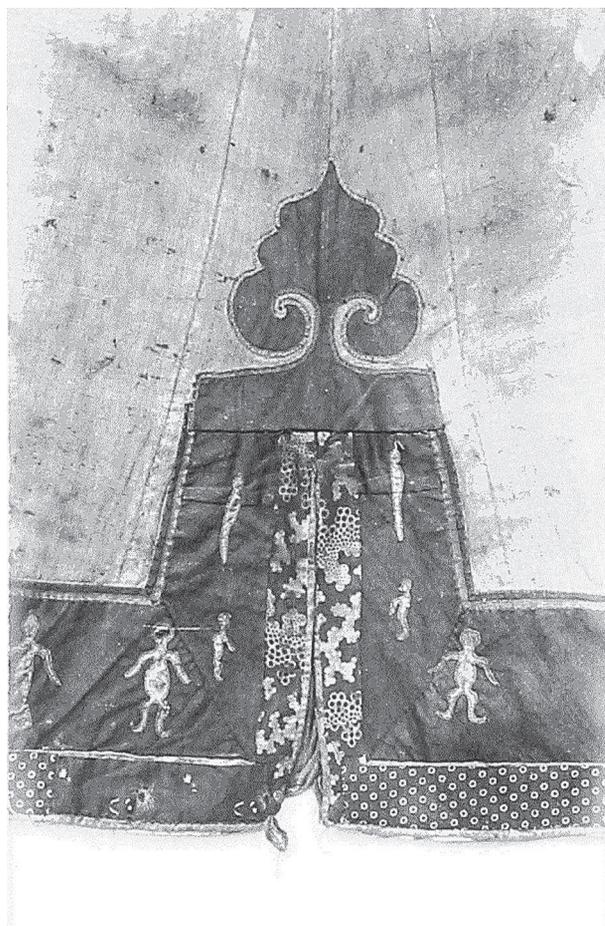
*Орнамент подола
юбки шамана*

Орнамент угла
юбки шамана

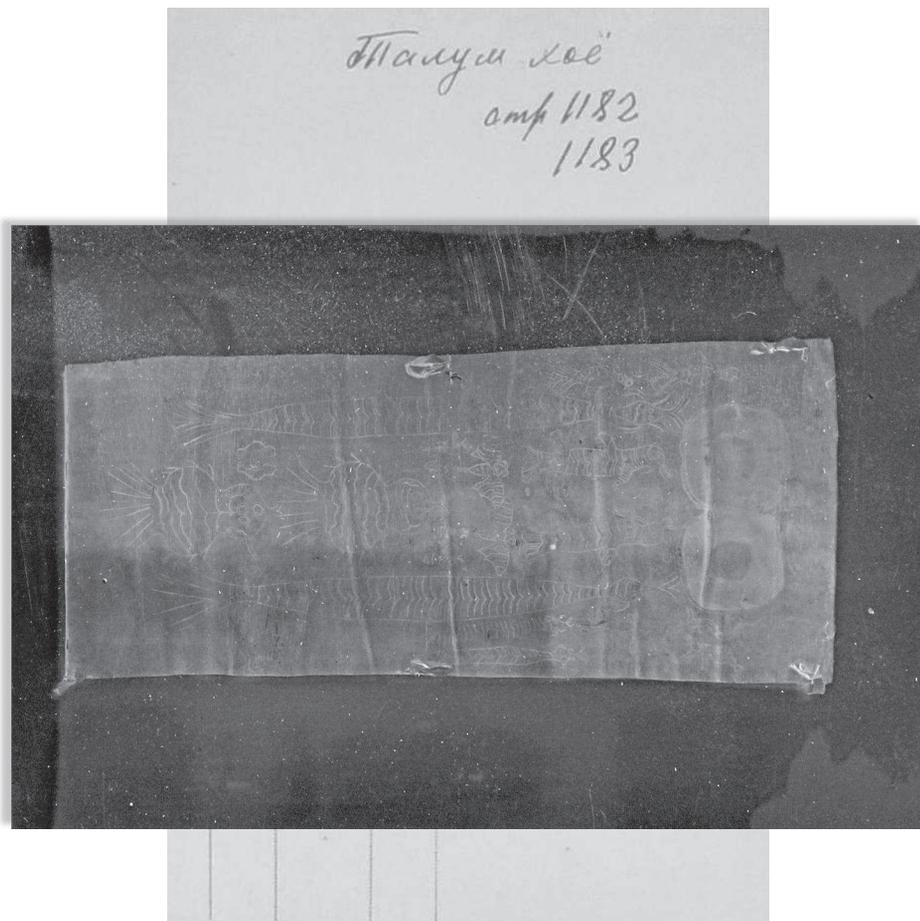

*Орнамент бокового разреза
юбки шамана*

ТЭЛУМ ХОЁ (САМА ТЭЯНИ)

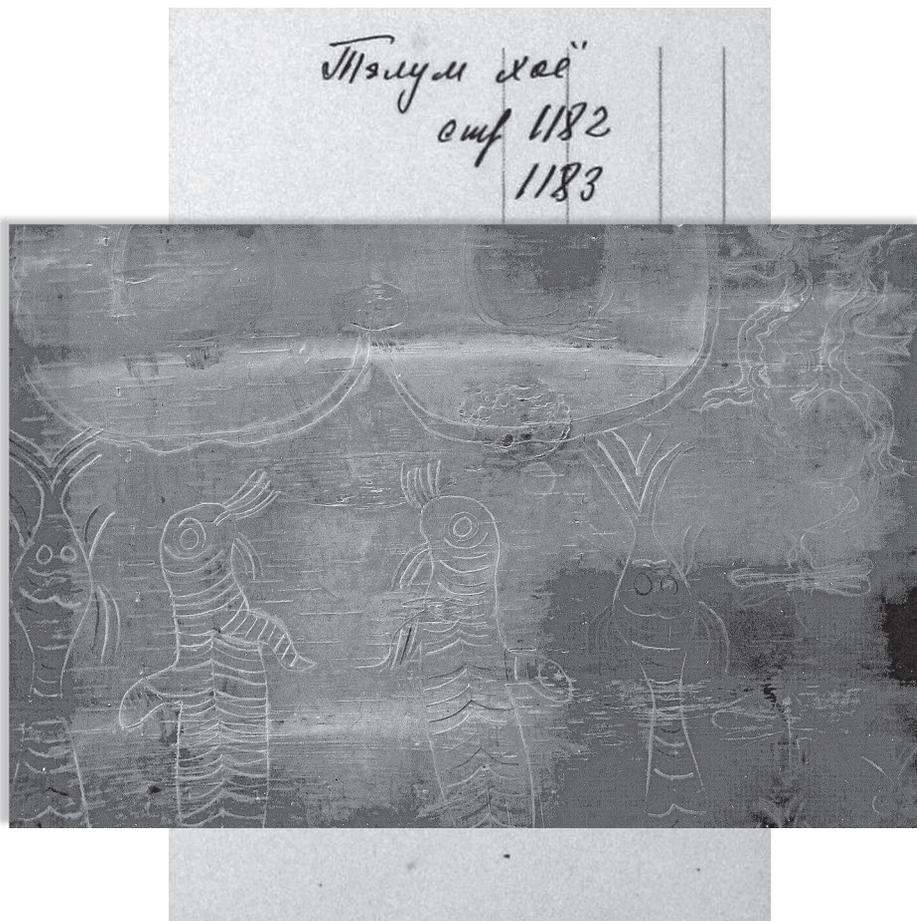
БЕРЕСТЯНАЯ ПОДСТИЛКА ПОД НОГИ ШАМАНА

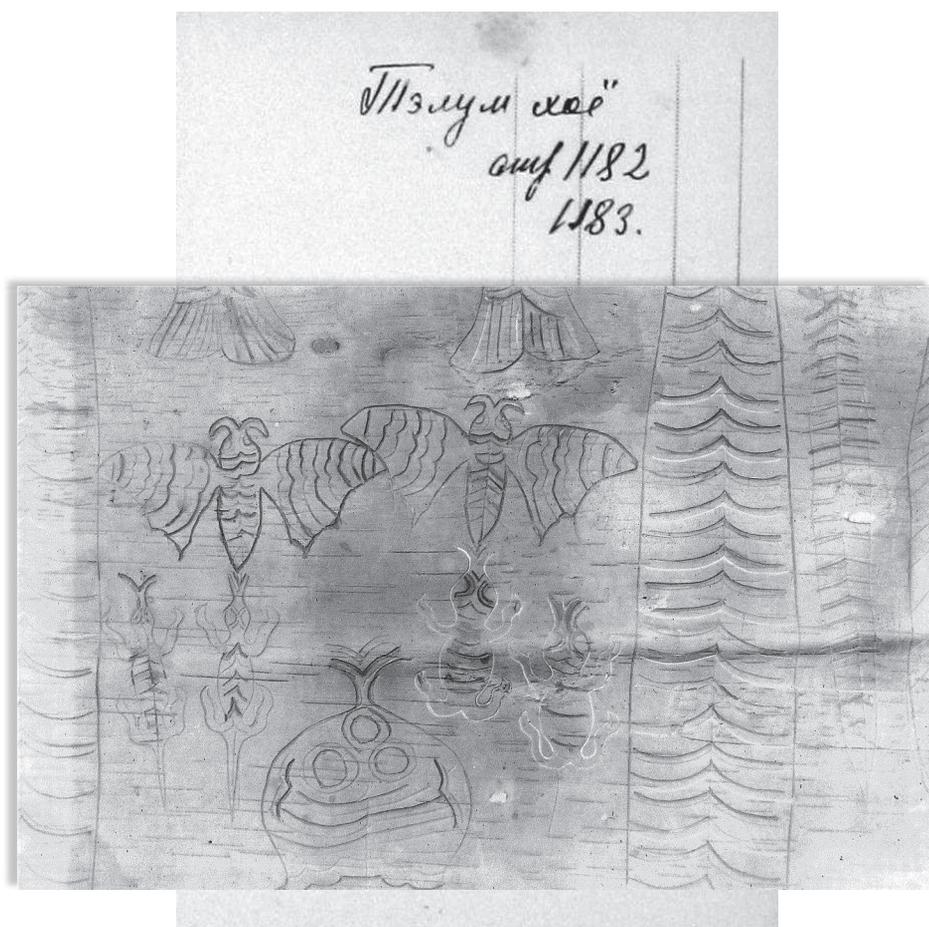
Подстилка под ноги шамана. Орочское название «Сама тэяни». На подстилке изображены те животные, в которые превращается дух, помогающий шаману. Боко — одноногий и однорукий человек, змеи, лягушки, ящерицы, стрекозы, бабочки. Затем Касатки (Тэму) и Модули (морское божество). Парные духи Сенгуо — мужские и женские. Красные круги — это (толи) зеркала, они же изображают бездну и блестящую поверхность моря, где обитает самый сильный и могучий Севон, властелин и хозяин морей Тэму.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне», стр. 34

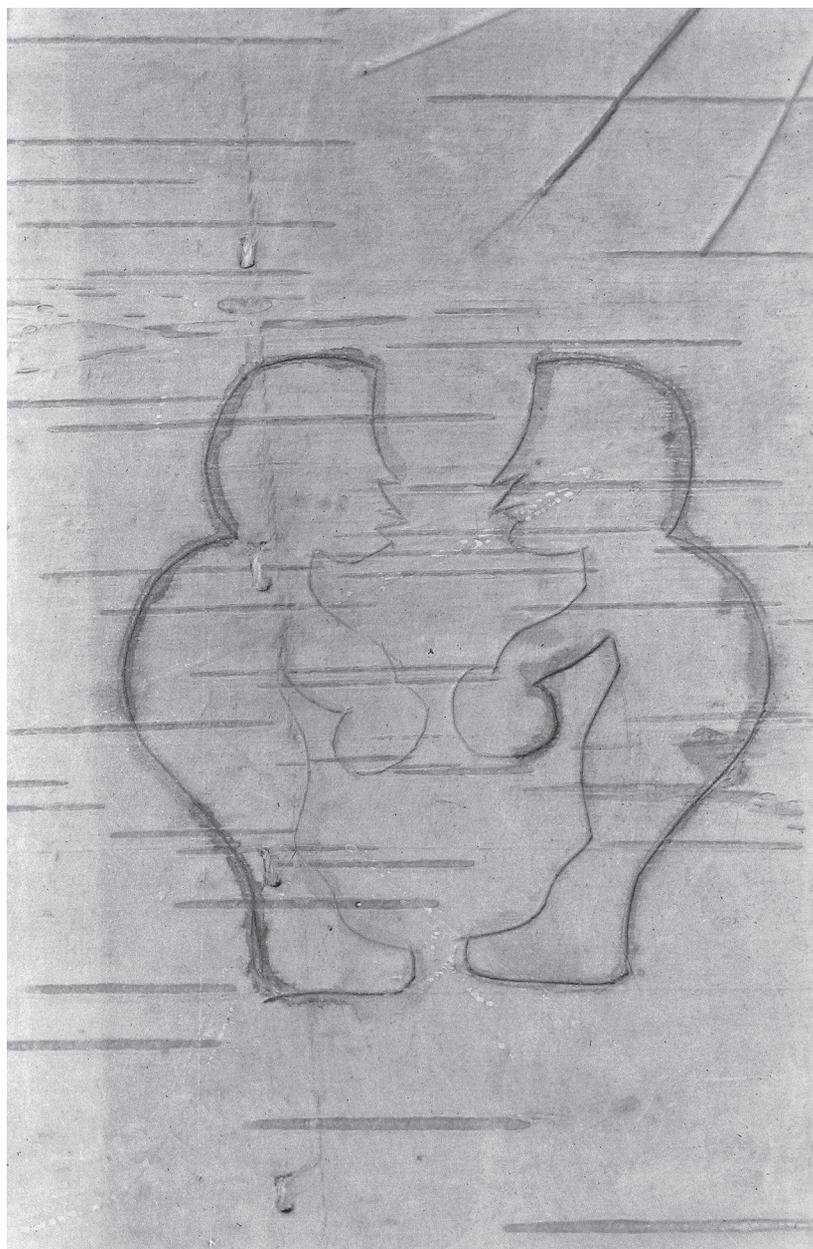
Орнамент верхней части
подстилки

Орнамент центральной
части подстилки

*Орнамент нижней
части подстилки*

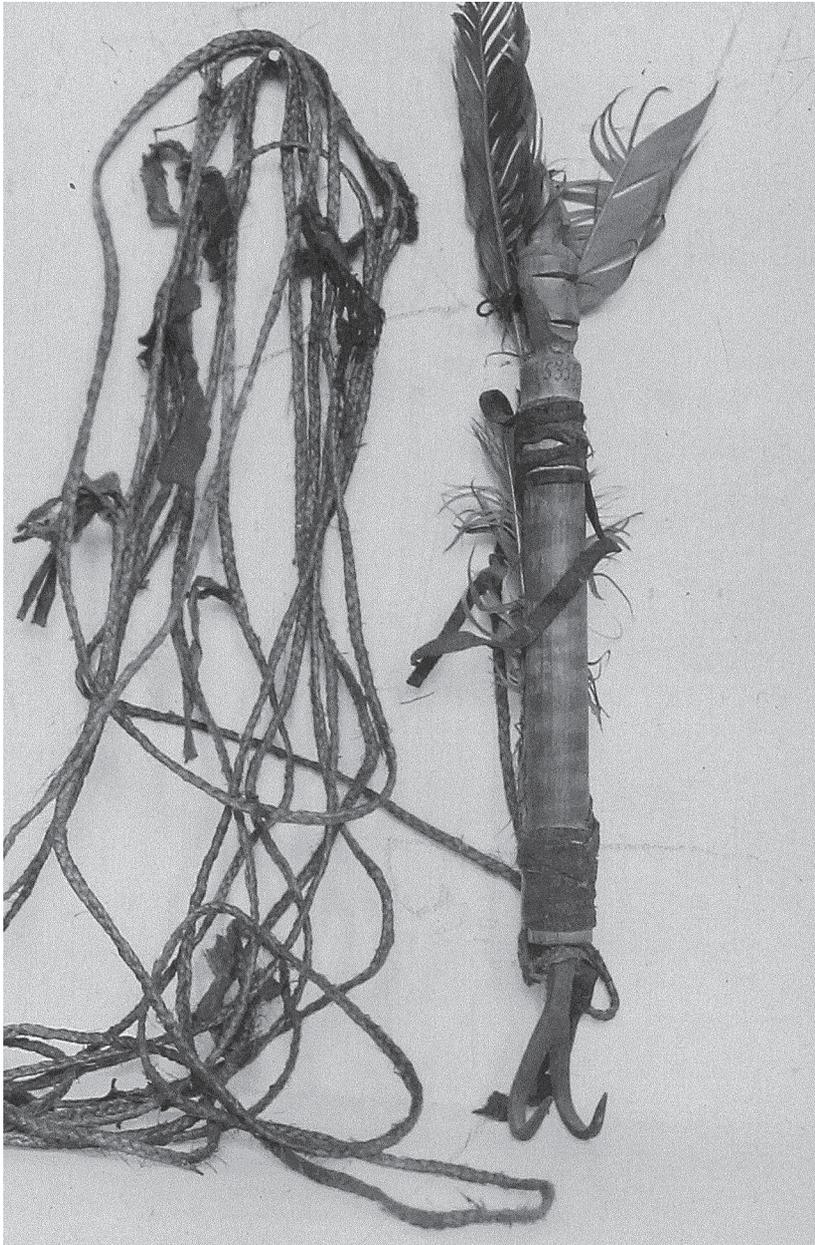
Чёрт Боко — это горбатый карлик на одной ноге и с одной рукой. Он живёт в болоте. Благодаря его козням люди часто блуждают в лесу и не могут найти дорогу.

Арсеньев В. К. «Лесные люди удэгейцы»,
стр. 33

УЙГА

РЕМЕНЬ ШАМАНА

Орочское название — «Уйга». К одному концу верёвки привязана короткая палочка, имеющая с одной стороны голову (Цзайгда) с перьями, а с другой — два крючка. Этими крючками помощники шамана зацепляют его за пояс и крепко держат за верёвку. Если злых духов много и шамана не удержат, то они унесут его далеко за море и там он погибнет. Уйга помогает и в том случае, если шаман во время камлания попадет в бездну.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 32

НИАМО УЙГА

РЕМЕНЬ ШАМАНА

Шаманский ремень, имеющий то же значение, что и «уйга». Ремень этот изображает змею, но без крючков и головы с перьями. Ремень просто завязывается за пояс шамана.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне», стр. 34

7

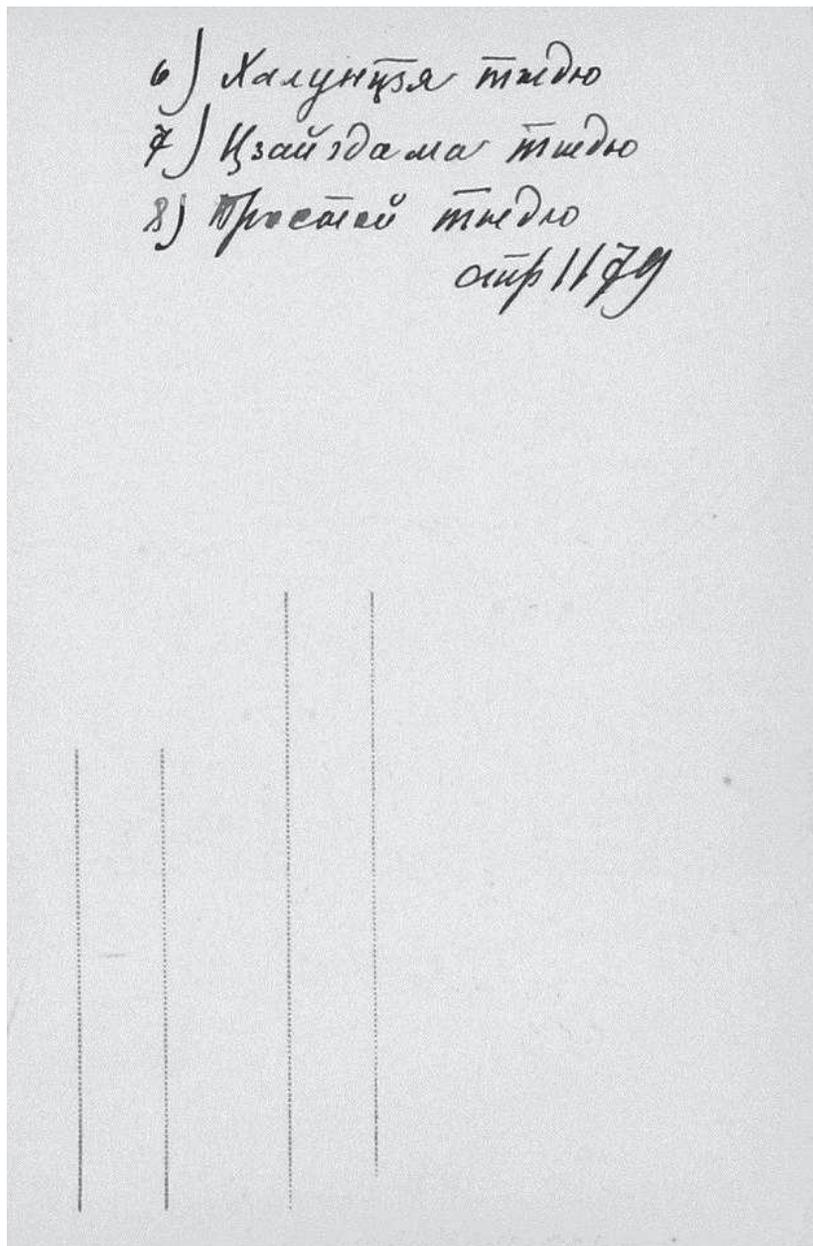
6

8

ХАЛУНЦЗЯ ТЫДЮ ЦЗАЙГДАМА ТЫДЮ ПРОСТОЙ ТЫДЮ

ЖЕЗЛЫ ШАМАНА

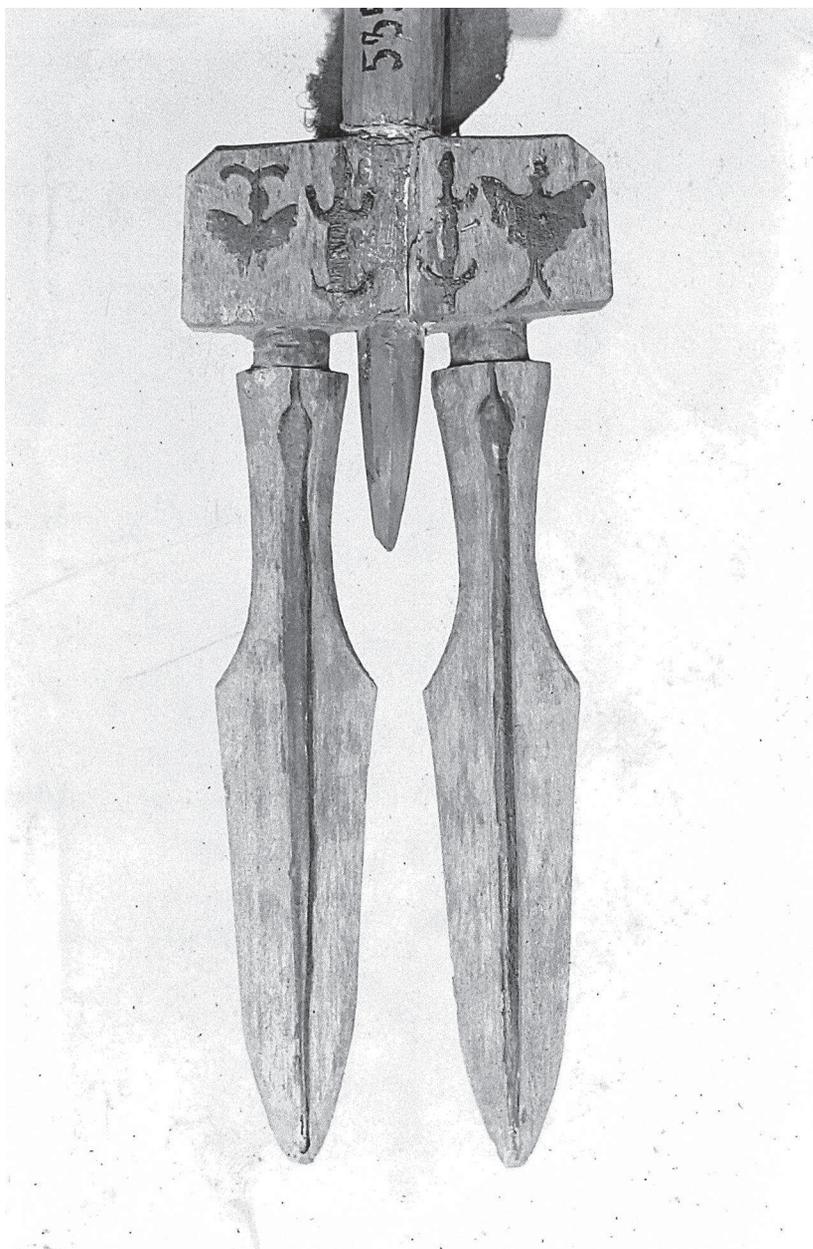

Простой тыдю. Шаманский жезл, употребляемый для опахивания больного, для чего к основанию ножа «Хоогдо», употребляемого при ходьбе по льду, привязываются полосы цветной материи. На другом конце — человеческая голова (Цзайгда).

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 34

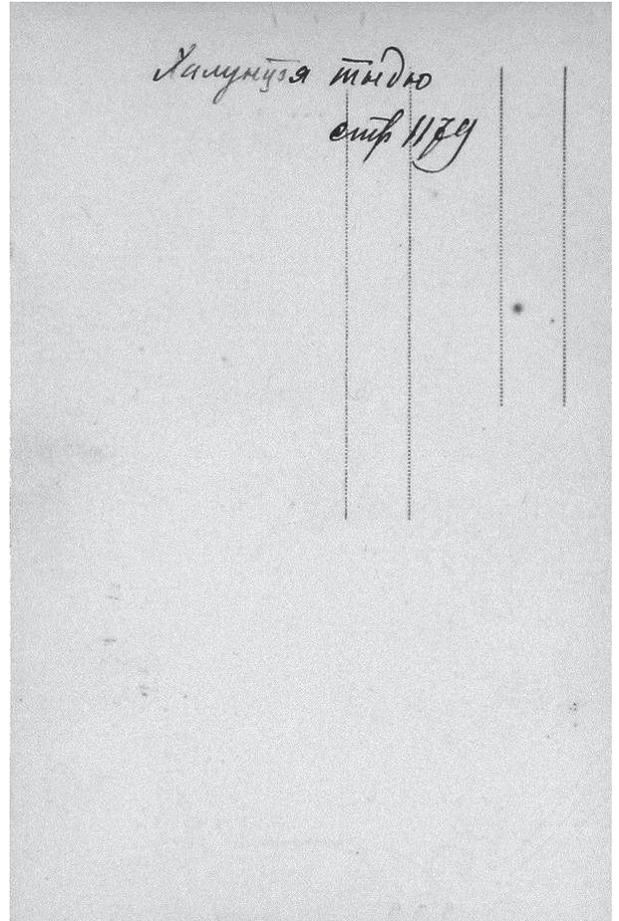
ХАЛУНЦЗЯ ТЫДЮ

нижняя часть жезла

ХАЛУНЦЗЯ ТЫДЮ

верхняя часть жезла

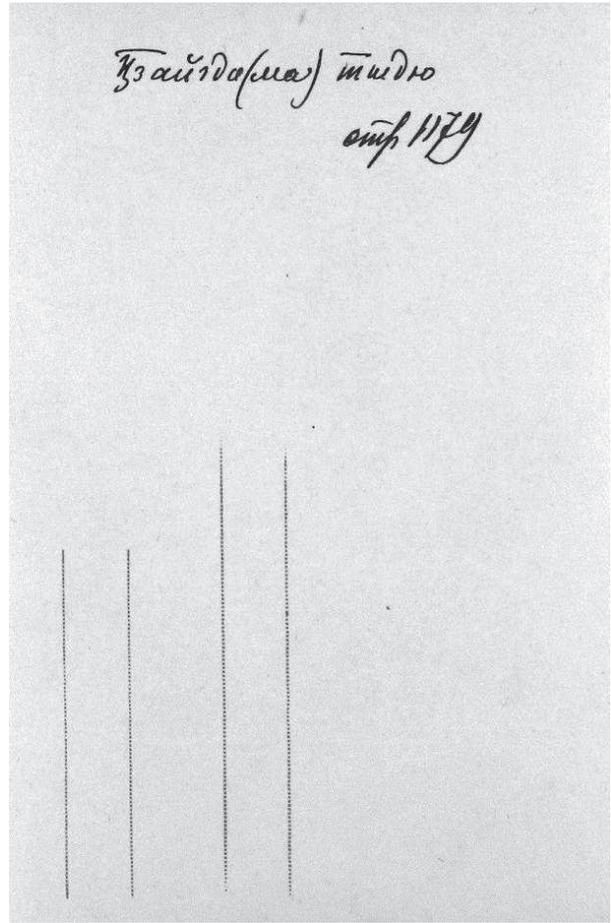

Шаманский жезл «Тыдю». Служит опорой шаману во время путешествия в загробный мир. Два копия назначаются для борьбы с чёртом. Жезл для прочности обвивает змея. На верхнем конце голова Цзайгда с ножом (Хоогдо). Около копий те животные, в образе которых являются духи, помогающие шаману (птицы, лягушки, ящерицы и бабочки и т. п.).

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 32

ЦЗАЙГДА(МА) ТЫДЮ (КОНМО ТЫЧЖЮ)

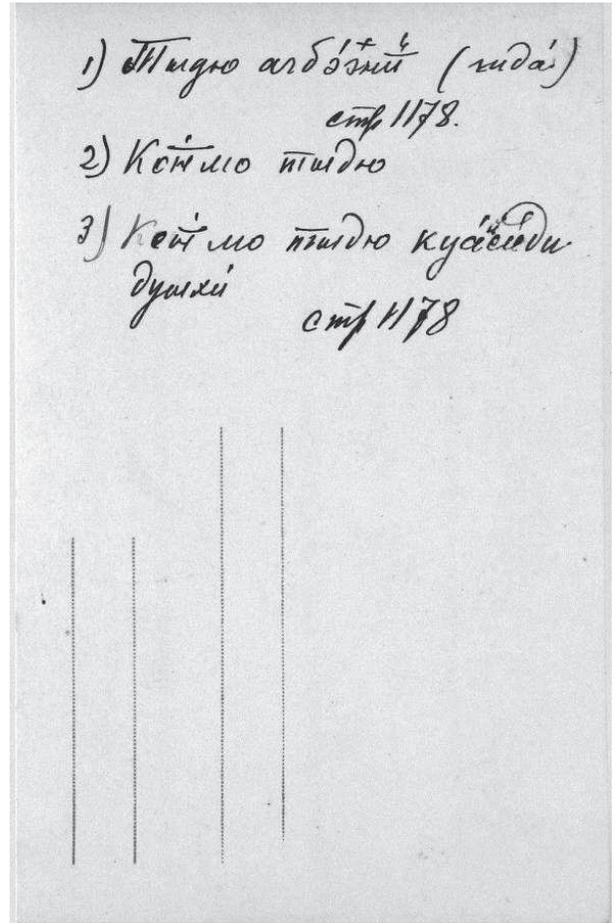
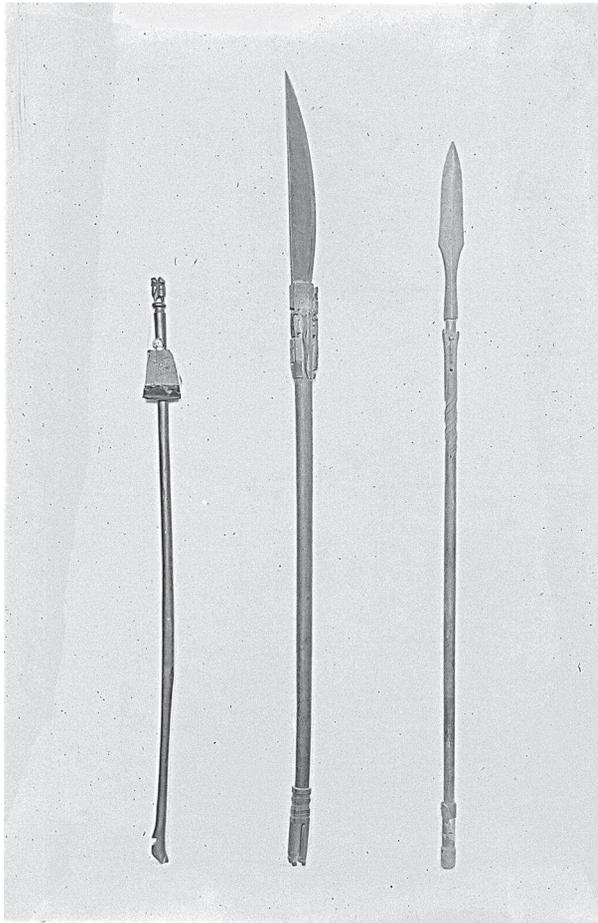
фрагмент жезла

Шаманский жезл, употребляемый для опахивания больного, для чего к основанию копья привязываются полоски цветной материи. Ороческое название «Конмотычжю». На другом конце жезла человеческая голова (Цзайгда).

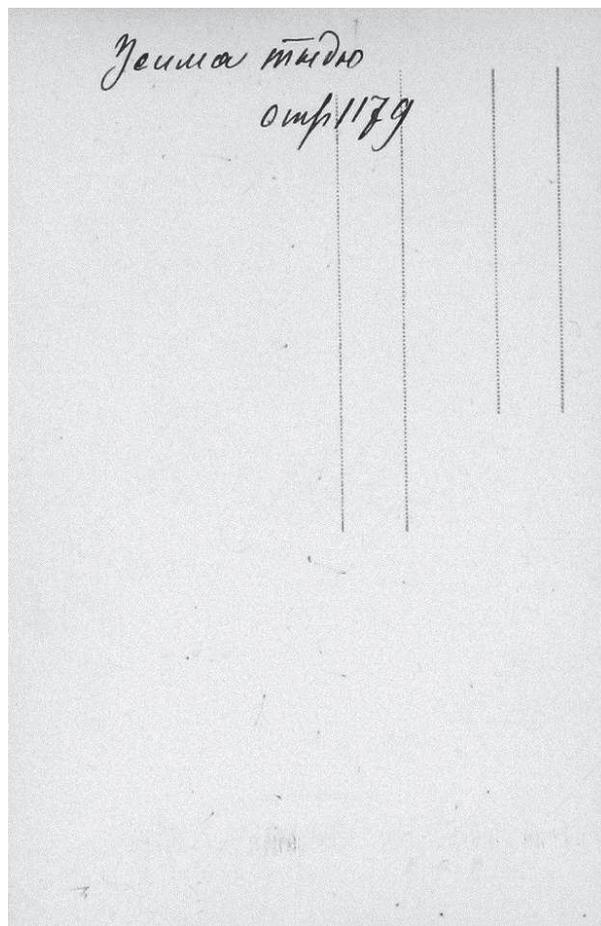
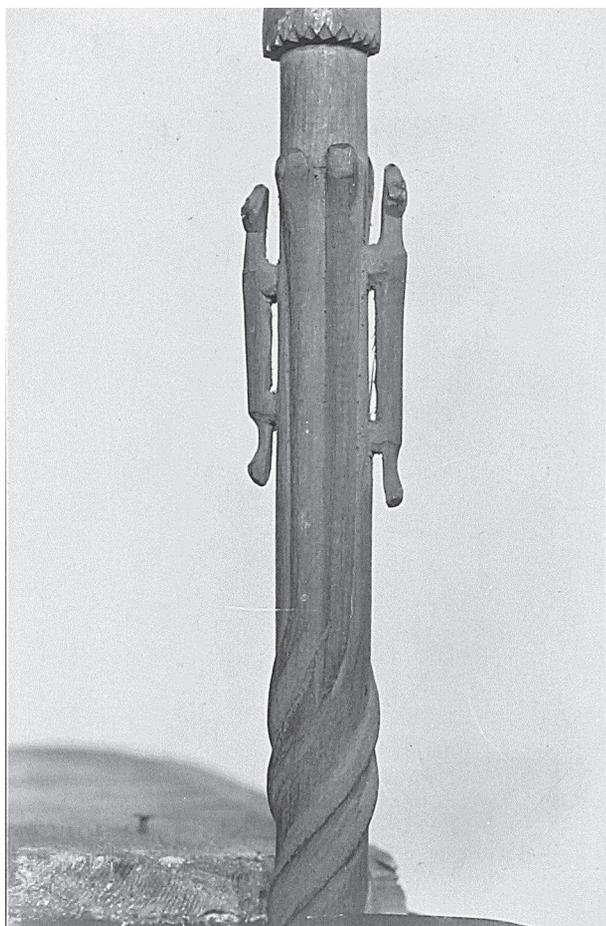
В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 34

ТЫДЮ АГБЭЭНИ (ГИДА)
КОНМО ТЫДЮ
КОНМО ТЫДЮ КУАСИДИ ДУЫХИ
ЖЕЗЛЫ ШАМАНА

УСИМА ТЫДЮ (ГИДА)

фрагмент жезла

УСИМА ТЫДЮ (ГИДА)

верхняя часть жезла

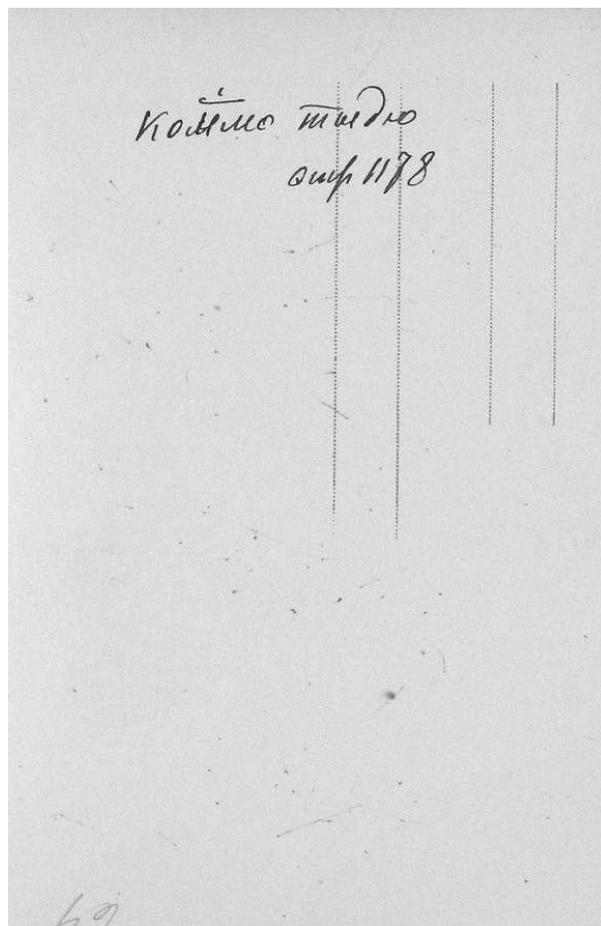
В тяжбах между родами существовала такая практика. «Для разбора конфликта с той и другой стороны выбирается по одному лицу, принадлежащему непременно к нейтральному роду. Это судебные защитники («Манга» — буквы Н и Г произносятся с явственным носовым звуком). Каждый тяжущийся род старается выбрать такого защитника, который силой своей логики и силой красноречия мог бы защитить их интересы. В руках у каждого из них — жезлы (Тыдю), на нижних концах которых деревянные копыя, а на верхних — изображения человеческих голов. В таком жезле таится божественная сила, помогающая оратору уговорить враждующие стороны. От этих защитников зависит решение судьбы виновных. Беда, если они будут несговорчивы и не пойдут на уступки. Во время процесса, в случае неуступок одной из сторон, ораторы-защитники грозят прервать переговоры. Все же обычай требует, чтобы такое пререкание было возможно длительнее и чтобы ораторы несколько раз делали вид, будто хотят ломать жезлы, что должно повлечь за собою снова открытие военных действий.

В. К. Арсеньев

«Лесные люди удэгейцы», стр. 29–30

КОНМО ТЫДЮ

фрагмент жезла

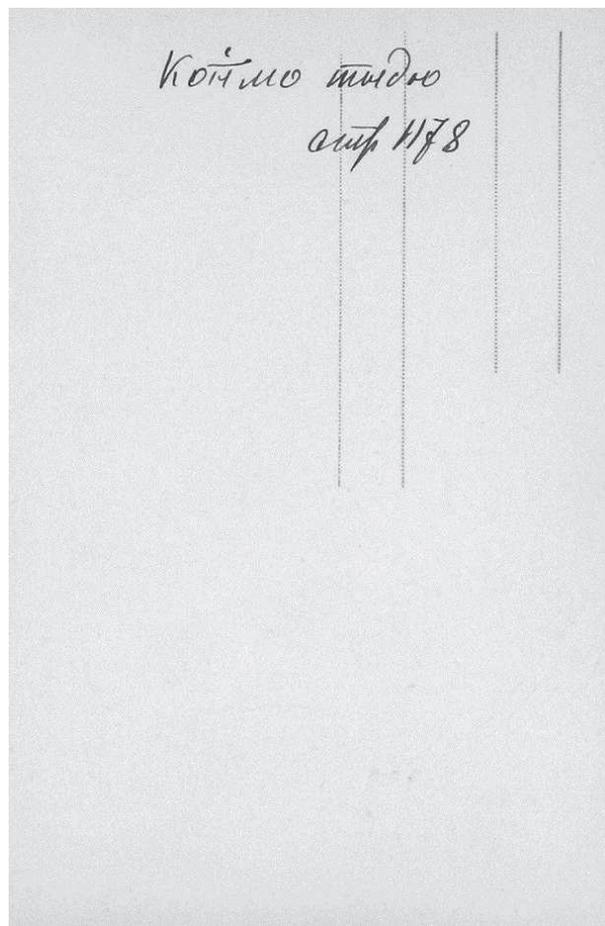

●
Шаманский жезл, употребляемый для опахивания больного, для чего к основанию копия привязываются полоски цветной материи. Ороческое название «Конмотычжю». На другом конце жезла человеческая голова (Цзайгда).

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 34

КОНМО ТЫДЮ

верхняя часть жезла

КОНМО ТЫДЮ КУАСИДИ ДУЫХИ

верхняя часть жезла

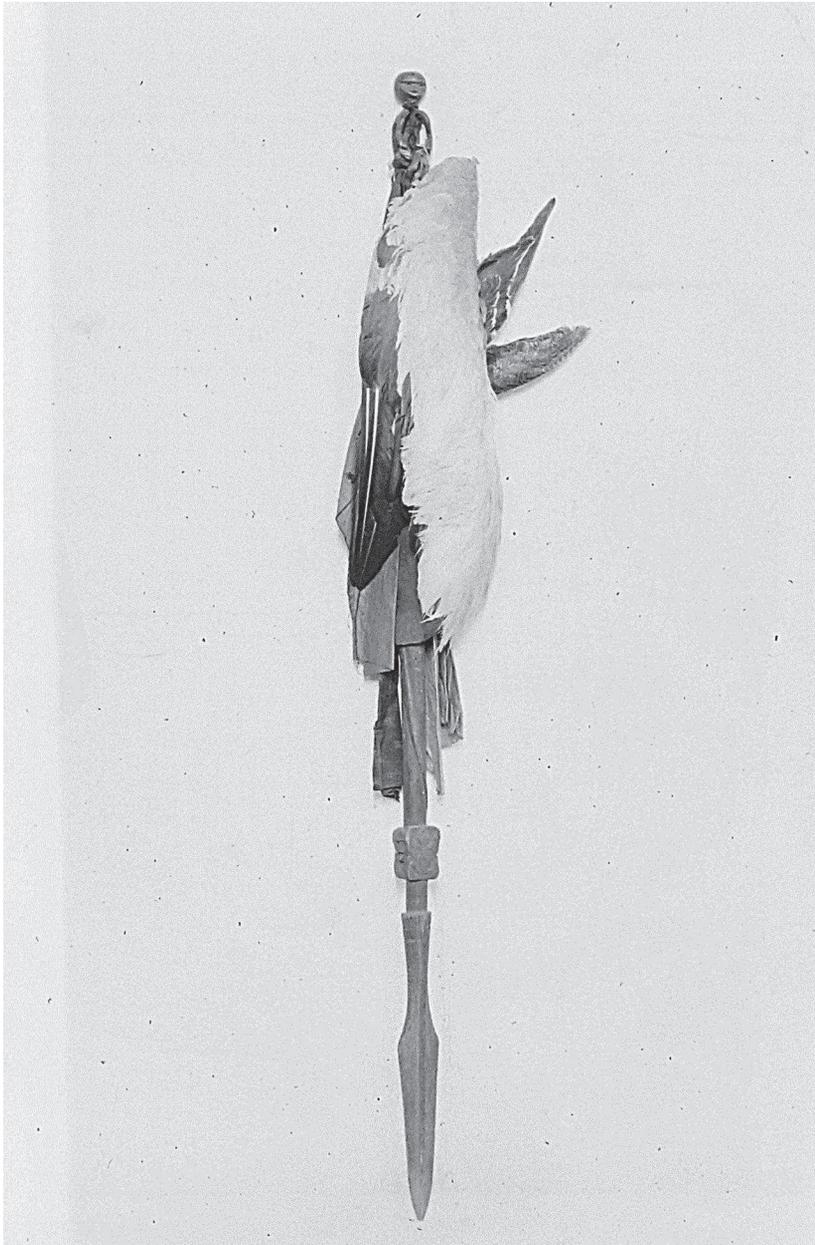
КОНМО ТЫДЮ КУАСИДИ ДУЫХИ

нижняя часть жезла

ТЫДЮ (ТЭАМА ТЫДЮ)

жезл шамана

Шаманский жезл «Тыдю». Шаман на пути в загробный мир опирается на этот жезл, подобно человеку, едущему в лодке и опирающемуся шестом о дно реки. Копьё — для поражения чёрта. Чтобы жезл был прочным, его обвивает змея. На верхнем конце — ясновидящий человек и лягушка. Это символ жизни и плодородия. Крылья и шкурки птиц — для опаживания больного при изгнании из него злого духа.

В. К. Арсеньев «Орочи-Удэне»,
стр. 33

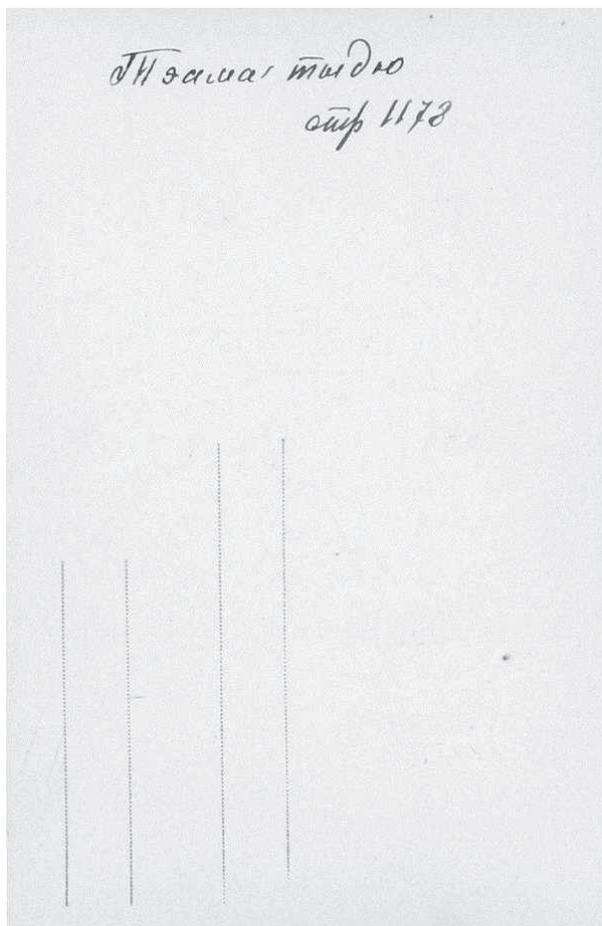
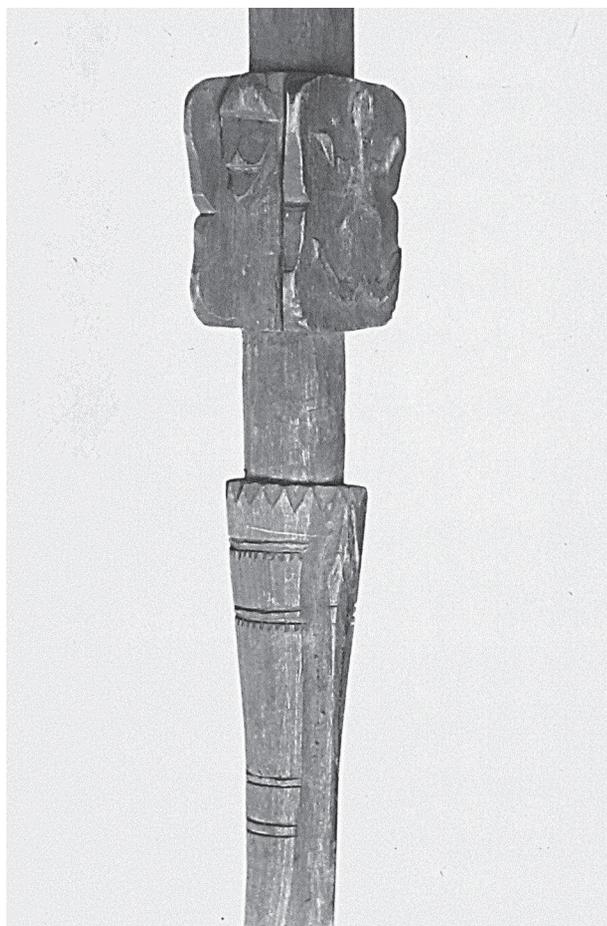
ТЭАМА ТЫДЮ

навершие жезла

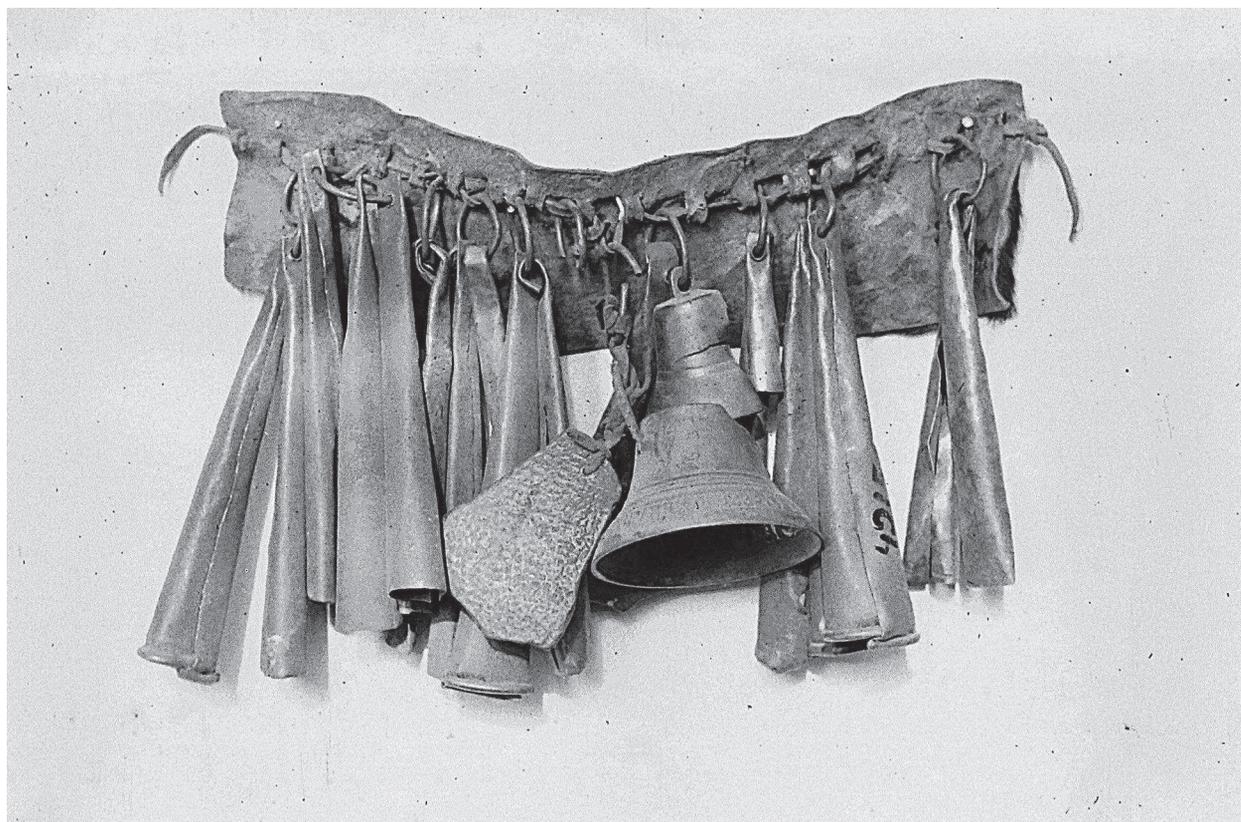

ТЭАМА ТЫДЮ

фрагмент жезла

ПОЯС ШАМАНА

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ РУКОПИСИ

Если бы не эти близкие мне люди, если бы я был один — я давно ушёл бы далеко в горы, подальше от города, от фальши, лжи, зависти и злобы... Моё желание закончить обработку своих научных материалов и уйти, уйти подальше, уйти совсем — к Дерсу!..

***Из письма В. К. Арсеньева профессору
Ф. Ф. Аристову от 27 июня 1930 г.***

Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминает главное отличие двух арестов своего мужа, Осипа Мандельштама, — в 1934 и в 1938 годах. Если в первый раз обыск длился всю ночь, чекисты внимательно перебирали бумажки, чтобы конфисковать и унести самые крамольные на их взгляд, то во время второго ареста рукописи арестованного выгребались сразу и подчистую. Вот что она пишет в своих «Воспоминаниях»: «Небрежно перевернули тюфяки, выкинули на пол все вещи из чемодана, сгребли в мешок бумаги, потоптались и исчезли, уведя с собой О. М.»

Подобные аресты на пике сталинского террора стали обыденностью. Причём нередко аресты происходили с полной конфискацией творческого наследия — книг, рукописей и научных трудов, дневников и писем, фотографий, рисунков и картин... В этом списке можно перечислить все материальные свидетельства и предметы как личной жизни, так и творческой деятельности. Это была тотальная зачистка не только самих людей, но и результатов их творческой и научной жизни. Если же писатель или учёный волею судьбы успевал уйти из жизни до наступления Большого советского террора, то судьба его родных и близких, судьба творческого наследия, как правило, тоже были предreshены.

Уже в 1931 году, буквально через год после смерти Арсеньева, в краевой партийной газете «Красное знамя» началась посмертная травля учёного и писателя, где его мировоззрение и творчество объявляли чуждыми советской идеологии и требовали разоблачения. В 1934 году жену писателя — Маргариту Николаевну арестовали в первый раз и обвинили в шпионской деятельности в пользу Германии и Японии. Но она проявила необыкновенную стойкость и не признала за собой вины, и это спасло её на этот раз. В 1936 году её освободили, но фактически наложили запрет на работу, объявив «антисоветским элементом». Маргарита Николаевна уехала в Москву, но быстро вернулась во Владивосток — здесь были коллекции и рукописи Арсеньева, в работе с которыми, их публикации она видела весь смысл своей жизни. Её тревога об участии наследия мужа конеч-

но же имела под собой все основания, но, думается, в этот момент даже она, прошедшая застенки НКВД, до конца не понимала, насколько велика и слепа ненависть тоталитарного режима к свободному интеллектуальному творчеству, какая неминуемая опасность нависла над рукописями Арсеньева.

Если бы она понимала всю реальность этой угрозы, она бы предприняла попытки по укрытию его сочинений. Вот почему ко времени второго ареста в 1937 году все рукописи, документы и коллекции Арсеньева, остававшиеся в её личном владении, находились в их доме. Соседка Арсеньевых, присутствовавшая при обыске и аресте Маргариты Николаевны, впоследствии утверждала, что в доме было конфисковано девятнадцать мешков с рукописями, документами и прочими материалами.

Понятно, что подобное свидетельство не может считаться абсолютно достоверным, тем более относительно числа мешков. Аберрация памяти свидетельницы могла уменьшить это количество, а может, наоборот, увеличить, но в сам факт конфискации невозможно не поверить. Никогда из дома учёного или писателя, пусть даже умершего, чекисты не уходили с пустыми руками, ведь рукописи могли служить доказательством вины, в нашем случае как самой М. Н. Арсеньевой, так и её покойного мужа, против которого именно в это время вновь была развернута обвинительная кампания.

История русской литературы советского тоталитарного периода имеет немало свидетельств, когда у авторов при аресте или изымалось буквально всё, что относилось к их творческой работе, или частично, но арестовать творческого человека голым, без рукописей — таких свидетельств нет. Конфискация рукописей — от безобидных стихов до учёных сочинений — было делом обязательным и рутинным. Хотя бы просто потому, что следственный процесс должен был

подтверждаться документами. А еще потому, что всякий тоталитарный режим XX века, особенно в советский сталинский период, обладал поистине библейской верой в слово — его магическую силу, в способность воздействовать на умы людей, менять мировоззрение и идеологию. Советские коммунисты наяву видели тотальное действие своей собственной пропаганды, оттого и боялись любого другого, чуждого им рукописного или печатного слова — художественного, научного, публицистического. Надо сказать, что эта истовая вера в слово некоторым образом объединяла палачей и жертв, художников в широком смысле слова и представителей репрессивной официальной власти.

Именно в день ареста М. Н. Арсеньевой — 2 июля 1937 года — начинается тайная жизнь главной книги писателя «Страна Удэхе». Над ней, по многочисленным свидетельствам самого писателя, оставшимся в его письмах, он работал долгие годы, считал эту монографию основным трудом всей жизни. Из его переписки с профессором Л. Я. Штернбергом, которого он просил стать рецензентом и редактором книги, видно, что речь идёт о большом труде, практически подготовленном по крайней мере к редакторской работе. Как известно, Владимир Клавдиевич в своём человеческом и профессиональном общении совершенно не склонен был к фантазиям, преувеличениям и лишён всякого стремления выдавать желаемое за действительность.

Реальное существование монографии «Страна Удэхе» подтверждается и новыми находками. Среди материалов арсеньевского архива, хранящегося в ОИАК, сотрудниками Музея им. В. К. Арсеньева были найдены негативы и фотографии предметов удэгейских шаманов. А на обратной стороне этих снимков рукой Арсеньева указаны номера страниц рукописи, к которым относятся эти фотографии, причем номера страниц выходят за пределы тысячи — 1179, 1183 и так далее. Рукописей такого объёма в наследии ученого и писателя нет — и это наводит на мысль, что фотографии относятся к иллюстративным материалам книги «Страна Удэхе».

Если признать, что рукопись этой монографии была конфискована именно во время ареста М. Н. Арсеньевой, то возникают два основных вопроса: почему именно эта рукопись была изъята и где она может находиться ненайденной до сегодняшнего дня? На первый вопрос может быть множество ответов: начиная с того, что столь объёмная и представительная рукопись могла быть доказательством качественного обыска и всей работы чекистов, и заканчивая простой случайностью, когда гребут всё, что попадает под руки.

По тогдашней ситуации получается, что органам нужны были доказательства, как против М. Н. Арсеньевой, так и против её покойного мужа. В этом и заключалась инфернальная логика энкаведэшников — обвинить не только живых, но и мёртвых. Возможна здесь и связь с шаманизмом, которому Арсеньев, как показывают находки, уделял в своей работе немало внимания. В 20-30-е годы в Сибири и на Дальнем Востоке шла целенаправленная борьба с шаманскими культурами и конкретно с самими шаманами — их арестовывали, сажали в лагеря, а предметы шаманских обрядов конфисковывались или просто уничтожались.

Если бы рукопись Арсеньева в это время уже хранилась в каком-нибудь музее, как знать, может, она бы и уцелела, но, если она была в доме Маргариты Николаевны в момент ареста, то скорее всего, оказалась в одном из мешков. Современные исследователи обращались в органы ФСБ Приморья с вопросом о рукописи «Страна Удэхе», но там ответили, что у них ничего нет. Возможно, что это действительно так, поскольку миф о том, что в подвалах условной Лубянки ничего не исчезает, уже вполне развеян. Далеко не всё, изъятое в годы террора у творческой интеллигенции, получало гриф «Хранить вечно». Многие уничтожались вместе со смертью арестованных, многое — во время всевозможных чисток внутри самих органов.

Вот, например, судьба рукописного наследия дальневосточного поэта Венедикта Марта (Матвеева) — отъявленного декадента, отчасти футуриста, затем советского писателя, жившего во время ареста в 1937 году в Киеве. Страшно далеки в человеческом и творческом смысле фигуры В. К. Арсеньева и В. Марта, хотя какое-то время они и жили одновременно во Владивостоке, но с точки зрения тоталитарной советской власти они были одинаково опасны, как люди именно индивидуального, творческого склада. В начале двадцатых годов Март жил в Харбине, что и послужило причиной его ареста — в 1937 году наряду с другими раскручивалось и «харбинское дело», по которому было репрессировано более тридцати тысяч бывших харбинцев. Начало всему положил 30 сентября 1937 года оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н. И. Ежова за № 00593. Суть этой репрессивной кампании состояла в том, что возвратившиеся харбинцы на территории СССР объявлялись японскими шпионами и диверсантами. Венедикт Матвеев к тому же хорошо знал японский язык, бывал в Японии и переводил японских поэтов, что ему, безусловно, вменялось в вину.

Но в нашем случае суть даже не в репрессиях, а в том, что произошло с изъятыми у писателя рукописями. Вот два документа. Документ первый: «Я, оперуполномоченный третьего отд. УГБ НКВД УССР Лубенец, рассмотрел документы и переписку, изъятую согласно протокола обыска от

12/IV-37 у арестованного Матвеева Венедикта Николаевича, а именно: 1) разной переписки три места, 2) рукопись «Война и война», и принимая во внимание, что указанная рукопись и разная переписка не подлежат возвращению и не приобщаются к следделу, постановил: изъятую переписку и рукопись у арестованного Матвеева В. Н. уничтожить». Документ второй: «Мы, оперуполномоченный Лубенец и Максимчук, составили настоящий акт в том, что нами уничтожены рукопись и переписка, изъятые у арестованного Матвеева, в чем и расписываемся...» Вот так и была уничтожена рукопись неизданного романа «Война и война» Венедикта Марта. Наверняка подобным образом пропали рукописи многих репрессированных писателей, поэтов, ученых и русских философов Серебряного века. Альфред Хейдок, представитель дальневосточной эмиграции и популярный в Харбине писатель, вернулся в СССР в 1947 году, причём вернулся с архивом, в 1950 году его арестовали и конфисковали всё имущество. А когда он освобочился в 1956 году, то ему вернули всего два документа: свидетельство о рождении и удостоверение Шанхайского общества журналистов и беллетристов. Весь его архив канул в тоталитарную бездну.

Тут ведь дело не только в неумолимой машине тоталитаризма, когда она добиралась до творческого наследия того или иного писателя, художника или ученого, но в самом страхе, который порой заставлял самих авторов, а также их родных и близких сжигать, уничтожать самыми разными способами рукописи и картины, рисунки и дневники, фотографии и письма... Буквально всё, включая простые свидетельства частной жизни, если она хоть как-то не укладывалась в прокрустово ложе советской идеологии.

Хотя довольно часто опасные произведения прятались в укромных местах, закапывались в землю, а потом уже никогда не дожидались своих владельцев. Известна история со знаменитой эзотерической книгой Даниила Андреева «Роза мира», рукопись которой его жена — Алла Андреева, закопала в бидоне в Краснодарском крае в окрестностях городка Горячий Ключ в 1958 году, когда автору оставалось жить всего полгода. Но она сохранила второй экземпляр, который и был впервые издан в 1991 году. Поклонники мистика до сих ищут закопанную рукопись, но безрезультатно.

Означают ли все эти трагические факты и реальные свидетельства, что рукописи в тоталитарном строе горят раз и навсегда, окончательно, что мы должны оставить надежду найти когда-нибудь «Страну Удэхе»?.. Эх, если бы речь шла о стихах или даже прозе, когда, например, Н. Я. Мандельштам мало того что прятала наследие мужа в разных местах и у разных людей, но ещё и хранила в памяти все стихи Мандельштама и даже его прозу, но здесь мы подразумеваем большую монографию. Сохранить в памяти монографию невозможно, да и Маргарита Николаевна была расстреляна уже в 1938 году. Но, с другой стороны, в русской истории

утраченные и конфискованные рукописи тоже находились. Например, в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века, когда приоткрылись различные спецхраны, в том числе и архивы КГБ, из тьмы небытия появилось немало рукописей, о которых мечтали учёные, исследователи, просто читатели. Например, в 1926 году у Булгакова были конфискованы рукописи «Собачьего сердца» и дневник 1923 года. Писатель проявил удивительную смелость и настырность, требуя, чтобы рукописи ему вернули. В 1929 году ему отдали дневник, он его сжёг, но уже во время перестройки в закромах КГБ обнаружилась фотокопия. Так в наследии Булгакова появился его дневник, который называется «Под пятой».

Писателем Виталием Шенталинским, который в эти времена приоткрывшихся архивов много работал с писательскими делами на Лубянке, была найдена вершинная поэма в творчестве Николая Клюева «Песнь о Великой Матери». Тогда же он обнаружил объёмистую папку с надписью: «ОГПУ. Совершенно секретно. Неизданные произведения, изъятые при обыске (Андрея Платонова). Москва, 1933 год».

Уже в 1997 году в архивах Лубянки всплыли арестованные в тридцатых годах рукописи знаменитого философа А. Ф. Лосева, которые считались навсегда утраченными. И это не одиночные случаи, так что надежда обрести «Страну Удэхе» остаётся, окончательного приговора нет. И если в каких-либо специальных архивах нам говорят, что у них ничего нет, стоит подумать не только о бюрократическом порядке, но и о бюрократическом бардаке — в устройстве нашей страны всё это удивительным образом сочетается. Не по злему умыслу, а по небрежности рукопись вполне может быть затерянной в запущенных документах и хранилищах.

Самое русское, наше, кровное во всей этой ситуации — неокончателность любого вывода. Будущее в России так же непредсказуемо, как и прошлое. Нельзя сказать: все, мы потеряли рукопись В. К. Арсеньева навсегда, или так: мы непременно найдём рукопись, это всего лишь вопрос времени. Можно только утверждать эти противоположные положения одновременно. И наконец, в тонких мирах, куда отправляются удэгейские шаманы, своя география, флора и фауна, так что вполне возможно, что Владимир Клавдиевич, отправляясь в своё последнее путешествие, захватил рукопись с собой — дополнить новыми материалами о стране Удэхе. Вот доработает — и вернёт. Хотя и здесь возможен вариант: может быть, он просто не видит, кому можно эту рукопись доверить...

АЛЕКСАНДР ЛОБЫЧЕВ, литературный и художественный критик, научный сотрудник ПГОМ имени В. К. Арсеньева

ДЕРЕВЯННАЯ КУЛЬТОВАЯ СКУЛЬПТУРА

Предмет	Название и номер предмета в каталоге «Орочи-удэхе»	Место хранения и номер учёта	Предмет	Название и номер предмета в каталоге «Орочи-удэхе»	Место хранения и номер учёта
	ТХУН священное дерево № 35 (5386)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова <i>ХКМ КП 10492/4</i>		СЕВОХИ КОКЕЛАМ № 26 (5377)	●
	СЕВОХИ ГАХАМ № 33 (5384)	●		СЕВОХИ ЧЕНОМНИ № 38 (5389)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова <i>ХКМ КП 1602 (5389)</i>
	СЕВОХИ НИ НА ОДНОЙ НОГЕ № 29 (5380)	●		СЕВОХИ ДЫМ ЯГО ТЫЭНКУ № 31 (5382)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова <i>ХКМ КП 2993 (5382)</i>
	СЕВОХИ ТАБДЭЭНИ НА ТИГРЕ ЯГА № 34 (5385)	●		СЕВОХИ КУСАЛЯНКУ С ЛУКОМ № 23 (5374)	●
	СЕВОХИ КУСАЛЯНКУ С ТИГРАМИ № 30 (5381)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова <i>ХКМ КП 10492/3 (5381)</i>		СЕВОХИ НИ № 28 (5379)	●
	СЕВОХИ НИЭНКУ № 27 (5378)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова <i>ХКМ КП 1127 (5378)</i>			

**СЕВОХИ
СОЛЭ-КОЙ**
№ 22 (5373)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
НВ-11875

**СЕВОХИ НИ
ПУСТОТЕЛЬ**
№ 32 (5383)

**ФУДАНКУ
НИЭНКУ**
№ 25 (5376)

**ФУДАНКУ
ГАХАДИ ТЭМНЯХУ**
№ 36 (5387)

**ФУДАНКУ
БУИНДИ
ТЭМНЯХУ**
№ 37 (5388)

**ФУДАНКУ
НИ**
№ 24 (5375)

**ГЛАВНЫЙ
СЕВОХИ
МАНГНИ**
№ 18 (5369)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2983

**СЕВОХИ НИ
КОМПЛЕКСА
МАНГНИ**
№ 19 (5370)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 10488/
1,2 (5370-1,2)

**НАГАСЭ
ЖЕРТВЕННЫЕ
ПНИ
КОМПЛЕКСА
МАНГНИ**
№ 21 (5372)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 10488/3,4
(5372-1,2)

**ГАХА-КУА
ПТИЦА
КОМПЛЕКСА
МАНГНИ**
№ 20 (5371)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 1088 (5371)

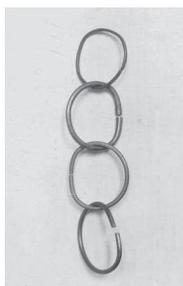

**ЖЕРТВЕННЫЙ
СОСУД
В ВИДЕ ПТИЦЫ**

ОДЕЖДА, УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ БЫТА

**УЙГА
СЕРЬГА УШНАЯ**
№13 (5333)

**ТОНГО
КОЛЬЦА УШНЫЕ
МЕДНЫЕ**

Предмет	Название и номер предмета в каталоге «Орочи-удэхе»	Место хранения и номер учёта	Предмет	Название и номер предмета в каталоге «Орочи-удэхе»	Место хранения и номер учёта
	ТЯ(А)МА УМАТЫНИ ПОЯС КОСТЯНОЙ	●		ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ № 15 (5942)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 1585/5942
	ЦЗАУГА НАУШНИКИ МЕХОВЫЕ № 7 (5327)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 185 Э – 660 (5327)		ПОМПУ ПОКРЫВАЛО НА ГОЛОВУ	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 93 (3271)
	БОГДО ШАПКА ОХОТНИЧЬЯ ЗИМНЯЯ	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 2185 (3271)		ПОКТО ХАЛАТ ЖЕНСКИЙ	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 10443 (№ 4741, 5944)
	ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР	●		АДАКТЫ ХУМУНИ ОРНАМЕНТ НАРУКАВНИКА	●
	ШАПОЧКА ЖЕНСКАЯ	●		ТЭГА ХАЛАТ МУЖСКОЙ № 14 (5941)	Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова ХКМ КП 181
	КОЛО РУКАВИЦЫ МЕХОВЫЕ № 22 (5336)	●			

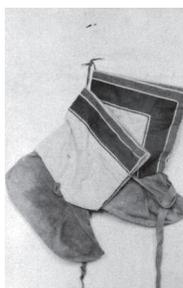
**АДАКТЫ
ИГАНИ**
ОРНАМЕНТ
НАРУКАВНИКА
№ 5 (5325)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 14
(№ 5418)

СЮГБУМ УНТА
ОБУВЬ ИЗ РЫБЬЕЙ
КОЖИ
№ 10 (5330)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 3836,
3837 (5330 а, в)

ТЭГЕМ УНТА
ОБУВЬ
ИЗ КОЖИ
ИЗЮБРЯ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2768/1 Э-196
(№ 4765, 5415-а)

ТЭГЕМ УНТА
ОБУВЬ ИЗ КОЖИ
ИЗЮБРЯ
№ 11 (5331)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2229/
Э-201 а,б (5331)

ХАЙКТА УЙБАНИ
ТРАВА ДЛЯ ОБУВИ

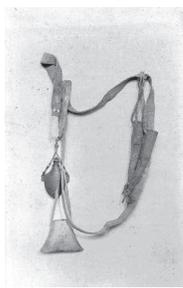

СУГБУМ ПАДУ
СУМОЧКА
ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ
№ 8 (5328)

**СЮГБУМ
ПУТА**
СУМОЧКА
ИЗ РЫБЬЕЙ
КОЖИ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 1632/
Э-442 (№ 5462)

УМУ
ПОЯС
ОХОТНИЧИЙ
С ЗАСТЁЖКОЙ
И ПОРОХОВНИЦЕЙ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2304 а-д

**МОМА
ХАЛАЗА**
ПОРОХОВНИЦА
ДЕРЕВЯННАЯ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 96
(№ 3096, 2753)

**НИ(Е)АМО
ГИГУНКУ**
ПОГРЕМУШКА
ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 603 (5949-3)

УМУХУ
ЗЫБКА ДЕТСКАЯ
№ 12 (5316-1,2,3)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2886 (5316)

ЯБЧУГУ
ПОДВЕСКИ
К ЗЫБКЕ
№ 14 (5318)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2810 (5318)

ЦЗАПА
ИГРУШКИ

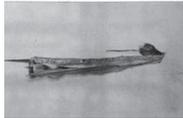

**КРЫЛО ОРЛА
С БЕРЕСТЯНОЙ
НАКЛАДКОЙ**
№ 15 (5319)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
*ХКМ КП 2743/
Э-621 (5319)*

САПУЛЮХУНИ
БЕРЕСТЯНОЙ
СОСУД ДЛЯ ЛОЖЕК
И ПАЛОЧЕК

**СИНМИ
СИНАНИ**
КОЛЧАН
СО СТРЕЛАМИ

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
*ХКМ КП 1628/Э-
617/1,2 (№ 5477)*

НЮ(У)КТА
ОБРАЗЕЦ ВОЛОС
(АНТРОПОЛОГИ-
ЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ)

АТТРИБУТЫ ШАМАНА

Предмет

Название
и номер предмета
в каталоге
«Орочи-удэхе»

Место хранения
и номер учёта

Предмет

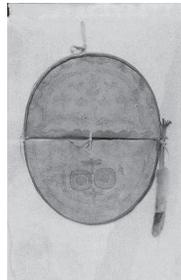
Название
и номер предмета
в каталоге
«Орочи-удэхе»

Место хранения
и номер учёта

**ЯМКПА
МОХЭНИ**
ФУТЛЯР
ДЛЯ ХРАНЕНИЯ
ПОЯСА ШАМАНА
№ 17 (5368)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
*ХКМ КП 1078
(5368)*

УНКТУ ТЭКПУНИ
БЕРЕСТЯНОЙ
ФУТЛЯР
ДЛЯ БУБНА
ШАМАНА,
КОЛОТУШКА
ДЛЯ БУБНА
№ 8 (5359)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2208 (5359)
● (колотушка)

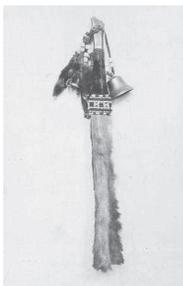
УНКТУ
БУБЕН ШАМАНА,
КОЛОТУШКА
ДЛЯ БУБНА
№ 9 (5360)

● (бубен)
Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
(колотушка)
ХКМ КП 1199 (5360)

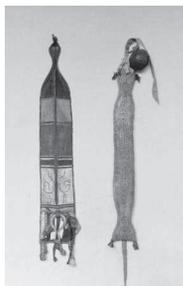
ХАМБАБА
МАСКА ШАМАНА
№ 3 (5354)

Хабаровский
краевой музей
им. Н. И. Гродекова
*ХКМ КП 1608/2
(5354)*

КОМОКТА(О)
КОЛОТУШКА
ДЛЯ БУБНА
С БУБЕНЦОМ

ОЁ(Я)
(СЭ-СЮККЕНИ)
 НАГРУДНИК
 ШАМАНА,
ЯНКПА МУДЭНИ
 ПОЯС ШАМАНА
 В ВИДЕ КАСАТКИ
 ТЭМУ
 № 1 (5352), № 39
 (5390) +, (5391)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
 ● (бубенчик)
ХКМ КП 10492/1 (5352)
ХКМ КП 84 (5390)

ХАЛУНЦЯ ТЫДЮ,
ЦЗАЙГДАМА
ТЫДЮ,
ПРОСТОЙ ТЫДЮ,
 ЖЕЗЛЫ ШАМАНА
 № 5 (5356)
 № 11 (5362)
 № 12 (5363)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 10492/2 (5356)
ХКМ КП 2211/1 (5362)
ХКМ КП 2818 (5363)

ХУА(Э)
(САМА-ХУАНИ)
 ЮБКА ШАМАНА
 № 2 (5353)

ТЫДЮ АГБЭЭНИ
(ГИДА),
КОНМО ТЫДЮ,
КОНМО ТЫДЮ
КУАСИДИ ДУЫХИ,
 ЖЕЗЛЫ ШАМАНА
 № 11 (5362)

●
 ●
 Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 3818

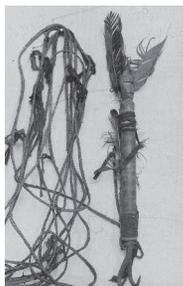
ТЭЛУМ ХОЁ
(САМА ТЭЯНИ)
 БЕРЕСТЯНАЯ
 ПОДСТИЛКА ПОД
 НОГИ ШАМАНА
 № 16 (5367)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2925
(5367)

ТЫДЮ
(ТЭАМА ТЫДЮ)
 ЖЕЗЛ ШАМАНА
 № 6 (5357)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2836 (5357)

УЙГА
 РЕМЕНЬ
 ШАМАНА
 № 4 (5355)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 2868/Э-610
(5355)

НИАМО УЙГА
 РЕМЕНЬ
 ШАМАНА
 № 14 (5365)

Хабаровский
 краевой музей
 им. Н. И. Гродекова
ХКМ КП 1213 (5365)

ПОЯС ШАМАНА

Условные обозначения:

- Место хранения известно
- Место хранения неизвестно

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

Арсеньев В. К. Каталог «Орочи-Удэне» Гродековского музея (1913 г.) / Предисловие Т. В. Мельниковой. — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2005. — 90 с.

Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы. — Владивосток: «Книжное дело», 1926. — 48 с.

Арсеньев В. К. Русско-орочский словарь: Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев / Составители А. Х. Гирфанова, Н. Л. Сухачев. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 495 с.

Гирфанова А. Х. Словарь удэгейско-русский и русско-удэгейский: Пособие для учащихся начальной школы. — СПб.: Издательство «Дрофа», 2002. — 176 с.

Люди рассвета: Каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / Автор-составитель М. В. Осипова. — Хабаровск: АО «Хабаровская краевая типография», 2017. — 360 с.

Материалы фонда В. К. Арсеньева в Архиве ОИАК (Ф. № 14)
Материалы фонда В. К. Арсеньева в собрании ПГОМ им. В. К. Арсеньева

Орочи. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / Автор-составитель М. В. Осипова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2014. — 168 с.

Удэгейцы: Каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / Автор-составитель Г. Т. Титорева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2016. — 188 с.

Шнейдер Е. Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка / Ответственный редактор С. М. Лазуко. — Москва-Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. — 149 с.

Команда проекта:

А. В. Петрук — руководитель
В. В. Кавецкая — этнограф
И. Н. Егорчев — исследователь

Команда проекта благодарит
председателя Приморского отделения
Русского географического общества —
Общества изучения Амурского края —
А. М. Буякова и его коллег
Л. Г. Мирошниченко, М. Н. Бабий,
Т. А. Файчук за помощь
в работе с фотоархивом В. К. Арсеньева.

Выражаем теплую признательность
музейным экспертам —
Леониду Юрьевичу Копылову,
Анне Щербаковой и Наталье Бондаренко
за поддержку, ценные советы
и дружеское участие.

Большое спасибо сотрудникам Хабаровского музея
им. Н. И. Гродекова — Т. В. Волковой
и К. Е. Пересыпкиной
за содействие в атрибуции предметов.

